ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте Российской Федерации»
Липецкий филиал

Липецкое отделение межрегиональной
просветительской общественной организации
«Объединение православных ученых»

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ:
ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных статей по материалам
III межвузовской научно-практической конференции
с международным участием
(Липецк, 24 мая 2022 г.)

Под общей редакцией
доктора технических наук, профессора *В. Н. Малыша*;
кандидата экономических наук, доцента *А. С. Шуруповой*

Воронеж
Издательско-полиграфический центр
«Научная книга»
2022

УДК 94.3
ББК 63.3(49=41)4
К43

Рецензенты:
д-р философских наук, зав. кафедрой философии Липецкого государственного технического университета *А. Г. Иванов*;
кандидат филологических наук, доцент Высшей школы перевода МГУ им. М. В. Ломоносова *М. В. Кульгавчук*

Научный редактор
д-р филол. наук *О. Ю. Усачева*

К43 **Кирилло-Мефодиевские** чтения: традиции и современность : сборник научных статей по материалам III межвузовской научно-практической конференции с международным участием (Липецк, 24 мая 2022 г.) / под общ. ред. В. Н. Малыша, А. С. Шуруповой ; науч. ред. О. Ю. Усачева. – Воронеж : Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022. – 176 с. – ISBN 978-5-4446-1722-9. – Текст : непосредственный.

В сборник статей вошли тексты докладов, представленных на III Межвузовскую научно-практическую конференцию с международным участием. В материалах представлены результаты историко-культурных, филологических, культурологических, педагогических и методических исследований, проводимых в широком контексте кирилло-мефодиевского наследия.

Сборник предназначен для ученых, преподавателей, специалистов-практиков, аспирантов, студентов.

Опубликованные материалы представлены в авторской редакции.

УДК 94.3
ББК 63.3(49=41)4

© РАНХиГС, Липецкий филиал, 2022
© МПОО «Объединение православных ученых», 2022
© Оформление. Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2022

ISBN 978-5-4446-1722-9

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

Вакулова Т.В.,
канд. полит. наук, Россия,
ФГАОУ ВО «Севастопольский государственный университет»
Vakulova T.V.
Candidate of Political Sciences
Russia, Sevastopol State University

ЦИВИЛИЗАЦИОННОЕ ЗНАЧЕНИЕ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

CIVILIZATIONAL SIGNIFICANCE OF THE ACTIVITIES OF CYRIL AND METHODIUS

Аннотация

Через призму цивилизационной теории Н.Я. Данилевского рассматривается значение деятельности равноапостольных Кирилла и Мефодия. На основании законов развития цивилизаций анализируется деятельность просветителей. Описываются события и результаты их трудов. Отмечается, что, обладая просветительским талантом, Кирилл и Мефодий увидели сходство славянских языков, создали алфавит не на основе грубого навязывания латинского языка, а на основе синтеза славянских языков с включением в него отдельных греческих букв. Именно благодаря такому подходу созданный алфавит был воспринят в славянских странах и стал активно использоваться, как письменная традиция.

Ключевые слова: цивилизация; язык; славянский алфавит; письменность.

Keywords: civilization; language; Slavic alphabet; writing.

Abstract

Through the prism of the civilizational theory of N.Y. Danilevsky, the significance of the activities of equal-to-the-Apostles Cyril and Methodius is considered. Based on the laws of the development of civilizations, the activity of educators is analyzed. The events and the results of their labors

are described. It is noted that having an educational talent, Cyril and Methodius saw the similarity of the Slavic languages, created an alphabet not based on the rough imposition of the Latin language, but on the basis of the synthesis of Slavic languages with the inclusion of individual Greek letters in it. It was thanks to this approach that the created alphabet was accepted in Slavic countries and began to be actively used as a written tradition.

По мнению Н.Я Данилевского, создателя цивилизационной теории, славяне представляют собой отдельный, самобытный культурно-исторический тип, или цивилизацию с присущей ей традицией и культурой. Автор доказывал, что славяне имеют самобытную культуру и неповторимый, самостоятельный путь развития. Данилевский выделял всего десять культурно-исторических типов, а славянский считал ещё не полностью сложившимся, формирующимся. Мыслитель сформулировал законы исторического развития. Важно отметить, что именно первый закон, который выделяет Данилевский, связан с понятием язык.

Первый закон гласит: «всякое племя или семейство народов, характеризуемое отдельным языком или группой языков, довольно близких между собою, составляет самобытный культурно-исторический тип, если оно по своим духовным задаткам способно к историческому развитию». Второй закон связан с понятием политической независимости народов, входящих в цивилизацию: «Чтобы цивилизация, свойственная самобытному культурно-историческому типу, могла зародиться и развиваться, необходимо, чтобы народы, к нему принадлежащие, имели политическую независимость». Третий закон говорит том, что «начала цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа. Каждый тип вырабатывает ее для себя при большем или меньшем влиянии чуждых, ему предшествующих или современных, цивилизаций». Четвертый закон: цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств. Пятый закон: ход развития культурно-исторических типов всего ближе уподобляется одноплодным растениям, у которых период роста бывает неопределенно продолжителен, но период цветения и плодоношения

относительно короток и истощает раз и навсегда их жизненную силу [2, с. 91-92].

Если оценивать значение деятельности Кирилла (827-869) и Мефодия (815-885) для славян, то становится очевидным, что они дали славянским народам письменность, создали алфавит, что в свою очередь культурно объединило славянские народы и страны. Кирилл и Мефодий являлись не просто образованными людьми, они обладали талантом, способностью увидеть сходство славянских языков и культурных традиций, им удалось создать алфавит не на основе грубого навязывания латинского языка славянам, а на основании уникального синтеза славянских языков с включением в него отдельных греческих букв. Именно благодаря такому подходу созданный алфавит был живо воспринят в славянских странах и стал активно использоваться как письменная традиция.

Анализируя процесс формирования славянской государственности, политической независимости славян (второй закон), важно отметить, что использование нового алфавита позволило во времена правления Ярослава Мудрого (род. ок. 978 г., правил 1019 – 1054) на Руси воспитать и развить традицию словесности. Была создана «Повесть временных лет», первая славянская летопись, в ней зафиксирован процесс этногенеза, зарождения нации и государственности. Затем были написаны жития Бориса и Глеба, а позднее в произведении древнерусской литературы XI-XII веков – «Житие Феодосия Печерского», созданное преподобным Нестором Летописцем.

Важно отметить, что зарождение славянской письменной традиции стало возможным именно благодаря использованию алфавита, рожденного Кириллом и Мефодием. Современные ученые считают, что на Руси до появления этого алфавита уже существовала фольклорная традиция, которая использовалась летописцами при создании «Повести временных лет». В неё включили собранные легенды о крещении Руси апостолом Андреем, о призвании на Русь варягов, легенда о вещем Олеге, о княгине Ольге, о выборе веры князем Владимиром.

В славянском православии братья Кирилл и Мефодий почитаются как святые равноапостольные «учи́тели словенские», ведь они создали новый общеславянский алфавит и язык как средство проповеди христианства в славянском мире, были первыми переводчиками богослужебных книг с греческого на славянский язык. Изначально братья проповедовали в землях моравских на понятном народу языке, но успешная проповедь вызвала протест немецкого

духовенства. Тут необходимо вспомнить третий закон развития цивилизаций: «основы цивилизации одного культурно-исторического типа не передаются народам другого типа….». Римские папы, которые являлись представителями европейской католической цивилизации, препятствовали проповеди на славянском языке. Известны даже усилия католиков призвать Кирилла и Мефодия к церковному суду католической церкви за искажение христианства в церковно-славянском языке.

Уже после смерти Кирилла и Мефодия их учеников выгоняют из Моравии, где они проповедовали на славянском языке, но проповедь продолжается у болгар и сербов. Однако Болгария и Сербия теряют свою культурную самостоятельность. Османская империя подчиняет болгарские земли, а христианство и христианская письменность жестоко преследуются. Впоследствии разделение церквей привело к открытому преследованию церковнославянского языка в Европе, его вытесняет латинский язык, как основа западно-католической цивилизации.

Борьба западно-католической и славянско-православной цивилизаций привела к тому, что после распада Руси из-за княжеских междоусобиц земли Киевского княжества стали частью княжества Галицко-Волынского, где насаждался католицизм, а позже униатство. Тут подтверждается четвертый закон Данилевского: цивилизация, свойственная каждому культурно-историческому типу, тогда достигает полноты, разнообразия и богатства, когда разнообразны этнографические элементы, его составляющие, когда они, не будучи поглощены одним политическим целым, пользуясь независимостью, составляют федерацию или политическую систему государств. Территории же западных галицко-волынских земель бывшей Киевской Руси начиная с XIII века входят в состав Великого княжества Литовского, затем Речи Посполитой, которые относились к западному миру. Поэтому цивилизационный центр развития славянской культуры переходит во Владимиро-Суздальские земли, где сохранилась славянская традиция словесности и книгопечатания. Церковно-славянские книги печатают во Владимире, Москве, а потом они распространяются, а некоторые и переиздаются в Болгарии.

Уже в XVII-XVIII веках в России формируется ориентация на западную традицию переписи книг и книгопечатания. Патриарх Никон указывает на разницу между болгарскими и русскими традициями переписи книг, делает выбор в пользу болгарской традиции на основании того, что Кирилл и Мефодий были болгарскими просветителями. Хотя поскольку Болгария находилась под

владычеством Османской империи, православная традиция здесь была искажена. Болгарская традиция книжности стала основой при реформе книгопечатания. Петр I поддержал патриарха Никона и учредил гражданскую азбуку, что с точки зрения многих исследователей нанесло вред церковнославянской книжности. В XVIII веке церковно-славянский язык постепенно вытесняется из светской литературы. В XIX веке ещё меньше используют церковнославянские слова. Реформы русского языка, проведенные в разные времена, изменили церковнославянскую традицию. В XX веке церковнославянские буквы исчезают из русского языка, но остаются в болгарском.

Таким образом, цивилизационное значение деятельности равноапостольных братьев Кирилла и Мефодия для современной российской культуры заключается в том, что они стояли у истоков формирования православно-славянской цивилизации, они заложили основы славянской письменной традиции, которые составляют основу славянского цивилизационного кода. Созданный просветителями алфавит способствовал становлению и развитию традиции словесности и переписи книг у славян, благодаря этому сохраняется грандиозный духовно-нравственный пласт письменных памятников словесности Древней Руси.

Литература

1. Волосков И.В. Кирилл и Мефодий как основатели славянской социокультурной традиции // Академия гуманитарных и общественных наук. Сергиев Посад [Электронный ресурс] URL: https://znanio.ru/media/kirill_i_mefodij_kak_pervouchitelya_slavyanstva-139961 (Дата последнего обращения 20.04.2022).
2. Вакулова Т.В. Конфликт цивилизаций как проблема русской философии 19 – 20 веков // Ученые записки Таврического национального университета им. В.И. Вернадского. Серия «Философия. Социология». 2008. Т. 21 (60), № 3. С. 249 – 260.
3. Данилевский Н.Я. Россия и Европа [Сост., послесл., коммент. С.А. Вайгачева]. Москва: Книга, 1991. 573 с.

Миронович А.В.,
профессор, д-р ист. наук
Польша, Белостокский государственный университет
Mironowicz Antoni
Professor, Doctor of History
Poland, Bialystok State University

МИССИЯ РАВНОАПОСТОЛЬНЫХ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ В ПОЛЬСКИХ ЗЕМЛЯХ ДО НАЧАЛА XI ВЕКА

THE METHODIAN MISSION ON THE POLISH LANDS UNTIL THE DAWN OF 11TH CENTURY

Аннотация

Статья посвящена раскрытию деятельности равноапостольных Кирилла и Мефодия на Польских землях, которое продолжалось до начала XI века. Кирилло-Мефодиевская традиция оказала существенное влияние на формирование религиозной традиции в поместной Церкви. Изучение старопольских церковных терминов свидетельствует о значительном влиянии старославянского языка на польско-христианскую терминологию.

Abstract

The article is devoted to revealing the influence of the activities of Saint Cyril and Methodius on the Polish lands, which continued until the beginning of the 11th century. The Cyril and Methodius tradition had a significant impact on the formation of the religious tradition in the local Church. The study of Old Polish church terms demonstrates a significant influence of the Old-Slavonic language over the Polish Christian terminology.

Ключевые слова: святые Кирилл и Мефодий; Кирилло-Мефодиевская традиция; Православная церковь; Польские земли.

Keywords: Saints Cyril and Methodius; Cyril and Methodius tradition; Orthodox Church; Polish lands.

The process of Conversion of the Slavs was commenced with the contact of the Slavic people and the Byzantine culture which was initiated by the mission of Sts. Cyril and Methodius. Apart from the exceptional role

of Bulgaria and the Great Moravia in the development of the Cyrillo-Methodian legacy the Ruthenian lands became the heir of this great religious and cultural tradition. Before we move on to the problem of the presence of the Methodian rite on the Polish lands it is worth recalling the basic facts of the activity of Sts. Cyril and Methodius in the area of the Great Moravia.

Constantine and Methodius came from Thessaloniki, the second most important city centre in Byzantium. The city took pride in old Christian traditions. Among Southern Slavs Thessaloniki called Solun, were treated with great deference. The prestige of Solun was mainly due to the presence of St Paul and the grave of St Demetrius the patron of the city, commonly worshipped by all Slavs[1].

Constantine and Methodius were the sons of a high Byzantine clerk. Constantine was born in the year 826 as a last of the seven siblings. Methodius, born before 820 was probably given the name Michael during the baptism ceremony. The areas of Thessaloniki and the whole Macedonia were inhabited by the Slavs. Constantine and Methodius had a possibility to learn their language and traditions. Methodius, at first became the archon of the administrative district north of Thessaloniki. Soon after he relinquished his family and joined one of the monasteries on the Mount Olympus in Bithynia (Asia Minor). At this time, Mount Olympus had a similar role to the one later achieved by Mount Athos. Methodius had great recognition among monks owing to his humility and education. His personal attributes were the main reason he was chosen the hegumen of the Polychron Monastery.

The younger brother, Constantine having gained a decent education at home continued his studies in Constantinople. He entered a monastery in the capital of Byzantium and received the minor holy orders (deacon). Thereafter, Constantine adopted the position of chartophylax (librarian) from the patriarch Ignatius (847-858, 867-877) at the Church of Hagia Sophia in Constantinople. Constantine not wanting to engage in political events on Bosphorus devoted his life to education and in about 850 began to give lectures on philosophy at imperial university. Once Michael III became the Byzantine emperor (842-867), Constantine settled down in one of the monasteries on the Mount Olympus. During his stay in the monastery Constantine together with a future patriarch Photios (858-867, 877-886) took part in the mission among the Arabs (855). During his mission the monk showed an outstanding skill in making contacts with non-Christian

[1] W. Soboda, *Żywoty, cuda i kult św. Dymitra*, in: *Słownik Starożytności Słowiańskiej*, vol. VII, part 1, Wrocław – Warszawa 1982, pp. 294-296.

people. Appreciating Constantine's skills the new patriarch Photios moved him together with his brother Methodius to missionary work among Khazars inhabiting the lands East of the Black Sea in the year 860. During the mission the monk managed to find the relics of the pope St Clement (92-101), worshipped especially in Byzantium and the whole Christian world. The discovery of the relics of St Clement brought great glory to the monk, who after the return to Byzantium settled down in the capital Holy Apostles Monastery[2]. At that place he began to work on preparing the Slavonic alphabet. During the Khazar mission Constantine understood the significance of spreading religion in the languages of the converted nations. Constantine used the evangelistic experience gained among the Khazars in the Moravian mission.

Constantine initiated the works on creating the Slavonic alphabet and the transliteration of the Gospel and liturgical texts to Slavonic long before the start of Moravian mission in 863 . The missionary created the writing system called "Glagolitic alphabet". The name of the writing is derived from the old Slavic word "glagol" which means "to speak" in the contemporary understanding. The creator of the Slavic writing was convinced that every nation should have its own writing in conformity with the requirements of a language. The Slavic Macedonian-Bulgarian dialect from the areas of Thessaloniki well known to Constantine and Methodius became the basis of the vocabulary of the translated texts. At first, the addressees of Constantine's' work above all meant to be the Slavs inhabiting the boarders of the Byzantine Empire. It turned out, however that the Slavic writing found its main recipients in the areas inhabited by the Southern Slavs and the Great Moravia.

The Great Moravia gained even greater political significance during the reign of Mojmir I (820-846) who in about 831 under the influence of the East Francia decided to convert to Catholicism. Parallel with the Great Moravia the infiltration of Christianity occurred in the neighbouring Bohemia state. Rastislav (846-870), the son of Mojmir I, led a vast Christianizing action, bringing the missionaries from Italy, Greece and

[2] K. Potkański, *Konstantyn i Metodyusz*, Kraków 1905, pp. 177-208; *Żywoty Konstantyna i Metodego*, Polish translation with the introduction and commentary as well as the supplement of reconstructed Old Church Slavonic texts by T. Lehr-Spławiński, Poznań 1959; J. Klinger, *O istocie prawosławia*, Warszawa 1983, pp. 366, 367; A. Naumow, *Pasterze wiernych Słowian*, Kraków 1985, pp. 8-12; J. Leśny, *Konstanty i Metody, apostołowie Słowian, dzieło i jego losy*, Poznań 1987, pp. 28-38; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* Białystok 2003, p. 28-29.

Germany[3]. Salzburg and its suffragans supported by the East Francia played a decisive role in this accomplishment. The Great Moravia led numerous wars against this country. To separate the Bavarian Church and state Rastislav solicited in Rome and Constantinople for the establishment of the diocese at his lands. The Holy See would not grant his request as the Great Moravia was seen as a poorly Christianised country. In such situation the Moravian envoys went to the Byzantium in 862, where the Emperor Michael III approved of the fact that the missionaries were sent in order to carry out the evangelising activity. Rastislav aspired to create Moravian diocese and spread the faith in the Slavic language[4].

The request of the prince of the Great Moravia was only partially fulfilled by the Byzantine emperor Michael III. The emperor designated the most suitable and prepared people for the mission; however, he could not send a bishop to the church province in the jurisdiction of the Pope. The arrival of two Byzantine missionaries to the Great Moravia at the beginning of 864 was a challenge issued to the German clergy. Constantine and Methodius' activity in the area of Moravia became a great evangelising success. Within the fourteen months the Greek missionaries educated numerous candidates to become clergy. The Slavic liturgy became significantly popular in the language comprehensible to the faithful. Meanwhile, the German clergy worried about losing their influence and supported by king Louis II the German of East Francia (840-876) began to eradicate the activity of Constantine and Methodius. Under these circumstances the missionaries headed to Rome via Pannonia and Venice. The arrival of the Greeks at the Holy See was meant to acquire the papal recognition of their activity in the area of the Great Moravia and the Slavic language as a liturgical one.

It was generally believed in Rome that only Greek, Latin and Hebrew were sanctified languages. In such situation the evangelisation carried out by the Byzantine missionaries in Slavic language was treated as heresy by the German and Italian clergymen. Constantine and Methodius came to Rome at the end of 867 at the invitation of the pope Nicholas I (858-867). However, the pope died on 13th November 867 and did not see the

[3] *Żywoty Konstantyna i Metodego*, pp. 106, 107.

[4] Josef Cibulka claims that the request was issued to the Constantinople in 863 and the arrival of Cyril and Methodius to the Moravia was not until the beginning of June 864 [8]. J. Cibulka, *Początki chrześcijaństwa na Morawach*, translated by M. Erhardt i C. Piernikarski, Warszawa 1967, p. 148. O sytuacji wyznaniowej i politycznej w Wielkich Morawach cf.: H. Łowmiański, *Początki Polski*, vol. IV, Warszawa 1970, pp. 358-363.

missionaries. Therefore, they were received by his successor, Hadrian II (867-872)[5]. The new pope, thankful for the relics of St Clement brought by the missionaries became interested in the evangelisation of the Slavs and accepted the Slavic liturgy. Hadrian II ordered the church services to be carried out in Slavic in the most important Roman churches and ordained Constantine's disciples. Methodius[6] was certainly among the newly ordained clergymen. During his stay in Rome Constantine entered one of the Greek monasteries and took the monastic name Cyril. In the period of the greatest triumph of the Slavic liturgy in Rome, on 14th February 869 the Greek monk died unexpectedly and was buried in the Basilica of Saint Clement in Rome.

The death of Cyril was a massive blow for the Slavic mission. The main initiator of the achievements to date left. Methodius had to carry the major burden of the continuation of missionary activities among the Slavs. Methodius put himself at the disposal of the Holy See which referred him with the mission to Pannonia. Owing to the endeavours of the Pannonian prince Kocel' (833-874) the metropolitan diocese in Sirmium (contemporary Syrmia) was reactivated. The pope named Methodius, who came to Pannonia at the beginning of 870, archbishop of Sirmium. The successes of his mission became universally known. The hierarchy of the Church of Salzburg acted against the apostle of the Slavs and condemned Methodius' activity at the synod in Regensburg followed by his imprisonment in one of the German monasteries at the beginning of 871. Pope John VIII (872-882) having been informed by Kocel' of the incarceration of the Greek bishop demanded his release under the threat of anathema to the Bavarian episcopate. As a result of the papal intervention, Methodius was released in 873. and recommenced his missionary activity in the area of the Great Moravia[7]. The arrival of Methodius to the Great Moravia coincided with the separation of this country from the monarchy of East Francia. The prince Svatopluk (870-894), who was formerly a vigorous opponent of the Slavic mission, became its unsung supporter in a new political situation. During his reign the Great Moravia had gone through the period of immense development. The Moravia, Slovakia, Bohemia region,

[5] cf. The so called Italian legend published by P. Megvaert i P. Deves in „Analecta Bollandiana", issue no. 73, 1955, pp. 375-461.

[6] *Żywoty Konstantyna i Metodego*, pp. 84, 85. The clergymen were ordained by the bishop of Ostia Antica, cardinal Gauderich. J. Cibulka, *Początki chrześcijaństwa na Morawach*, p. 165.

[7] *Magnae Moraviae fontes historici*, vol. III, Pragae – Brunae 1969, pp. 167-170; J. Leśny, *Konstanty i Metody*, pp. 58-62.

the areas by the upper Tisza as well as the lands inhabited by the tribe of Vistulans and Lusatian Sorbs all created Svatopluk's state. Together with territorial development of the state the feudal relations as well as the system of fortified settlements began to shape. In the lands of the Great Moravia the first early urban settlements were raised, brick rotundas of the Slavonic rite were erected, furthermore the economy and culture developed[8].

Svatopluk was ready to support Methodius, as he personified the symbol of the independence of the Moravian Church. Svatopluk's support given to Methodius did not last long. The Moravian prince who strove to capture the lower Pannonia had to cooperate with Salzburgian clergy who possessed unlimited power in the lands of prince Kocel'[9]. Ultimately, having political benefits in mind, the Moravian ruler decided to collaborate with Latin clergy that represented the interests of Salzburg. The wavering position of the Holy See and indecisiveness of the pope John VIII towards the Slavic liturgy in Moravia had influence on such decision. The pope by sending Methodius to Moravia in 873 forbade him to celebrate the service in Slavic and allowed only for the liturgy in Greek and Latin. On the other hand, Rome sanctioned liturgy in Slavic. The indecisive standpoint of the pope was probably dictated by the accusations of heresy against Methodius issued by his objectors. The opponents of the Greek ruler accused him of obeying the filioque formula according to the doctrine established at ecumenical councils determined by St John of Damascus. As early as in the 9th century, the Latin Church was in favour of origin of the Holy Spirit from the Father and Son. The case of filioque was found irrelevant in Rome, as nobody treated it as a violation of the dogma of faith. The Holy See did not accept the origin of the Holy Spirit from the Father and Son as dogma until 1014. In 879 pope John VIII called Methodius to Rome and demanded personal explanation of his activity. Under the influence of the clarifications the pope exonerated the bishop Methodius and in June 880 issued a bull sanctioning his activity.

The papal bull constituted the highest recognition of the activity of Cyril and Methodius. The pope conferred the rank of archbishop of Moravia on Methodius, appointed two of his suffragans and allowed them to

[8] H. Łowmiański, *Początki Polski*, vol. IV, pp. 477-479; L. E. Havlik, *Morava v 9-10 stoleti*, Praha 1978; G. Labuda, *Kraków biskupi przed rokiem 1000. Przyczynek do dyskusji nad dziejami misji metodiańskiej w Polsce*, „Studia Historyczne", R. XXVII, 1984, z. 3 (106), pp. 378-380; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* p. 31.

[9] Prince Kocel' was allied with Frankish rulers. Cf.: F. Dvornik, *Les Slaves, Byzance et Rome an IX-e siécle*, Paris 1926, pp. 226, 227.

disseminate the liturgy in Slavic language on all Slavic lands. The protégé of Svatopluk, a German cleric Wiching with the title of the bishop of Nitra became one of Methodius' curates. The pope ordered Wiching to obey Methodius as archbishop. John VIII asked Svatopluk to send one more candidate for the post of bishop to be ordained, so that archbishop Methodius would consecrate the rulers with the help of his curates. The following paragraphs of the bull were most significant for the development of Methodian mission: " We also order that all priests, deans or clergy of all rites, or the Slavs, or people of any different nationality who inhabit your lands [Svatopluk's – A.M.] were subject to and fully obey the named brother and your archbishop, and would not do anything without his knowledge. (…) We rightly approve the Slavic letters devised by Constantine the Philosopher, that by their means God may be truly praised. We also direct that the words and acts of our Lord Jesus Christ (i.e. the Gospel) be explained in that language"[10]. Having gained the support of pope John VIII Methodius returned to Moravia and from there, he eventually set off to Constantinople in 881.

The relations between Rome and Constantinople could be described as decent. The patriarch Photios and emperor Basil I (867-886) sought to have good relations with the pope. In such situation bishop Methodius was received at Bosphorus with great respect. The Byzantine Orthodox Church supported the evangelization of the Slavs in their mother tongue. The support of the patriarch and emperor Basil I raised the authority of Methodius in the view of Moravian prince. The missionary from Byzantium despite the opposition of German clergy could continue his activity in the area of the Great Moravia and Pannonia. The last years of his missionary work (883-885) the ruler concentrated on the transliteration of liturgical texts. The translation of the Holy Bible made by bishop Methodius was a great event, as neither of the East European countries was in possession of the fully translated text of the Gospel in their mother tongue[11]. Methodius died on 6th April 885; however, his evangelistic mission in Slavic was continued by his disciples.

Shortly before his death Methodius appointed his disciple Gorazd for the office of archbishop of Moravia. The bishop claimed that the local

[10] *Magnae Moraviae fontes historici*, vol. III, pp. 197-208; T. Lehr-Spławiński, *Konstantyn i Metody.* Supplemented and foreworded by F. Sławski, Warszawa 1967, pp. 117-131; H. Łowmiański, *Początki Polski*, vol. IV, pp. 373-375.

[11] *Żywoty Konstantyna i Metodego*, p. 118; O. Narbutt, *Historia i typologia ksiąg liturgicznych bizantyjsko-słowiańskich*, Warszawa 1979, p. 15.

superior should find support of Svatopluk and German clergy. The events went in a different direction. Wiching used the death of Methodius to present to the new pope Stephen V (885-891) accusations against the Slavic clergy. The German bishop accused him of heresy and disobedience to the Holy See. The pope, influenced by the false accusations forbade using Slavic liturgy and sent his legacies to the Great Moravia in order to familiarize with the situation on the spot[12]. Unfortunately, the papal legacies came too late. Wiching, with the help of Svatopluk removed the Moravian archbishop Gorazd from his office and banished the disciples of Cyril and Methodius. The inspiring role of Svatopluk in the process was not questioned. The prince feared that the Slavic liturgy would cause the ideological resonance between the Great Moravia and the Francia with Bavarian Church. Another reason for the battle of the German clergy with the Slavic liturgy was a compulsory abandonment of Pannonia by the archbishop of Salzburg, Riphald, as facing the competitiveness of the Slavic liturgy the congregation rejected Latin services[13]. The German clergy was afraid of a similar attitude of the inhabitants of the Great Moravia.

The successor of Svatopluk, Mojmir II (894-907) aspired to rebuild an independent ecclesiastic Moravian province. At his request, the legacies of pope John IX (889-900) ordained the Moravian metropolitan bishop and three of his suffragans. It is highly probable that despite the protests of Bavarian clergy, Gorazd became the metropolitan bishop. The Moravian ecclesiastic province with Slavic liturgy restored before 900 survived only just several years. The Great Moravia internally contradicted and surrounded by hostile neighbours, collapsed as a result of a Hungarian raid in 906. The Hungarian invasion and domination of German clergy caused the flight of the disciples of Methodius from the Great Moravia to the territory of the Balkan countries, Bohemia state and Poland.

The disciples of Methodius at about 925 carried out missionary activity in the area of Dalmatia and Croatia, Serbia and Bosnia. Many of them found refuge in the area of the contemporary Bulgarian state. Among them was Constantine called the Younger, the future Bulgarian bishop in Preslav, Clement and Naum. In Ohrid Clement set up a monastery of St Pantelejmon and created a missionary centre for the whole area of Macedonia. His work was continued by Nahum who came from Pliska, the new capital of Bulgarian state. They both contributed to the development of

[12] *Magnae Moraviae fontes historici*, vol. III, pp. 217, 218.

[13] J. Cibulka, *Początki chrześcijaństwa na Morawach*, p. 132; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* pp. 32-33.

culture and Cyrillic education[14]. The Cyril-Methodius tradition in Bohemia state had a special value in the analysis of the beginning of Christianity on Polish lands.

The legacy of Cyril and Methodius in Bohemia state did not find numerous publications. Bohemia state as a closest neighbour of Moravia was under the influence of its cultural and political influence. Surely, the missions of the disciples of Methodius reached the Bohemia state and after 885 . many of them found refuge in these lands. Historian Cosmas mentions the baptism of the Bohemia prince Bořivoj (894). The historian calls him the first of the Bohemia princes baptised by 'the reverend Methodius the bishop of the Moravia in the age of emperor Arnulf and the king of the Moravia Svatopluk"[15]. Together with Bořivoj, his wife Lyudmila and the court were baptised. Thus, the process of evangelisation of the lands of Vltava was commenced. The first temple of St Clement relating with its style to the Moravian rotundas was erected in Left Hradec nearby Prague. Bořivoj's baptism triggered an uprising among his pagan surroundings. The prince was forced to seek refuge in Moravia and only after getting help from Svatopluk he managed to regain the throne by Vltava. There, he founded a second temple devoted to the Theotokos and placed the Methodian clergy. After his death (899) the Bohemia state went under the rule of Svatopluk and thereafter they become subordinated to the German state (The Kingdom of East Francia). This fact did not foster the development of Slavic liturgy. After the collapse of the Moravia and the dissolution of East Francia, Vratislaus I became the ruler of the Bohemia state. During his reign the Moravia, Silesia and the land of Vistulans were included in the borders of the country. His successor, Vaclav I (921-929) fostered the development of the Latin Christianity. Despite such tendencies, there exist known facts acknowledging the knowledge of the Slavic writing among the first Přemyslids. The Slavic texts and the tradition of Methodian liturgy were maintained in the Bohemia state until 12th century[16].

*

The proximity of the Polish lands and the Great Moravia and later with the Christianised Rus and Bohemia state must have had great impact on the shape of their faith. The Christianisation of the Polish lands commenced during the reign of the Moravian prince Svatopluk. In Polish

[14] More cf.: J. Leśny, *Konstanty i Metody*, pp. 75-119.

[15] *Kosmasa Kronika Bohemiaów*, vol. I, chapter. 10, translated, introduction and commentaries compiled by M. Wojciechowska, Warszawa 1968, p. 109; H. Łowmiański, *Początki Polski*, vol. IV, pp. 414-419.

[16] J. Leśny, *Konstanty i Metody*, pp. 102-109.

historiography this issue was broadly presented. The entire literature focusing on this subject matter can be divided into the adherents and opponents of the notion regarding the presence of Methodian mission in Poland[17]. The newest publications, taking into account the archaeological discoveries acknowledge the presence of the Slavonic rite in the Polish

[17] For the presence of the Slavonic rite at the lands, among others were.: K. Potkański, *Kraków przed Piastami*, „Rozprawy Akademii Umiejętności Wydziału Historyczno-Filozoficznego", vol. XXXV, Kraków 1898, pp. 161-170; idem, *Lechici – Polanie – Polska. Wybór pism*, Warszawa 1965; J. Widajewicz, *Państwo Wiślan*, Kraków 1947; idem, *Prohor i Prokul, najdawniejsi biskupi krakowscy*, „Nasza Przeszłość", no 4 (1948), pp. 17-32; J. Umiński, *Obrządek słowiański w Polsce IX-XI wieku i zagadnienie drugiej metropolii polskiej w czasach Bolesława Chrobrego*, „Roczniki Humanistyczne KUL", R. IV (1953), z. 4, Lublin 1954; K. Lanckorońska, *Studies on the Roman-Slavonic Rite in Poland*, Rome 1961; H. Łowmiański, *Początki Polski*, vol. IV, pp. 472-515; J. Klinger, *O istocie prawosławia*, Warszawa 1983, pp. 365-421; A. Naumow, *Pasterze wiernych Słowian*, Kraków 1985, pp. 8-12; J. Leśny, *Konstanty i Metody*, pp. 28-38; Z. Dobrzyński, *Obrządek słowiański w dawnej Polsce*, parts 1-3, Warszawa 1989; *Chrześcijaństwo w Polsce*, pod red. J. Kłoczowskiego, Lublin 1992, pp. 23-27; F. Kmietowicz, *Kiedy Kraków był „Trzecim Rzymem"*, Białystok 1994; S. Szczur, *Misja cyrylo-metodiańska w świetle najnowszych badań*, in: *Chrystianizacja Polski południowej. Materiały z sesji naukowej odbytej 29 czerwca 1993 roku*, Kraków 1994, pp. 7-23; H. Paszkiewicz, *Początki Rusi*, Kraków 1996, pp. 417-445; R. Żerelik, *Obrządek słowiański w południowej Polsce*, in: *Prawosławie. Światło wiary i zdrój doświadczenia*, pod red. K. Leśniewskiego i J. Leśniewskiej, Lublin 1999, pp. 439-447; M. Bendza, *Chrystianizacja ziem Polski*, in: *Kościół prawosławny w dziejach Rzeczypospolitej i krajach sąsiednich*, Białystok 2000, pp. 68-89; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* pp. 34-54. A completely different stance on the presence of the Slavonic rite at the Polish lands was presented by: K. Buczek, *Pierwsze biskupstwa polskie*, „Kwartalnik Historyczny", vol. LII, Warszawa 1938; W. Abraham, *Organizacja Kościoła w Polsce do połowy wieku XII*, issue 3, Poznań 1962, pp. 158-161; T. Lehr-Spławiński, *Czy są ślady istnienia liturgii cyrylo-metodiańskiej w dawnej Polsce*, in: *Od piętnastu wieków. Szkice z pradziejów i dziejów kultury polskiej*, Warszawa 1961, pp. 43-47; T. Silnicki, *Początki organizacji Kościoła w Polsce za Mieszka I i Bolesława Chrobrego*, in: *Początki państwa polskiego. Księga Tysiąclecia*, pod red. K. Tymienieckiego, vol. I, Poznań 1962; J. Dowiat, *Historia Kościoła katolickiego w Polsce do połowy XV w.*, Warszawa 1968; *Historia Kościoła w Polsce*, pod red. B. Kumora i Z. Obertyńskiego, Poznań – Warszawa 1974; W. Korba, *Czy Kraków był metropolią kościelną w połowie XI wieku?*, in: *Ars Historica*, Poznań 1976, pp. 321-340; G. Labuda, *Kraków biskupi przed rokiem 1000*, „Studia Historyczne", R. XXVII, 1984, z. 3 (106), pp. 371-412; idem, *Zagadka zaginionej metropolii w Polsce za czasów Bolesława Chrobrego*, in: tegoż, *Studia nad początkami państwa polskiego*, vol. II, Poznań 1988, pp. 527-548.

lands before and after 966. Owing to the fact that the literature up to date devoted to the Slavonic rite scrupulously raised numerous controversial aspects, in my dissertations I shall not come back to them but rather focus on discussing the history of the Methodian mission in Poland. Knowingly, I shall neglect the presentation of the over a century-old discussion of historians regarding the functioning of the Slavonic rite in Poland. I am aware of the fact that the presented reconstruction of the history of Methodian liturgy is purely hypothetical in numerous instances; however, the lack of sources does not allow for a thorough clarification of the problem matter. It should be noted that the arguments raised against the presence of the Slavonic rite are based on the same source base as the one used by the adherents of the notion that the evangelisation process of Lesser Poland and Silesia was started when Methodius was still alive. Despite numerous doubts as far as the interpretation of sources and historical facts I am convinced that the Slavic liturgy functioned at the Polish lands before the official Christianisation of the country. Touching upon the named problem matter in this dissertation stems from the fact that the Orthodox Church in the Republic of Poland referred to the Cyril-Methodian tradition and its seizure of the whole liturgical and cultural wealth.

In the post-war years the discussion of the existence of Slavic ecclesiastical province was commenced by Jerzy Umiński who analysed the record of Gallus Anonymus of two ecclesiastical provinces[18]. J. Umiński placed the capital of the province in Cracow with the Cracovian bishops up till Sula (1037) at the head of. The thesis was further developed by Henryk Paszkiewicz, Karolina Lanckorońska, Jerzy Klinger and Zbigniew Dobrzyński. Thus, the created concept proved the creation of the Methodian bishopric in Cracow after the banishment of the Slavonic rite clergy from Moravia. According to the conception, the disciple of Methodius Gorazd escaped from Poland and moved the seat of the Moravian bishopric to Cracow and, thus the capital of the state of Vistulans would become, in a certain way, the continuation of the Methodian ecclesiastic province[19]. In the times of Boleslaw Chrobry (the Valiant) (992-1025) in Cracow, there existed a Slavic cathedral of St Michael next to the new Latin cathedral. The words of the chronicler Vincent Kadlubek informing of the fact that bishop Stanislav died *inter infulas* – between the two cathedrals are clearer in such

[18] J. Umiński, *Obrządek słowiański w Polsce IX-XI wieku*, pp. 1-44.

[19] K. Lanckorońska, *Studies on the Roman-Slavonic Rite in Poland*, pp. 18-28; J. Klinger, *O istocie prawosławia*, pp. 374-380; Z. Dobrzyński, *Obrządek słowiański...*, part 1, p. 36; H. Paszkiewicz, *Początki Rusi*, pp. 417-445; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* pp. 35-36.

circumstances[20]. K. Lanckorońska treats the bishoprics in Sandomierz and Wiślica as suffragans of Cracow. According to this concept, after the year 1000 Boleslaw Chrobry limited the activity of the Slavic clergy and Casimir the Restorer (Kazimierz Odnowiciel) (1034-1058) ordered the Cracovian bishop Aaron Latinization of the Methodian rite. The reactivated Slavonic rite was eliminated by Boleslaw the Generous (1058-1079) after the king had been banished from the country. The presented notions constitute only a hypothetical version based on the premise that the Slavonic rite functioned in the country of the first Piast dynasty. Not all presented facts should be treated as credible. However, the doubts do not give the reason for the negation of the presence of the Slavonic rite in Poland. Analysing the stipulations of historiography devoted to the Slavic liturgy one may present a probable version of its development and fall.

*

The beginnings of the Methodian mission should be connected with the expansion of the Great Moravian state over the land of Vistulans. The prerequisite for the possibility of carrying out such a mission was the support of the secular authorities. Favourable circumstances for the mission came up after the return of Methodius to Moravia from the imprisonment in Swabia in summer 873. Svatopluk wanting to weaken the influence of the German clergy after the war between Moravia and Germany supported the Methodius' activity. According to the *Life of Saint:* "since that day the word of God started to spread over all cities and pagans (started to) believe in the true God, shedding all their mistakes. A fortiori, the Moravia began to broaden its borders in all directions and defeat all its enemies as even they persistently account for that fact"[21]. The account of the commencement of expansion of Moravia after the return of Methodius is unquestionable. *The Life of Methodius* was arranged chronologically; consequently the expedition of prince Svatopluk against the Vistulans took place in 875. According to the source, the preliminary offensive role was credited to the price of the Vistulans, who persecuted Christians. "He [Methodius] also possessed prophetic abilities, as many of his predictions come true and one or two of which we shall recount. The pagan prince, of great strength, sitting by Vistula, railed heavily against the Christians and did them wrong. Hence, he ordered a messenger to pass on these words: «It shall be wiser for you, son, to accept christening from your own will at your lands rather than

[20] *Monumenta Poloniae Historica* (thereafter: *MPH*), vol. II, Warszawa 1952, p. 296.

[21] *Żywoty Konstantyna i Metodego*, p. 113.

be forced to do so in captivity at foreign ground and you shall remind me». And so it happened"[22]. The source acknowledges directly that Svatopluk's retaliatory expedition was successful. As a result, the prince of the Vistulans was deprived of the throne and his principality was incorporated into Moravia. The prince of the Vistulans could have also kept his throne as a ruler independent of Svatopluk. No matter what form of dependency of the Vistulans from the people of Moravia was established, Svatopluk's expedition opened up the lands north of Carpathian Mountains for evangelisation. Hence, the subsequent expeditions of the Moravian prince broadened the influence of the Slavonic rite on the Bohemia lands (the baptism of prince Borivoj – 884 .) and Opole Silesia.

The Life of Methodius mentioned the occupation of these lands right after the conquest of the land of Vistulans. "Some other time, when Svatopluk battled against the pagans with no success and the combat prolonging, [Methodius] at the nearest Mass, that is the service [praising] St Peter, sent to him the following words: If you pledge that you shall spend the day of St Peter with your warrior at my place [in church], I trust God shall hand them over to you in no time. And so it happened"[23]. The dependence of Silesia towards the Moravia could have taken place after the conflict with Bulgaria had ended (882) and subordination of the Bohemia state (883). The reign of Svatopluk over the land of Vistulans and Silesia is documented in historical sources. The range of the Moravian bishopric that would reach the river Bug and Styr in the North has been established on their basis[24]. The document mapping out the border of the bishopric of Prague issued by the emperor Henry IV (1084-1106) in 1086 became the base for outlining such influence of the Moravian state. According to the document, the bishopric of Prague encompassing the former Moravian lands reached the river Bug and Styr. The document was meant to confirm the Bohemia claims to the Polish lands under the rule of Boleslaw the Bold. Even though their source was deemed a forgery and cannot constitute the proof for the Moravian expansion reaching the river Bug, it directly confirms that the Bohemia inherited the Moravian succession at the Polish lands[25].

---

[22] Ibidem, p. 114.

[23] Ibidem, p. 115; H. Łowmiański, *Początki Polski*, vol. IV, p. 476, 477. Cf: J. Vašica, *Slovanska liturgie sv. Petra*, „Byzantinoslavica", vol. VIII, 1939-1946, pp. 1-54.

[24] J. Widajewicz, *Państwo Wiślan*, p. 55; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* p. 37.

[25] T. Wasilewski, *Wiślicka dynastia*, pp. 23-32; H. Łowmiański, *Początki Polski*, vol. IV, pp. 477-493.

Cracow entered the system of the Great Moravian state and later on the Bohemia one. The central role of the capital Cracow in the state of the Vistulans does not arouse controversies. There arises a question of the presence of the temples with the Slavonic rite and the time of establishing the bishopric of Cracow in its area. Each attempt of answering that question shall present a construction solely based on presumptions and not stemming from a deep analysis of historical sources. The suggestions of Józef Widajewicz regarding the establishment of the bishopric of Cracow in 900 find no grounds[26]. The bishopric would not be established without the consent of the prince of Cracow and Moravian one. The policy of the German clergy and the Hungarian invasion shattered all attempts of establishing the Slavonic dominion. After the collapse of the Great Moravian state a large number of Methodian clergy emigrated from Moravia to the Polish lands. Even in Bohemia, after the Latin liturgy dominion (906) the Slavonic rite was maintained in certain monasteries until the end of the 14th century. Therefore, not determining its form, the Methodian liturgy could be continued in the area of the Lesser Poland[27], all the more so because there was no interest of the Latin mission in the matters of the land of the Vistulans. The Bulgarian centres with the disciple of Methodius, Gorazd were interested in the Slavic mission. K. Lanckorońska even proves that after the abandonment of the disciples of Methodius from Moravia the Slavonic ecclesiastical province was moved to Cracow and as a result two metropolitan bishops used to stay in the town during the reign of Boleslaw Chrobry (the Valiant). These suggestions were based on historiographical combinations rather than on the content of historical sources.

The most credible conception on the date of the establishment of the Slavic bishopric in Cracow has been presented by an outstanding Polish mediaevalist Henryk Łowmiański. According to the scholar, the establishment of the Slavic bishopric took place in the middle of the 10th century (before the year 972). The introduction of the bishop to Wawel occurred after the establishment of the Latin missionary bishopric in Poznan, that is in 968 Cracow used to compete with Gniezno on the Polish lands as an organisational-state centre and it was incorporated into Poland only at the end of the reign of Mieszko I (960-992). The land of the Vistulans benefited from the political and church support on the part of the Bohemia state. The mission of bishop Jordan, limited to the state of Polans

[26] J. Widajewicz, *Państwo Wiślan*, p. 72.

[27] K. Budzyk, *Szkice i materiały do dziejów literatury staropolskiej*, Warszawa 1955, s. 13-17; Z. Dobrzyński, *Obrządek słowiański...*, cz. 1, s. 31-41.

did not encompass Cracow as the named area was subdued to the Bulgarian patriarchate. The patriarchate during the Rus-Byzantine war was not interested in broadening its influences and establishing the Slavic archbishopric in Cracow. The establishment of the bishopric of Cracow had to take place before 970 as in that year the Bohemia prince, Boleslaw I obtained the papal approval for the establishment of the bishopric of Prague. The bishopric of Prague made claims to the Southern areas of Polish lands[28]. It is possible that a second bishopric could be established in Wiślica, Sandomierz, Przemyśl, Wrocław or Smogorzow[29], as in the Ruthenian relations on the activity of bishop Adalbert one can find the records made in plural that he fought "the Slavic bishops."

The historical relations and archaeological sources confirm the development of the Slavonic rite in the area of Cracow and the Southern Polish lands in the second half of the 10th century. The bishopric of Cracow was liable to the jurisdiction of Bulgarian patriarchate, and after its abolition in 972 most probably the one of Constantinople. The establishment of the Slavic hierarchy by the Vistula River suggests the existence of close relationships between Cracow and Bulgaria. The cult of St Michael, to whom the first cathedral in Cracow was dedicated to, was exceptionally popular in Byzantium and Bulgaria. The economic contacts of the Lesser Poland with Bulgaria strengthened the infiltration of Eastern Christianity into the Polish lands. It does not seem, however, that the bishopric of Cracow would constitute the continuation of the Methodian ecclesiastical province since Constantine Porphyrogenitus considered the Croat areas [Lesser Poland] pagan[30]. It is possible that the Bulgarian interest in Cracow was resulting from the presence of the disciples of Methodius on the Polish lands and the continuation of his missionary activity by Gorazd. Although Gorazd was on his own in the area of Bulgaria, he supported the activity of the Slavic clergy on the Polish lands[31].

The forged bulla of pope John XII (955-964) directed to the Bohemia prince Boleslaw I (929-971) with regards to the establishment of the bishopric of Prague indirectly confirms such submission. The bull, despite

[28] H. Łowmiański, *Początki Polski*, vol. IV, pp. 513, 514.

[29] K. Lanckorońska, *Studies on the Roman-Slavonic Rite in Poland*, pp. 46-48; I. i J. Kramarkowie, *U źródeł archeologii*, Wrocław 1972, pp. 180-184; H. Paszkiewicz, *Początki Rusi*, pp. 425, 426.

[30] H. Łowmiański, *Początki Polski*, vol. II, pp. 166-171.

[31] K. Lanckorońska claims that the bishopric of Cracow was estabished by Gorazd and was the continuation of the Methodian ecclesiastical province, cf.: K. Lanckorońska, *Studies on the Roman-Slavonic Rite in Poland*, pp. 18-20; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* p. 39.

being forged has a historic background. The document enumerates the papal appeal to Boleslaw I so that he would not appoint a clergyman belonging to a Bulgarian or Ruthenian rite ("sect")[32].

The historical literature broadly analyses the matter of the Christening of Mieszko I. This act, so important for the country is known only from skimpy texts contained in the *Chronicle* of Gallus Anonymus and the *Chronicle* of Thietmar. In the *Chronicle* of Thietmar one can find an information that the "faithful follower of Christ [princes Dobrawa – A. M.] seeing her husband submerged in various pagan mistakes wondered of a way they could reunite in faith"[33]. What is interesting in this section of the *Chronicle* is the fact that Mieszko was not called a pagan but "submerged in various pagan mistakes." The princess instead of converting her husband to Christianity ponders of a way to "reunite in faith." It seems less than probable that at that time Dobrawa would marry a pagan. The hypothesis that was raised numerous times claiming that Mieszko was Christian before the marriage with Dobrawa; however, of a different rite from his wife should be reconsidered. The German chronicler does not give any circumstances of the Christening of the Polish king. The first lines of the *Rocznik Krasińskich* (Krasińscy's Annal) inform us that „Myeschko per Cirulum et Methodium baptizatur et per Adalbertum confirmatur" ("Mieszko was Christened by Cyril and Methodius and confirmed by Adalbert"). The record of Mieszko's I Christening by Cyril and Methodius and his confirmation by Adalbert is only seemingly irrational. This source should be interpreted as a tale of two different religion traditions. According to such interpretation Mieszko I was Christened in the Methodian rite and confirmed in Latin by bishop Adalbert. The above mentioned hypothesis is partially confirmed by Gallus Anonymus who stated that Mieszko being blind at birth regained his sight during his First Haircut[34]. The ceremony is called a pagan ritual by the chronicler. The Christening of Mieszko I, as incomprehensible to the chronicler finds its analogy in the Eastern Church. Christening is described in the Greek Church as "photismos" meaning "to regain one's sight". Similarly, the ritual of the First Haircut did not have to be pagan. In the Eastern rite of Christening the First Haircut are its

[32] H. Łowmiański, *Początki Polski*, vol. IV, pp. 509, 510.

[33] *Kronika* Thietmara, translated by M. Jedlicki, Poznań 1953, p. 220.

[34] Gall Anonim, *Kronika polska*, translated by R. Grodecki, Kraków 1923, p. 69.

permanent element[35]. The results of the archaeological studies around the area of the Poznan cathedral confirm these speculations. The three discovered baptismal fonts, the wall separating the nave from the chancel on the pattern of the Easter iconostasis as well as two annexes by the apse on the pattern of the Byzantine "prothesis" and the room called "diaconicon" all confirm the Eastern character of the oldest Christian cult centre in the area of Poznan[36]. As resulting from the above, it is most probable that Mieszko I was at first Christened in the Slavonic rite and he accepted the Latin ritual after he married the Bohemia princess Dobrawa and the arrival of bishop Jordan. It is unquestionable that once Mieszko accepted the Latin rite, the problem of regulating the mutual relation between the two rites came up. The projects of the organisation of Church in Poland must have been drawn up during the life of Mieszko I.

The foundation of the ecclesiastical province in the Slavonic rite in Poland was a difficult task. No wonder, Mieszko I in his future projects had to strive to make close contacts with the pope. The genesis of the submission of the land of Piasts under the direct command of the Holy See (*Dagome iudex)* [37] may be found in that fact. Gallus Anonymus accurately noticed that Boleslaw "treated the honour of the Church and the interest of [his own – A. M.] country with greatest care." The ecclesiastical province of the Slavonic rite originated from the religious and state needs. Apart from its missionary activity, the political aims as important as the conversion to Christianity by Volodymyr the Great (980-1015) were deeply hidden. There is a close interrelation between these events. The ecclesiastical province of Kiev was founded in about 988, however, the Mieszko's document *Dagome iudex* was written in the years 988-922. Most probably, a missionary bishopric of the Greek Church that could threat the interests of Poland was established in 922 in Volodymyr Volynsky. The Polish ecclesiastical province of a Slavonic rite received its final shape after

[35] Other arguments in favour of the Christening of Mieszko I in the Slavonic rite were mentioned by: J. Klinger, *O istocie prawosławia*, s. 380-384 i Z. Dobrzyński, *Obrządek słowiański...*, part 1, pp. 42-68.

[36] K. Józefowiczówna, *Z badań nad architekturą przedromańską i romańską w Poznaniu*, Wrocław 1963, pp. 39-42, 56; J. Klinger, *O istocie prawosławia,* pp. 384-386; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* p. 40.

[37] G. Labuda, *Znaczenie prawnopolityczne dokumentu „Dagome iudex"*, **„**Nasza Przeszłość"**,** IV, 1948, pp. 36-39; S. Kętrzyński, *W sprawie pierwszych biskupstw polskich*, „Przegląd Historyczny", R. XXXIX, 1949, p. 57; idem, *Dagome iudex*, „Przegląd Historyczny", R. XLI**,** 1950, pp. 150, 151.

992[38] as a result of the foundation of the Latin archbishopric in Gniezno. It is difficult to assume that Rome would recognize its priority to the ecclesiastical province of Gniezno. Thus, both ecclesiastic organisations came to life simultaneously or nearly at the same time. However, it is unknown whether a partition of the state's territory between the two ecclesiastical provinces took place. Vincent Kadlubek points out that both ecclesiastical provinces were treated as "twin" ones[39]. It does not mean, however that both ecclesiastical units had an equal legal status.

The sources do not include data that would unequivocally point the seat of the Slavic bishoprics. One can only presume what area laid under the Slavic ecclesiastical province. The Slavic ecclesiastical province could encompass the areas of Sandomierz, Przemyśl, Halyč, Lublin and even the lands of Buzhans, regained by Boleslaw Chrobry (the Valliant) in 1018 . The territorial status of Polish Slavic ecclesiastical province underwent constant changes depending on the scope of the missionary work of clergy and the influence of the state of Piasts in the East. The seat of the province should be searched for in the Southern part of the Polish lands which used to belong to the Great Moravia. The political situation of the land of Cracow after the collapse of the Great Moravian state, its adhesion to Bohemia state in the second half of the 10th century and regaining Cracow by Mieszko I at the dawn of his reign had a significant influence on the future developments. Most scholars claim that Cracow was the seat of the Slavic ecclesiastical province. However, a different town of as strong political position as Cracow and belonging to the Great Moravia could be the seat of the ecclesiastical province. The most plausible town to act as one could have been Sandomierz[40]. Gallus, enumerating *sedes regni principals* treated Sandomierz equally to Cracow, Wrocław and Płock[41]. However, there are numerous facts indicating that the Slavic ecclesiastical province had its seat in Cracow. Sandomierz could only constitute the seat of the Slavic bishopric. In the autograph of *Annalia* by Jan Długosz (Johannes Longinus)

[38] Gallus stipulated that the establishment of both ecclesiastical provinces had been the work of Boleslaw Chrobry (the Valliant) who started his reign in 992 ., H. Paszkiewicz, *Początki Rusi*, pp. 422, 423.

[39] „qui [Boleslaus] (...) tam adulta fovit tenerit udine, ut geminam metropolim instituerit, ut debitas suffraganeorum dioceses utrique deputaverit, ipsarumque dioecesium distinctiones certis limitibus insculpserit", *MPH*, vol. II, p. 276.

[40] S. Kętrzyński, *O zaginionej metropolii czasów Bolesława Chrobrego*, „Prace Instytutu Historii Uniwersytetu Warszawskiego", vol. I, Warszawa 1947, pp. 16, 17, 20; A. Buko, *Początki Sandomierza*, Warszawa 1998, p. 64-68.

[41] *MPH*, vol. II, pp. 75, 83.

under the year 1030 . one can find the information of the death of the bishop of Sandomierz, the name of whom was removed. K. Lanckorońska and J. Klinger connect the aforementioned fact with the note in *Rocznik Krakowski* that mentions bishop Roman deceased in the same year together with another bishop Lambert. According to the scholars, the scraped out name could be read as Roman[42].

Facts and historical sources argue for such hypothetical reconstruction of the establishment of the Eastern rite bishoprics. The sources kept the information of the fact that during the reign if Boleslaw Chrobry two ecclesiastical provinces used to exist in Poland. S. Kętrzyński[43] devoted a special study to the named fact and F. Dvornik[44] acknowledged his stipulations. The oldest Polish chronicle of Gallus Anonymus dated at the beginning of the 12th century states that: "suo tempore [of Boleslaw Chrobry – *A. M.*] Polonia duos metropolitanos cum suis suffraganeis continebat"[45]. What Gallus stated was acknowledged by Vincent Kadlubek who stipulated that in the times of Boleslaw Chrobry "adhuc tenellas fidei primitias, adhuc in cunis vagientem ecciesiam tam tenero amplexu, tam adulta fovit teneritudine, ut geminam metropolim instituerit"[46]. On the other hand, in the *Rocznik kapitulny krakowski* one can find two notes: "1027. Ypolitus archiepiscopus obiit, Bossuta successit", "1028. Stephanus archiepiscopus obiit"[47]. In the years presented via the annual neither archbishop Hipolit nor Stefan were seated in any of the known archbishop capitals. Such archbishops could only be in Poland, especially when "Bossuta" in Polish means "Bożęta"[48]. It is hard to image that within the dozen or so months a threefold change at the archbishop capital in Gniezno would take place and that there would be enough time for two full *sedis vacans* and the beginning of the third one. In addition, there might have not been enough time to designate two successors of archbishop Hipolit, to ordain them and let alone the time to rule. The above mentioned

---

[42] W. Semkowicz-Zarembina, *Powstanie i dzieje autografii Annaliów Jana Długosza*, Kraków 1952; J. Klinger, *O istocie prawosławia*, pp. 390, 391; P. Dymel, *Tradycja rękopiśmienna Roczników Jana Długosza*, Warszawa 1992.

[43] S. Kętrzyński, *O zaginionej metropolii...*, pp. 5-46; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* pp. 41-42.

[44] F. Dvornik, *The Making of Central and Eastern Europe*, London 1949, pp. 198-199; H. Paszkiewicz, *Początki Rusi*, pp. 417, 418.

[45] *Galli Anonymi Cronica*, ed. C. Maleczyński, [in:] *MPH* , vol. II, p. 30.

[46] Tamże, vol. II, p. 276.

[47] Tamże, vol. II, pp. 294, 296.

[48] *Słownik staropolskich nazw osobowych*, vol. I, z. 2, Warszawa 1966, p. 239.

information becomes clearer when we presuppose that one of the notes relates to the cathedral in Gniezno and the other one – to another, functioning at that time in Poland.

One of the evidence for the existence of the Slavonic rite cathedral was the sound of the names of first two bishops of Cracow. The information is derived from the *Katalog biskupów krakowskich (The Catalogue of the Bishops of Cracow).* The credibility of the *Katalog* is undeniable. The oldest of them is kept in the copy from the 13th century; however it was drafted on the basis of later records. Before the foundation of the Latin bishopric in Cracow (1000) a Slavonic rite bishop Prochor (Prohorius, Prochoros) used to reside in the town. The second one in the catalogue of the bishops of Cracow was a clergyman of a German origin Prokulf (Proculphus, Proclos)[49]. There are no grounds for the affirmation of the fact that Prochor resided in Cracow in the times of Methodius or shortly after his death. A letter of the German episcopate dated 900 to the pope John IX (898-900) could not neglect the fact of the existence of the bishopric of Cracow in the area of Moravian ecclesiastical province. It seems that Prochor could have been the first ordinary of the Slavonic rite diocese of Cracow established before 970 or one of his successors before the year 1000.

Nestor gives just a partial information about the existence of the Slavonic rite in *Powieść doroczna (Primary Chronicle).* The chronicler informed that two Greek missionary brothers and their disciples handled the mission of Christianisation that encompassed the Danube Slavs, Moravians, Bohemia, Lendians and Polans from Dnieper River. "They were in fact one Slavic nation: the Slavic peoples who reside by the Danube River and that were conquered by the Hungarians, and the Moravians, Bohemia and Polans called the Rus nowadays. It is for them that the scripture was translated in Moravia, the writing of which was called Slavic and the writing exists in Rus and among the Danube Bulgarians"[50]. The aggregated treatment of the three nations could only be possible due to their common religious traditions, but also and more importantly because of the common liturgical language – Slavic.

---

[49] *Katalogi biskupów krakowskich*, compiled by W. Kętrzyński, in: *MHP*, vol. III, Warszawa 1963, pp. 313, 328; J. Widajewicz, *Prohor i Prokulf, najdawniejsi biskupi krakowscy*, „Nasza Przeszłość", R. IV, 1948, pp. 17-32; F. Dvornik, *The Making*, p. 251; K. R. Prokop, *Poczet biskupów krakowskich*, Kraków 1999, pp. 19-22.

[50] *Kroniki staroruskie.* Selected, and provided the foreword and annotations: F. Sielicki, Warszawa 1987, p. 29.

Yet another source – *Opowieść o piśmiennictwie słowiańskim* (*The Tale of the Slavic Literary Activity*) – represents additional excerpt devoted to the activity of St Cyril. "During the reign of emperor Michael and Irene the Orthodox the philosopher Constantine was sent do Moravia by emperor Michael, as the Moravian prince asked for the philosopher. Thence, he went there and taught the Moravians and Lendians and Bohemia and other peoples and reassured the true faith in them, and he wrote scriptures in Ruthenian language and taught them well. And since then he departed to Rome and as he became sick he put on black robes and he was given the name Cyril. Out of the sickness he died eventually. Many years later, Adalbert came to Moravia and to the Bohemia peoples and Lendians and destroyed the true faith and rejected the Ruthenian scripture. He introduced the Latin writing and faith and burned the pictures of the true faith, chopped the bishops and presbyters and banished the others"[51]. Although the source in historiography evokes numerous doubts, in the context of other documents confirms the existence of the Slavonic liturgy, the scope of which was limited in Bohemia state and Poland by bishop Adalbert.

The presented relation does not contradict with the activity of bishop Adalbert. The Latin bishop did not fight the Slavic language in liturgy but the foreign hierarchy that was kept within the borders of his jurisdiction. It seems most plausible that at the end of the 10th century during the activity of bishop Adalbert, the hierarchy of Bulgarian or Ruthenian origin was situated on the Polish lands. The opinions regarding the role of bishop Adalbert in the development of the Latin liturgy in historiography are quite diversified. Most scholars claim that St Adalbert was not an opponent of the Methodian rite. His person is presented differently in Ruthenian sources. There is an excerpt in *Chronografia (The Chronography)* of dean Samuel which directly relates to the attitude of bishop Adalbert to the Slavonic liturgy. According to the source St Adalbert "destroyed the true faith and rejected the Ruthenian scripture. He introduced the Latin writing and faith and burned the pictures of the true faith, chopped the bishops and presbyters and banished the others and went to Prussia where he was killed, Adalbert - the Latin bishop"[52]. The transmission, found implausible by Polish historiography, encompasses numerous accusations against the Latin

[51] *MHP*, vol. I, p. 90; H. Łowmiański, *Początki Polski*, vol. IV, p. 506.
[52] *MHP*, vol. I, pp. 89, 90; J. Klinger, *O istocie prawosławia*, pp. 386-388.

clergyman. In the light of the preserved sources, bishop Adalbert did not "kill" and did not "banish" the clergymen but introduced the Latin rite[53].

The Slavonic rite was undoubtedly fought by the advocates of the „trilingual heresy". The named actions were undertaken especially after the previously mentioned bulla of pope John VIII forbidding Methodius to carry out the Slavic liturgy and recommending the service in Greek or Latin. It stems out that the Latin bishops did not oppose the Greek liturgy but would rather fight against the Slavonic liturgy and rival hierarchy. There is no evidence for the activity of bishop Adalbert reaching Cracow in the area of which the cathedral of St Michael would function. It seems that analogically to the situation in Moravia after the year 885 . the secular authorities began to abolish the clergy using the Slavonic liturgy. In case of Polish lands the process took place during the reign of Boleslaw Chrobry.

The *Chronicle* of Cosmas informs of the abolishment of Slavic monks during the times of Boleslaw Chrobry. The source mentions some *persecutio christianorum* that took place in Poland in 1022. That laconic note is proven correct in *Paterikon Pieczerski* of monk Polykarp in *Żywot Mojżesza Węgrzyna* (The Life of Moses Węgrzyn). The saint evokes anger of Boleslaw Chrobry as he was given First Haircut by the monk arriving from Athos[54]. The prince, in the framework of consolidation of the Latin Church structures that started at the convention in Gniezno through the abolishment of monks strove to limit the influence of the Slavonic rite hierarchy. A resulting from the above, the tradition of persecution of the Slavonic rite in Rus during the times of Boleslaw Chrobry has its partial justification, though it was unjustly connected with the person of St Adalbert.

The intentions of the liquidation of the Slavonic hierarchy were not realised as the chronicler Gallus mentions that the followers of the Slavonic and Latin rite were bewailing Boleslaw Chrobry at his grave. The excerpt of the Gallus's chronicle that tells in the laments about the great sorrow and grief of the Polish nation because of the death of the king has an essential meaning for the confirmation of the existence of the Slavonic rite. "Tanti viri funus mecum omnis homo recole, Dives, pauper, miles, clerus, insuper agricole. Latinorum et Slavorum quotquot estis incole"[55]. The word "Latini" universally meant the followers of the Roman Church of the Latin rite. The

[53] H. Łowmiański, *The Slavic Rite in Poland and St. Adalbert*, „Acta Poloniae Historica", vol. XXIV, Warszawa 1971, pp. 5-21; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* pp. 43-44.

[54] *MPH*, vol. IV, Warszawa 1961, p. 815.

[55] *MPH*, vol. II, p. 39.

term “Slavi” should be placed on the same religious plane. In the 16th century this term still had a religious connotation[56]. Under this term the chronicler described the followers of the Methodian rite. A different interpretation of the Gallus’s *Chronicle* is given by the historians[57], who questioned the Methodian mission on the Polish lands.

A difficult to answer question remains the issue why so little information or its lack is to be found in the oldest Polish chronicles. Gallus must have had the sense of unity of the Polish state, even though he divided the nation as per the Latin and Slavonic rite. Gallus was mostly interested in the “Latin” Poland. The chronicler omitted the legends that Vincent Kadlubek writes about and connected with Cracow. He did not mention a powerful prince known from the *Żywot św. Metodego (The Life of St Methodius)* who was staying by the Vistula River. He did not mentioned a word of the Great Moravian reign over the territory of Poland. He placed the armed forces of Boleslaw Chrobry in Poznan, Gniezno, Włocławek and Giecz. He omitted Wrocław, Cracow, Przemyśl, Halyč and other towns. Gallus informed of a Bohemia raid in 1038/1039 over Gniezno and Poznań; he did not mention however. The plunder of Cracow and Wrocław. We get to know of this fact from Cosmas’ *Chronicle.* Cracow until the end last quarter of the 11th century did not exist in the Gallus’s *Chronicle.* After all, the town became the capital of the seigneurial district of Poland by the testament of Boleslaw III the Weymouth (1102-1138). On one hand Gallus dedicated his work to the Latin bishop of Cracow and on the other he showed a pregnant silence towards the “Slavic” past of Cracow[58]. Of course, with such attitude of the author it is hard to expect closer information of a Polish Slavonic ecclesiastical province. Vincent Kadlubek and Johannes Longinus had a similar attitude. The Latin clergy insisted on omitting the traditions related to Cyril and Methodius.

*

[56] B. Paprocki, *Herby rycerstwa polskiego*, wyd. K. Turowski, Kraków 1858, p. 19.

[57] W. Abraham, *Organizacja Kościoła w Polsce do połowy XII w.*, pp. 110, 113, claimed that the chronicler did not mean the difference in rites but rather in nationalities. Cf.: M. Plezia, *Kronika Gala na tle historiografii XII wieku*, „Rozprawy Polskiej Akademii Umiejętności”**,** vol. XLVI, Kraków 1947, pp. 154, 155; W. Szcześniak, *Obrządek słowiański w Polsce pierwotnej rozważony w świetle dziejopisarstwa polskiego*, Warszawa 1904; T. Lehr-Spławiński, *Misja słowiańska św. Metodego a Polska*, **„**Rocznik Krakowski Słowiański”, 1932, pp. 3-12; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* p. 46.

[58] H. Paszkiewicz, *Początki Rusi*, pp. 425, 426.

The confirmation of the existence of Christian temples in the 10th and 11th century are archaeological excavations. The remains of the Slavonic cult are to be found in Ostrów Lednicki, Cracow, Wiślica, Przemyśl and many other towns. Those centres were not under the control of the Latin Church and remained under the influence of the Byzantine civilisation with Slavonic liturgy and Cyrillic writing. One of the examples is the church of the Blessed Virgin Mary (today's' Sts Felix and Adaukt) on Wawel in Cracow which with its architectural style refers to Bohemia rotundas connected with the Cyril-Methodian tradition[59]. The archaeological excavation in Ostrów Lednicki revealed a massive Christian centre from the 10th century. The found chapel on the layout of the Greek cross has an added palatium[60]. A similar rotunda with an impressive palatium – the bishop's residency from the 10th century was discovered under the chancel of the Roman-Catholic cathedral in Przemyśl[61].

There are numerous tracks of the Slavonic rite in Wiślica. A baptismal font and a church from the end of the 10th century as well as a grave chapel reflecting the non-Latin character of this centre from the 11th century was found in its area. A four graves with heads directed to the East, characteristic of the Eastern rite were found in its premises. The deceased were buried in the naves and the chancel in the Latin Church. The graves in Wiślica contain interments of high church dignitaries. On their basis Zofia Wartołowska states that Slavic bishops were buried in the chapel. The discovery of the square palatium connected with the body of the rotunda constituted the confirmation of the thesis[62]. The original Roman collegiate

[59] A. Szyszko-Bohusz, *Rotunda świętych Feliksa i Adaukta na Wawelu*, „Rocznik Krakowski", R. XVIII, Kraków 1918, p. 18; V. Mole, *Nowy pogląd na rotundę św. Feliksa i Adaukta*, „Przegląd Historii Sztuki", R. III, 1932/1933, pp. 23-30; K. Żabokrycka, *Rotunda wawelska w świetle nowych badań i odkryć archeologicznych*, „Studia do dziejów Wawelu", vol. II, Kraków 1960, pp. 335-400.

[60] Ibidem, vol. II, pp. 435-440; M. Sokołowski, *Ruiny na Ostrowie jeziora w Lednicy*, Kraków 1976, pp. 103-146.

[61] J. Hawrot, *Problematyka przedromańskich i romańskich rotund bałkańskich, czeskich i polskich*, „Biuletyn Historii Sztuki", R.XXIV, no. 3-4, Warszawa 1962, pp. 279-280; A. Żaki, *Palatium i rotunda*, „Z otchłani wieków", R. XXVIII, Poznań 1962, pp. 128-131; A. Kunysz, *Przemyśl w starożytności i wczesnym średniowieczu*, in: *Przemyśl w starożytności i średniowieczu*, pod red. A. Kunysza i F. Perkowskiego, Rzeszów 1966, p. 38.

[62] Z. Wartołowska, *Osada i grób w Wiślicy w świetle badań wykopaliskowych*, in: *Rozprawy Zespołu Badań nad polskim średniowieczem Uniwersytetu Warszawskiego i Politechniki Warszawskiej*, Warszawa 1963, pp. 11, 18, 35.

church in Wiślica was probably embellished with numerous wall painting in Byzantine style, similarly to the Gothic church raised later on (in the 14th century) by Casimir the Great at the same place. According to Johannes Longinus, Casimir after the erection of the church regretted that he did not build in another place. As Longinus criticises the original construction of the church we can suppose that king's dissatisfaction was caused by too many elements moved to the new temple from the old one. Bishop, Jakub Zadzik (1628-1635) visiting the church in the 17th century wrote that the "Greek" paintings covered the whole interior of the church[63].

The archaeological excavations in Wiślica are closely related to the archaeological discoveries by the Salwator's Church in the district of Zwierzyniec in Cracow. The oldest building found under the temple is Greek cross-shaped. A stone Roman rotunda[64] was raised on the rubble of the rotunda from the 10th century. Similar architectural tendencies are to be found around the cathedrals of Poznań and Płock. The latter building was erected during the times of Władysław Herman (1079-1102) by his wife, Bohemia princess Judith - daughter of duke Vratislaus II (1061-1085), a known adherent of the Slavonic rite. In Plock architectural complex there is a "prothesis" and "diaconicon" in both side apsyde niches of the temple. The whole Plock rotunda was built in a shape of "trikonchos" with Byzantine "narthex" refers to similar types of buildings to be found in the Balkans[65]. The Polish rotundas were not that different of the Bohemia or Moravian ones. The presence of this type of rotundas on Polish lands can be justified by the Christianisation and belonging to The Lesser Poland and the Great Moravia.

The news of the existence of the Slavonic rite on the Polish lands in the 11th centurz is found indirectly in the written sources and the analysis of the historical events. The letter of the Swabian princess Matilda to Mieszko II (1025-1034) is one of the types of such sources. The princess wrote in the letter that the king would pray not only in his own language (Slavic) but also in Latin and Greek. "Since in your own tongue and in Latin you can praise God, you have also desired to add Greek. This book ordo

---

[63] J. Zathey*, O kilku przepadłych zabytkach rękopiśmiennych Biblioteki Narodowej w Warszawie*, in: *Studia z dziejów kultury polskiej*, Warszawa 1949, pp. 76, 85; F. Z. Weremiej, *Śladem zaginionych ogniw*, Warszawa 1977, p. 120; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* p. 47.

[64] J. Hawrot, *Pierwotny kościół pw. Salwatora w Krakowie*, „Kwartalnik Archeologii i Urbanistyki", R. I, z. 2, 1956, pp. 157-172.

[65] W. Szafrański, *Dzieje Płocka*, Płock 1978, pp. 37-62; idem, *Matka Krzywoustego*, „Notatki Połockie", no. 2 (123), Płock 1985, pp. 14-21; Z. Dobrzyński, *Obrządek słowiański...*, part 3, pp. 402-408.

Romanorum I am sending you so that there would be nothing unknown to you in celebrating God's service"[66]. The text confirms the existence of strong Greek influence during the reign of Mieszko II. The named influence appeared as early as during the reign of Boleslaw Chrobry (the Valliant) when the diplomatic connection were made with the Byzantium. The contacts with the Byzantium did not interfere with fighting off the Slavonic rite by Chrobry. On the court of the Hungarian king Stephen I there was a large group of Byzantine clergy. Therefore, the influence of the Greek Church onto the Polish lands was something natural. The Kiev ecclesiastical province adjacent to Poland was still under the jurisdiction of the Constantinople patriarchate. In Piast Poland numerous Slavic and Greek liturgical book embellished with Byzantine miniatures were kept[67]. It is difficult to assume that they were assigned for solely for the use of spouses of Piasts, who were of an Eastern rite. Otherwise, state-church factors referred to the Slavonic liturgy. The Brunwilarian monk states that one of the reasons for Mieszko's II divorce with his wife Richeza was the "barbarian rite of the Slavs"[68]. Mieszko II could have been the adherent of the named rite during the times of the conflict with the emperor. He definitely stopped supporting it when he became imperial vassal.

Yet another "proof" for the functioning of the Slavonic liturgy on the Polish lands in the 11th century was the case of the so-called "pagan reaction". Some of the scholars interpret the words of Gallus regarding the rebellion raised by the subjects against the bishops as the fight of two rites. "The subjects raised the rebellion against the reign of the magnates and made themselves rulers. Moreover, moving away from the Catholic faith (*de fide catholica deviantes*), that cannot be uttered without lament, against bishops and clergymen, they grabbed God's domiciles and those worthy they slew with swords and others they stoned"[69]. The remittance puzzles with the fact that the rebels occupied the seats of bishops and clergymen, and churches. The question arises, why was it now that the rebellion broke out against the Christians and not any earlier. According to numerous

[66] *MPH*, vol. I, pp. 323, 325.

[67] W. Semkowicz, *Paleografia łacińska*, Warszawa 1951, pp. 103, 104, 134, 157, 301-303.

[68] *Monumenta Germaniae Historica* (dalej: *MGH*), vol. XIII, Script. XI, p. 403; H. Paszkiewicz, *Początki Rusi*, p. 421; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* p. 48.

[69] *MPH*, vol. I, p. 19; J. Klinger, *O istocie prawosławia*, p. 399.

historians it was a rebellion of the adherents of the Slavonic rite, later on called the "pagan reaction"[70].

By accepting such assumption, Masław should be considered Christian, as he was a cup-bearer from Mieszko's II court. It is hard to imagine a pagan to serve a similar function. Gallus informed that due to the rebellion of pagans and other reasons the people of Greater Poland, were fleeing beyond the Vistula River to Mazovia[71]. If this was an area dominated by pagans, the people of Greater Poland would have to search for another shelter. The chronicler emphasised that Mazovia was "heavily populated and its power rose significantly" [72] due to the massive inflow of the people from the West and South (because of the expedition of Kiev in 1031). One can suppose that Masław by opposing Casimir coming back from the exile strove to gather around the followers of the Slavonic rite. The action against the lands of Buzhans, the lands belonging to Yaroslav I the Wise (1019-1054) could have been taken from Mazovia. Thus, the active part of the Kiev prince who organised two military expeditions on Mazovia in the war is explained. According to the chronicler Nestor, Yaroslav gained victory without the participation of the army of Casimir the Restorer. Both sides paid much attention to winning over the Mazovian opponent. It is without doubt that Yaroslav communicated with his brother-in-law Casimir as far as the faith of Mazovia, before Masław was defeated. The Mazovian land was regained by the Restorer, and according to H. Paszkiewicz, let to church unification with the Latin rite[73]. Having defeated Masław, before the war with Pomeranians – "with pagans" Casimir the Restorer encouraged his warriors to present similar valour as in the battles with "false Christians"[74]. As Gallus only previously mentioned the war with Mazovia, one can only suspect whom he had on mind when relating to the term.

---

[70] H. Paszkiewicz, *Początki Rusi*, pp. 429-432; J. Klinger, *O istocie prawosławia*, p. 399; Z. Dobrzyński, *Obrządek słowiański...*, part 2, pp. 301-318.

[71] *Galli Anonymi Cronica*, „Illi vero, qui de manibus hostium evadebant, vel qui suorum sedicionem devitabant, ultra flumen Wysla in Mazoviam fugiebant", *MPH*, vol. II, p. 43.

[72] *Galli Anonymi Cronica*, „Erat enim eo tempere Mazovia Polonis illuec antea fugientibus, ut dictum, in tantum populosa, quod agricolis rura, animalibus pascua, habitatoribus loca (non satis) erant spaciosa", ibidem, p. 45.

[73] H. Paszkiewicz, *Początki Rusi*, pp. 429-431.

[74] *MPH*, vol. II, p. 47. The issue has been elaborated on by: J. Bieniak, *Państwo Miecława. Studia analityczne*, Warszawa 1963 i B. Krzemieńska, *Bretislav I. Križe a obnova českého stánu v prvni polovine 11 staleti (1000-1041)*, Praha 1969; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* p. 49.

The following facts constitute a confirmation of the thesis that Masław's rebellion was not a "pagan reaction". The cathedral churches in Cracow, Poznań, Gniezno, Płock and other towns were not destroyed during the rebellion. It was the Bohemia people and not the "Polish nation returning to paganism" that burnt the cathedral in Gniezno, the churches in Ostrów Lednicki, Trzemeszno or the cathedral in Poznań in 1039. The cathedral in Plock was burnt the army of the Kievan prince Yaroslav the Wise in 1031 and rebuilt by an alleged "pagan" Masław. The Wawel Cathedral; however, was demolished by the Hungarians in 1086. The last one of the cathedrals, crucial in this dissertation, was burnt by the Ruthenians in 1135. The enumerated facts question the character of the events in Mazovia presented by the chroniclers.

The victory of Casimir the Restorer enabled him to put the church affairs in order. The endowment of a pallium of Pope Benedict IX to the bishop of Cracow, Aaron with the jurisdiction over all ordinaries, "que in toto regno sunt Slavonica"[75] was to lead to the assimilation of the Slavonic rite with the Latin Church in Cracow. The Polish church province on the eve of schism in Church was largely connected with Rome. The Western Christian option won in Poland as it was with the Moravian state at the beginning of the 10th century.

Whether the reforms of the establishment of church put an end of the activity of the Slavic clergy still remains an open question. It seems that the reform itself did not eliminate the parish with Slavonic liturgy. Some historians are willing to acknowledge the fact that such Slavic hierarchy existed during the reign of Boleslaw the Bold and his conflict with bishop Stanislav was treated as a battle of two rites. The adherents of this view use numerous arguments that confirm the named hypothesis. Some scholars claim that one the traditions regarding the origin of the bishop of Cracow is deriving Stanislav from the family of Rurykowicze.The name Stanislav has clear Methodian connotations occurring in the Balkans and Rus in the 10th century. The dates that Stanislav was consecrated and assumed the cathedral bishopric remain unknown. The catalogue of the bishops of Cracow as precise with the names of other bishops remains strangely silent about his case. Scholars indicate the relations of Stanislav with the Bohemia prince Vratislaus II, the adherent of restoration of the Slavonic liturgy on Bohemia lands. In the times of the conflict between pope Gregory VII and emperor Henry IV, the latter could have used the question of the Slavonic liturgy as an element of anti-papal coalition. The anti-pope chosen by the emperor took the name Clemens, popular in Cyril-Methodian tradition.

[75] *MPH*, vol. III, p. 340.

In 1079 bishop Stanislav rose against the king "in defence of his people against ruin and harm", and as a result he was sentenced to death. The conflict that came into existence against a background of church affairs had to exacerbate due to the political or personal factors that led to irremediable effects. The actions undertaken by the bishop caused king's repressions. It is true that, despite being a clergyman himself, Gallus would not hesitate calling Stanislav "traitor" and judge his deeds as "sinful". The chronicles similarly assessed the king's revenge[76], but also said that the Boleslaw's fate was "injustice"[77].

The fact that with the abandonment of the king from the cathedral in Gniezno, the archbishop Bogumilus resigns and is replaced by archbishop Henry, supported by the emperor Henry IV is truly puzzling. The archbishop Bogumilus moved to a hermitage in Dobrowa where he died in 1092. It is highly probable that the bishop of Cracow stood trial of the metropolitan bishop of Gniezno[78] beforehand and, as a result had his limbs cut ("truncatio membrorum").

The most important duty of the metropolitan bishop of Gniezno was defence of the Latin rite in Poland. One cannot exclude the conjecture that archbishop feared of king's wrath or was convinced that the actions of Stanislav were harmful to the country. According to Vincent Kadlubek the bishop was quartered "inter infulas" – between two cathedrals. The chronicler almost certainly meant the two existing cathedrals – the Latin of St Waclaw and Slavic one of St Michael. Bogumilus, as an archbishop of Gniezno had to take part in the trial against bishop Stanislav and, presumably that was the reason why he was removed, together with king Boleslaw, by the imperial-Slavonic faction[79].

---

[76] *MPH*, vol. II, pp. 52-53.

[77] Ibidem, p. 55.

[78] The letter of pope Paschalis II (1099-1118 .) to archbishop (of Gniezno) mentions sentencing the bishop by the archbishop without the knowledge of the pope. M. Gębarowicz, *Polska, Węgry czy Sycylia odbiorcą listu Paschalisa II*, „Kwartalnik Historyczny", vol. LI, 1937, pp. 513-553, established that the letter relates to Poland and was written to the archbishop of Gniezno. Gębarowicz's view is shared by: K. Maleczyński, *Bolesław III Krzywousty*, Wrocław 1975, p. 191; K. Górski, *O sprawie św. Stanisława*, „Nasza Przeszłość", vol. IV, 1948, p. 74; H. Paszkiewicz, *Początki Rusi*, pp. 438, 439.

[79] Such interpretation of the conflict between bishop Stanislav and king Boleslaw the Bold is shared by.: H. Paszkiewicz, *Początki Rusi*, pp. 437-442; J. Klinger, *O istocie prawosławia*, pp. 401-407; Z. Dobrzyński, *Obrządek słowiański...*, part 2, pp. 346-368. However, K. Lanckorońska sees the king as a defendor of the Slavonic rite, cf.: K. Lanckorońska, *W sprawie sporu między*

Henryk Paszkiewicz pointed out to one more source that allows for a slightly different interpretation of the conflict. The letter of Gregory VII (1073-1085) to Boleslaw the Bold dated April 1075 unambiguously indicated close relations between the Holy See and Boleslaw[80]. According to H. Paszkiewicz, the passage in the letter of Gregory VII concerning the need of establishment a metropolitan seat in Poland does not relate to Gniezno but a different Slavonic metropoly. There is no proof bearing testimony of the liquidation of the latter one by the pope. The initiative undertaken by Boleslaw the Bold to retain the Slavonic liturgy was fully justified by the political events. Gregory VII understood the weigh of the initiative for the Church, especially when Vratislaus II also turned to the pope with the request of introduction of the Slavonic liturgy in the Bohemia state (after 1075)[81].

Iziaslav, the son of Yaroslav the Wise favoured the church plans of Boleslaw the Bold. Living in exile, Iziaslav was afiliated with Rome and, thus became an intercessor of the Slavonic rite dependent on the pope[82]. That would explain why Gregory approving of the church plans of Boleslaw the Bold in his letter strove, at the same time, to reconcile the both conflicted monarchs regarding them as executors of a common idea. The question of the organisation of the Slavonic ecclesiastical province on the Polish lands during the years 1075-1079 assumed a heavy political character. The note in *Rocznik kapitulny krakowski*, being an obituary notice states that the deceased Boleslaw the Bold „constituit episcopatus per Poloniam"[83]. The coronation (1076.) indicates that Boleslaw was still in close relations with Gregory VII. The German chronicler mentions fifteen

---

Bolesławem Śmiałym a św. Stanisławem, „Teki Historyczne", vol. LI, 1958, pp. 1-15. The full analysis of the conflic is presented by T. Grudziński, *Bolesław Śmiały – Szczodry i biskup Stanisław. Dzieje konfliktu*, Warszawa 1986; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* p. 51.

[80] *MPH*, vol. I, p. 367; E. Caspar, *Das Register Gregors VII, Epistolae selectae*, II (l), 1920, pp. 233-235.

[81] For the Bohemia's desires to come true would have to be at the expense of the Latin rite. The problem of the Slavic faith in Poland looked quite different. Moreover, Gregory VII needed the help of Bohemia Latin clergy that was largely German, in his battle against emperor Henry IV. Gregory VII led different politics in different countires with regards to the Slavonic rite. G. Hoffmann, *Papst Gregor VII und der christliche Osten*, [in:] *Studi Gregoriani*, I, 1947, p. 179.

[82] A. Ziegler, *Gregor VII und der Kiever Grossfürst Izjaslav*, in: *Studi Gregoriani*, I, 1947, pp. 387-411.

[83] *MPH*, vol. II, p. 918. see.: T. Wojciechowski, *Szkice historyczne jedenastego wieku*, Warszawa 1951, p. 135.

bishops taking part in the ceremony[84]. It is possible that the number was exaggerated, but it is hard to accept that there were "only few bishops" in Poland at the of 1076 as stated by the pope in his letter from 1075. We have to assume that Boleslaw was successful in creating the organisation of church, making use of the presence of papal legates in his country. Owing to the fact that in the early 12th century where were only four Latin bishops in Poland subdued to the archbishop of Gniezno, one can suppose that the remaining number of sovereigns during the reign of Boleslaw the Bold encompassed the dignitaries of a Slavonic rite.

In this context the conflict between the king and the bishop of Cracow, Stanislav is differently interpreted by Henryk Paszkiewicz. According to the scholar, the conflict had lasted several years[85] before the bishop died. Bishop Stanislav refused to return the lands that previously belonged to the Slavonic ecclesiastical province of Sandomierz[86] and were taken by ordinaries of Cracow. The assumption is confirmed by the aforementioned letter of Gregory VII, within witch the pope claims that the metropolitan capital in Poland is not settled ("episcopi terrae vestrae non

[84] „Dux Polenorum (...) regiam dignitatem regiumque nomen sibi usurpavit, diadema imposuit, atque ipso die natalis Domini a 15 episcopis in regem est consecratus", *Lamberti Hersfeldensis Annales*, *MGH*, Script. V, p. 255.

[85] What Gregory VII had written in the quoted letter to Boleslaw the Bold about the bishops in Poland, whose dioceses were too vast for them to diligently fulfill their duties, must have reffered to the bishopric of Cracow in the first place. As the papal letter was written in response to the king's appeal to the Holy See (cf.: T. Wojciechowski, *Szkice historyczne jedenastego wieku*, Warszawa 1951, p. 175), one may assume that the beginnings of the said conflict reach the times before 1075 . It is possible that the bishop of Cracow, Lambert (1061-1071 .) „neglexit pallium petere" under the influence or pressure of the king. On assuming this hypothesis, we can suppose that Boleslaw the Bold was against the excessive development of the bishopric of Cracow at the expense of Polish „Slavonic" lands from the very beginning of his reign. Consequently, he was stepping away from the poliscy of Casimir the Restorer and Aaron. Longinus states that the controversies regarding the election of the successor of the archbishop of Cracow, Aaron lasted two years after his death. Only after king's pressure Lambert-Suła was appoined at the vacant post (Dlugossius, *Opera*, I, p. 386). According to H. Paszkiewicz, the difficulties related to the nomination of the successor of Aaron, who was appointed during the reign of Casimir the Restorer were connected with the new church policy of Boleslaw the Bold and his efforts to strengthen Church organisation of the Slavonic rite in Poland. That fact especially concerned the bishopric of Cracow. H. Paszkiewicz, *Początki Rusi*, pp. 436, 437.

[86] S. Kętrzyński, *O zaginionej metropolii*, pp. 43-45.

habentes certum metropolitanae sedis locum")[87]. The existence of the Slavonic metropoly, according to Paszkiewicz, is therefore unquestionable and the conflict between the king and the bishop developed in the background of the competition between the two rites and concerned the territorial issues of the bishoprics. As there exist premises for such digressions, yet the lack of sources does not give ground for an explicit recognition of the conflict between bishop Stanislav and the king as the battle for a place of the Slavonic liturgy in the county.

It has to be acknowledged; however, that Boleslaw the Bold was the last of the Piasts who wanted to retain both liturgies. After king's death the people living in the areas of the River Bug and Dniester faithful to their church traditions, wanting to keep Slavic in liturgy, began to incline towards the Ruthenian and Kievan metropoly. The trend had serious consequences, not only of a religious nature.

In this context it is worth taking into consideration the events that took place after the capture of Cracow by Ladislaus II of Hungary in 1086. The son of Boleslaw the Bold, Mieszko returning from the exile died in Cracow and his body was burnt in the presence of bishops[88]. The ritual was characteristic of the Slavonic rite and may constitute a confirmation of the fact that the Methodian religious tradition was retained in Cracow. Wladyslaw Herman's ritual was respectful towards the memory of bishop Stanislav. After Mieszko's death he ordered the relics of St Stanislav to be moved from Skałka to Wawel, which was the beginning of his cult[89]. The canonisation of bishop Stanislav took place in 1253 and martyr's cult was developed by the Polish clergy in the 13th century. Władysław Herman unambiguously sympathised with the Latin liturgy and close relations to Rome. The parishes with the Slavonic liturgy finally ceased to exist during his reign[90].

---

[87] *MPH*, vol. I, p. 370.

[88] J. Klinger, *O istocie prawosławia*, p. 407; Z. Dobrzyński, *Obrządek słowiański...*, part 2, pp. 388, 389; A. Mironowicz, *Kościół prawosławny w państwie Piastów i Jagiellonów,* pp. 52-53.

[89] J. Umiński, *Obrządek słowiański w Polsce IX-XI wieku,* p. 29; J. Klinger, *O istocie prawosławia*, p. 407; Z. Dobrzyński, *Obrządek słowiański...*, part 2, pp. 381-398.

[90] Some scholars indicate that after St Stanislav the last bishops of the Slavonic rite in Cracow were Lambert III (1092-1101 .) and Czesław (1101-1104 .). Compare.: K. Lanckorońska, *Studies on the Roman-Slavonic Rite in Poland,* p. 80 i n.; J. Klinger, *O istocie prawosławia,* p. 408; Z. Dobrzyński, *Obrządek słowiański...*, part 3, pp. 391-416, 476.

The studies of the Old Polish church terms demonstrate a significant influence of the Old-Slavonic language over the Polish Christian terminology[91]. The influence of the Greek tradition is visible in the oldest Polish hymn devoted to Blessed Virgin Mary, called *Bogurodzica*[92]. In the old breviaries of the Polish clergy one could find a prayer to Sts Cyril and Methodius[93]. Churches devoted to St Clement that were the object of a special worship from the "Slavic apostles" were erected in Silesia and Lesser Poland. In the found calendar Wiślicki from the 14th century[94] among the saints who were especially worhipped we can find a figure of St Gorazd whom methodius appointed his successor as the archbishop of Moravia. The cult of St Gorazd could not come from the Red Ruthenia in the 14th century due to the lack of the cult of the named saint in the Ruthenian Church. The cult of St Gorazd is an element of an old tradition reaching the end of the 10th century when the Slavonic liturgy existed in the Lesser Poland.

The presented influence of the Methodian rite on the Polish lands had a significant influence in the shaping of the religious tradition in the local Orthodox Church. In the land of the Piasts and Jagiellons the named tradition rooted in the cult of Bulgarian and Greek saints of the Church-Slavonic liturgy, rituals and culture. The awarness of the role of Cyril and Methodius in the introduction of Christianity in Poland shall be especially cultivated in the Eastern Church. The evangelisation of the Great Moravia, Bohemia and Poland shall be attributed to the Slavonic Apostles.

[91]E. Klich, *Polska terminologia chrześcijańska*, Warszawa 1927, pp. 146, 147.

[92]J. Birkenmajer, *Wzory greckie „Bogurodzicy"*, „Przegląd Literacki", vol. XXXI, 1934, pp. 249-266; F. Dvornik, *The Making*, pp. 124, 125.

[93] *MPH*, vol. I, pp. 88, 89.

[94] J. Zathey, *O kilku przepadłych zabytkach rękopiśmiennych...*, pp. 74-86.

Черных А.В.,
канд. ист. наук
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства
и государственной службы при Президенте РФ», Липецкий филиал

Chernykh A.V.,
PhD in History
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy
and Public Administration, Lipetsk branch

ХАЗАРСКАЯ МИССИЯ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ

THE KHAZAR MISSION OF CYRIL AND METHODIUS

Аннотация

В статье рассмотрен исторический эпизод, непосредственно связанный с миссией Кирилла и Мефодия, направленной в Хазарский каганат в 861 г. Рассматриваются различные научные концепции, представленные в отечественной и зарубежной историографии вопроса, в частности, предположения А.Ф. Гильфердинга, объясняющие роль и значение этого путешествия славянских апостолов в качестве одного из вариантов возможного распространения христианства восточного образца из Византийской империи на часть восточнославянских союзов племен, находящихся в тот период под властью и влиянием Хазарии.

Abstract

The article considers a historical episode directly related to the mission of Cyril and Methodius sent to the Khazar Khaganate in 861. Various scientific concepts presented in the domestic and foreign historiography of the issue are considered, in particular the assumptions of A.F. Gilferding explaining the role and significance of this journey of the Slavic apostles as one of the options for the possible spread of Eastern Christianity from The Byzantine Empire, aimed at part of the East Slavic unions of tribes under the rule and influence of the Khazars at that time.

Ключевые слова: миссионеры; Кирилл и Мефодий; Хазарский каганат; восточнославянские племена; христианство; Византия; общеславянская общность.

Keywords: missionaries; Cyril and Methodius; Khazar Khaganate; East Slavic tribes; Christianity; Byzantium; common Slavic community.

Ряд поколений отечественных и зарубежных ученых-историков, источниковедов и филологов различной специализации рассматривали феномен осуществления миссии Кирилла и Мефодия, направленной в Хазарский каганат в 861 г., уделяя самое пристальное внимание роли этого явно нерядового путешествия в их жизни в целом. На этом фоне исследователи по-разному интерпретировали роль и значение поездки славянских апостолов, вкладывая в факт осуществления этого путешествия определенный сверхважный смысл в деле дальнейшей успешной христианизации восточных славян.

Рассуждая в рамках своих построений, известный ученый-славяновед, славянофил, государственный, дипломатический, а также общественно-политический деятель России позапрошлого столетия А.Ф. Гильфердинг (1831–1872), занимавшийся кирилло-мефодиевской научной проблематикой, выступил со следующей оригинальной исторической концепцией. В своей публикации «Имел ли Кирилл непосредственное влияние на русских славян?» исследователь утверждал, что главная цель хазарской миссии Кирилла и Мефодия в 861 г. определялась исключительно необходимостью христианской проповеди среди восточных славянских племен, составлявших тогда внушительную часть населения Хазарского каганата [1, с.305-314]. Забегая вперед, важно принципиально отметить, что, по сути, А.Ф. Гильфердинг не исключал дипломатический, а также военный характер данного путешествия, но делал особый акцент именно на миссионерской составляющей хазарской поездки славянских апостолов.

Тем самым ученый устанавливал логическую связь между тремя эпохами жизни и деятельности Кирилла и Мефодия: Македония, Болгария; Хазария; Болгария, Великая Моравия, Паннония. Руководствуясь указанным умозаключением, А.Ф. Гильфердинг подчеркивал, что именно Кирилл и Мефодий были отправлены в Хазарию, так как они являлись «людьми, посвятившими себя обращению славян, людьми, которые несли с собой славянские письмена и славянский перевод Евангелия» [1, с.305-314]. Исходя из этого утверждения, исследователь даже не рассматривал возможность того, что славянская миссионерская деятельность Кирилла и Мефодия только сопутствовала главным дипломатическим и военным преимущественно разведывательным задачам, которые были возложены на славянских апостолов во время осуществления их

путешествия в Хазарию. На это делался традиционный акцент в историографии вопроса в целом.

Вместе с тем нельзя не указать относительно успешного соединения всех трех задач (дипломатической, военной и просветительно-славянской), которые могли переплетаться в ходе предпринятого Кириллом и Мефодием путешествия в Хазарский каганат, где присутствовал значительный процент славянского населения, главным образом, восточнославянских племен, находившихся в зоне влияния Хазарского государства.

В противном случае хазарская поездка апостолов однозначно представлялась А.Ф. Гильфердингу «не только необъяснимой, но даже бесцельной». Вместе с тем, согласно принципиальному заключению дополнительного характера, приводимому А.Ф. Гильфердингом, устойчивые межславянские отношения напрямую способствовали дальнейшему крещению Киевской Руси [2, с.305-314].

В качестве прямого доказательства исследователь указывал на факт принятия христианства восточными славянами уже при князьях Аскольде и Дире [1, с.305-314]. Таким образом, как подчеркивал А.Ф. Гильфердинг, хазарская миссия Кирилла и Мефодия прямым образом повлияла на первоначальное распространение христианства среди восточных славян, а также подготовила необходимую почву для последующего крещения Руси именно из Византии [2, с.305-314].

Одно из своих главных утверждений, что основополагающей целью хазарской миссии апостолов было исключительно распространение христианства среди славян, а не укрепление внешнеполитических связей Византийской империи с Хазарским каганатом, А.Ф. Гильфердинг выводил, руководствуясь собственной источниковедческой интерпретацией материала ряда письменных исторических источников. Это в первую очередь касается «Жития Константина». Согласно информации, представленной в этом средневековом памятнике, значительной задачей, стоявшей перед славянскими апостолами накануне их поездки в Хазарию, являлась проповедь христианства, так как хазарские послы обращались к византийскому императору в том числе и за вероучителями и даже называли обычаи своего народа постыдными. При этом в документе еще дополнительно указывалось, что деятельность Константина-Кирилла завершается крещением 200 хазар [3, с.50-55]. Здесь христианская миссионерская деятельность не должна закрывать дипломатический, военный и политический характер поездки, совершенной Кириллом и Мефодием.

Сложно, конечно, сказать, что вся хазарская политическая элита была так негативно настроена относительно получившего среди нее распространения иудаизма. Даже если предположить исключительно только факт осуществления поиска альтернативной религии иудаизму в лице восточного христианства, все это кажется весьма спорным умозаключением. Равным образом нельзя не указать на существование общего фона, отражающего настроения создателей подобного рода исторических памятников, обосновывающих важность, значимость и обоснованность преимущества христианства над другими религиями, а также необходимость его распространения.

Можно утверждать, что поездка в Хазарский каганат, осуществленная Кириллом и Мефодием, представлялась А.Ф. Гильфердингом как важнейшее звено в осуществлении многогранной миссионерской деятельности апостолов. Она несла на себе нагрузку понимания, дополнительного анализа в распространении христианства посредством разработанного Кириллом и Мефодием славянского алфавита, в том числе и среди восточных славян. Согласно общей логике рассуждений А.Ф. Гильфердинга славянские апостолы сначала разработали алфавит для македонских славян, в дальнейшем стремились его проработать уже в других частях славянского мира, представлявшего в тот период времени общую в лингвистическом, а также в культурном отношении общность с присущей ей спецификой. Отсюда и выстраиваемая связь в деятельности славянских апостолов Кирилла и Мефодия, начиная от Македонии-Болгарии-Хазарии, заканчивая Великой Моравией и Паннонией.

При этом нельзя утвердительно говорить, что А.Ф. Гильфердинг представлял деятельность Кирилла и Мефодия в качестве общеславянского явления, распространяя ее и на восточных славян, дополнительно формируя единую славянскую общность в лингвистическом, культурном и религиозном отношении, где реальным выражением выступала деятельность славянских апостолов, представлявших собой символ славянского единства. Логика рассуждений А.Ф. Гильфердинга строилась на оригинальной интерпретации исторических фактов, вызывающих определенные вопросы, а также справедливые замечания критического характера.

Необходимо сказать, что в этом аспекте проявилась многогранная работа Кирилла и Мефодия в качестве исторических деятелей, объединяющих уже в тот период времени весь славянский мир, по крайней мере, в культурном и лингвистическом отношении. Все эти направления деятельности славянских апостолов по

прошествии значительного времени вполне успешно продолжил А.Ф. Гильфердинг в своей обширной и многогранной общественно-политической работе и государственной службе, выступая в тот период в качестве однозначно ведущего теоретика объединения значительной части славянского мира в культурном и лингвистическом плане, являясь автором общеславянской азбуки, основанной на кириллическом алфавите.

Важно сказать, что в дореволюционной науке указанная научная идея А.Ф. Гильфердинга не находит должной поддержки. Известный отечественный ученый Д.И. Иловайский, ничего не говоря о славянском характере хазарской миссии апостолов, выражал только сомнение относительно осуществления ими проповеди христианства среди восточных славян в Хазарии. Причем, опираясь на собственный источниковедческий анализ «Жития Константина», ученый приходил к заключению, что просьба, выражаемая посольством Хазарского кагана прислать религиозных проповедников, является общим мотивом для подобных сказаний [4, с.134]. В 1885 г. крупный ученый-славяновед А.С. Будилович ограничился только общим заявлением, что хазарская поездка Кирилла и Мефодия выступила в качестве скрытой русско-славянской миссии, «подорвавшей нравственный кредит иудаизма и исламизма в среде восточного славянства» [5, с.32]. Ученый весьма аккуратно говорил относительно значения хазарского путешествия Кирилла и Мефодия в деле формирования устойчивой христианской традиции, вышедшей из Византийской империи, утвердившейся среди восточнославянских союзов племен, которая постепенно получила распространение в Киевской Руси.

На этом фоне выделяется точка зрения крупнейшего исследователя-слависта широчайшей специализации В.И. Ламанского (1904), однозначно утверждавшего существование славянского характера хазарской миссии Кирилла и Мефодия, который был намеренно искажен в «Паннонском житие Константина». По мнению ученого, все это произошло в связи с самой пристальной заинтересованностью автора этого средневекового источника в необходимости доказательства первенства именно Великой Моравии в деле формирования славянского алфавита. Таким образом, дореволюционный историк-славист проводил прямые аналогии в деятельности славянских первосвятителей в Македонии и, соответственно, в Хазарии, тем самым, фактически, повторяя обозначенный общий вывод А.Ф. Гильфердинга, дополнительно расширяя его своими источниковедческими умозаключениями,

выраженными в критике исторических материалов, представленных в «Паннонском житии Константина» [6, с.346-347].

Согласно общему заключению известного ученого-историка В.И. Ламанского «Константину-философу было важно знать, в какой степени славянское наречие хазарских славян было близко к славянской речи славян македонских» [6, с.346-347]. Можно согласиться, что эта проблема была как никогда актуальна для апостолов, активно занимавшихся в этот период своей жизни составлением славянской азбуки. В дополнение ко всему сказанному В.И. Ламанский, в отличие от А.Ф. Гильфердинга, высказал еще одно принципиальное положение. По утверждению ученого, Кирилл во время хазарской миссии крестил русский народ. Как уточнял дореволюционный славист, Кирилл и Мефодий, совершив поездку в Хазарский каганат, крестили именно Киевскую Русь, получившую в источниках название Хазария после хазарского завоевания. Исследователь дополнительно выделял тот факт, что в ряде исторических источников русский князь носил титул кагана (правитель Хазарии) [6, с.346-347]. Подобного рода высказывание по смелости предположений вызывает справедливые сомнения относительно факта крещения Киевской Руси славянскими апостолами Кириллом и Мефодием, исходя из аналогии в титульном сопоставлении киевских князей с хазарскими каганами, которая была зафиксирована в средневековой письменной традиции. Поэтому средневековая Хазария никак не может быть отождествлена с Киевской Русью.

Весьма примечательным видится тот факт, что еще польский историк В.А. Мацеевский в монографии «История первобытной христианской церкви у славян» высказал мысль о том, что Кирилл и Мефодий были причастны к распространению христианства в Киевской Руси, отправляя туда своих миссионеров. В ряде подготовленных советских и современных исследований превалирует противоположная общему заключению А.Ф. Гильфердинга и последующих отечественных ученых разной специализации точка зрения, которая не связывает поездку Кирилла и Мефодия в Хазарский каганат с целью крещения восточных славян [7, с.317-344].

Вместе с тем, на этом фоне выделяется мнение, высказанное известным русским историком церкви А.В. Карташовым, уточнявшим, что государственная задача хазарского посольства апостолов включала в себя и церковно-миссионерские славянские предприятия. К этому выводу ученый пришел на основании оригинальной критической проработки и анализа материала «Паннонских житий», а также

сведений, предоставляемых рядом иностранных источников, например «Итальянской легенды». Исследователь вслед за В.И. Ламанским указывал, что моравский патриотизм автора «Жития Константина» существенно видоизменил первоначальную смысловую нагрузку всего документа [8, с.84-87]. Во многом именно по этой причине формируется определенная историографическая традиция, связанная с работами преимущественно отечественных церковных ученых-историков, которая настоятельно связывает церковную и просветительскую деятельность Кирилла и Мефодия, начиная только с поездки славянских апостолов в Великую Моравию [6, с.346-347]. То есть можно говорить, что славянские апостолы вполне вероятно пытались опробовать гораздо ранее созданный ими славянский алфавит, вполне возможно, не в таких масштабах, как было в Великой Моравии, определенным образом скорректировав его.

Священник Н.Н. Станков в публикации «Споры в историографии о целях хазарской миссии святых равноапостольных Кирилла и Мефодия» утвердительно говорил относительно именно религиозной цели славянской миссии свв. Кирилла и Мефодия, направленной в Хазарский каганат, которая также обязательно включала и политические составляющие. Собственную аргументацию исследователь основывал на материалах, представленных в «Пространном житии святого Кирилла-Константина».

Информацию из этого средневекового памятника большинство исследователей подвергали вполне обоснованному сомнению, опираясь на сведения именно хазарско-еврейских и арабских письменных источников. В качестве аргументации Н.Н. Станков указывал на предшествующую отечественную и зарубежную историографию вопроса разных временных периодов, указывающую именно на славянский характер хазарской миссии свв. Кирилла и Мефодия, основанной главным образом на сведениях «Пространного жития святого Кирилла-Константина» и преимущественно аргументах косвенного характера [7, с.317-344].

Более того, Н.Н. Станков свои доказательства основывает в том числе и на критическом анализе материала этого средневекового памятника. Как утвердительно говорит исследователь, составитель «Пространного жития святого Кирилла-Константина» недостаточно точно передавал основную цель миссии славянских апостолов, направленную в Хазарский каганат. В представлении исследователя составитель «Пространного жития святого Кирилла-Константина» допустил значительные вольности при изложении событий поездки апостолов в Хазарию, в частности, он «не счел нужным дать описание

всей панорамы событий хазарской миссии, которая, по их мнению (исследователей. – *А.Ч.*), имела как религиозные, так и политические цели, и ограничился изложением богословского диспута св. Кирилла с хазарскими мудрецами, в основу которого положена сокращенная запись диспута» [9, с.21-27].

Вместе с тем, современный исследователь Е.А. Черных возвращается к новому рассмотрению ранее высказанной точки зрения, в том числе и А.Ф. Гильфердингом, что крещение Руси могло произойти в 861 г. во время так называемой «хазарской миссии» Кирилла и Мефодия. Справедливо сетуя на скудность источникового материала, Е.А. Черных приводит несколько важнейших аргументов в защиту собственного утверждения.

Во-первых, ученый справедливо указывает на различные несоответствия хазарской обстановке, которые встречаются в текстах «Житий Кирилла и Мефодия» о путешествии в так называемую «Хазарию». Во-вторых, много восточнославянских племен в тот период времени находились в орбите влияния Хазарского каганата. В-третьих, распространение христианства требовало от Византийской империи внешнеполитическая конъюнктура, так как в тот период времени выделяется волжский торговый путь, времени контролируемый хазарами и покоренными ими восточными славянами. Именно поэтому Кирилл и Мефодий, прекрасно владевшие славянским языком, отправились в Хазарию [10, с.64-75]. Соглашаясь с общими заключениями, высказанными Е.А. Черных, необходимо все же отметить, что главные положения современного ученого-историка остаются только косвенными, не получив должного рода подтверждения в источниковедческом отношении.

Известный отечественный ученый-византинист М.В. Левченко, прямо не критикуя концепцию своих дореволюционных предшественников, в первую очередь, А.Ф. Гильфердинга и В.И. Ламанского, высказал следующее оригинальное объяснение главной цели поездки Константина и Мефодия в Хазарский каганат. Как подчеркивал ученый, знание славянского языка выступало не в качестве причины миссионерского характера путешествия, а как необходимый фактор в разведывательной составляющей экспедиции. Согласно исследователю, источником различной информации, в которой была заинтересована Византия, могли выступать славянские купцы или даже рабы [11, с.345]. В свою очередь, историк и археолог М.И. Артамонов в 1962 г. настоятельно подчеркивал, что славянская церковная миссия Константина и Мефодия началась только после их поездки в Хазарию. Целью поездки апостолов в Хазарский каганат, как

подчеркивал ученый, было восстановление позиций христианства после принятия хазарской верхушкой иудаизма. Согласно однозначному заключению М.И. Артамонова даже создание славянской письменности такой документ, как, например, «Паннонские жития» связывает именно с моравской миссией просветителей [12, с.345]. В 1981 г. и 2000 г. современный историк-славист Б.Н. Флоря, опираясь на материалы «Жития Константина», суммируя выводы ряда предшествующих исследователей, утверждал, что главной причиной зарубежной поездки Кирилла и Мефодия являлась именно необходимость политического сближения, осуществлявшегося между Византийской империей и Хазарским каганатом [3, с.69, примеч. 2, 4]. Можно говорить, что большинство исследователей не делали акцент именно на христианской (миссионерско-просветительской) составляющей деятельности Кирилла и Мефодия в Хазарском каганате.

Известный русский ученый-историк О.М. Рапов в своем монографическом исследовании «Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства» на основании проработанного комплекса исторических источников, а также историографии вопроса критиковал главное заключение А.Ф. Гильфердинга и В.И. Ламанского. О.М. Рапов утверждал, что аргументы, представленные в ряде дореволюционных и современных работ о славянском характере христианской миссии Кирилла и Мефодия в Хазарский каганат, являются неубедительными. По мнению ученого, Кирилл и Мефодий во время поездки в Хазарию не решали проблему христианизации славянского населения, тем более нельзя не говорить о влиянии, даже косвенном, хазарской экспедиции апостолов на крещение восточных славян. О.М. Рапов имел в виду, что в построениях предшествующих исследователей (А.Ф. Гильфердинга, а также В.И. Ламанского) отсутствует достаточное источниковое обоснование. Например, как подчеркивал ученый, знание апостолами славянского языка не должно являться основанием для утверждения, что экспедиция Кирилла и Мефодия в Хазарский каганат была направлена на христианизацию славянского населения, тем более крещения славян Среднего Поднепровья. В свою очередь, в сегодняшней болгарской историографии хазарская поездка Кирилла и Мефодия также не рассматривается в качестве христианской проповеди среди славянского населения каганата [13, с.100-112].

Конечно, в отечественной и зарубежной историографии традиционной точкой зрения является определение хазарского посольства Кирилла и Мефодия только в качестве политической

акции, призванной наладить взаимоотношения между Византией и Хазарским каганатом. При этом бóльшая часть специалистов связывает начало славянской миссионерской деятельности апостолов, равно как и создание ими славянского алфавита, именно с Великой Моравией. Вместе с тем данный вариант решения проблемы из-за значительной сложности и специфичности источниковой базы нельзя назвать абсолютно верным и в ближайшей перспективе положительно разрешимым. В этой связи стоит согласиться и с определенной частью общих научных построений, предложенных А.Ф. Гильфердингом, которые не лишены оснований по своей сути [7, с.317-344].

Приходится констатировать и некоторую славянскую составляющую данной поездки первосвятителей в Хазарию, вполне возможно и неофициальную, а также их пристальный научный интерес, проявляемый к особенностям наречия хазарских славян. С большой долей уверенности можно говорить, что в данный период времени и несколько раньше Кирилл и Мефодий активно занимались проблемой, связанной с составлением славянской азбуки для южных славян [10, с.345]. Теперь их начала особенно интересовать специфика языка восточных славян, что видится вполне логичным умозаключением. Необходимо дополнительно сказать относительно влияния хазарского путешествия применительно к продолжительному процессу формирования славянского алфавита, созданного Кириллом и Мефодием для всего славянского мира.

В свою очередь, второе развиваемое А.Ф. Гильфердингом положение относительно устойчивой и продолжительной связи между славянским населением Хазарского каганата и Киевской Руси также не получило распространения в отечественной исторической науке. Это подтверждается рядом подготовленных дореволюционных, советских и современных археологических исследований Д.Я. Самоквасова, А.А. Спицына, М.И. Артамонова, И.И. Ляпушкина, С.А. Плетневой, К.И. Красильникова [14, с.234; 15, с.67-98; 16, с.162; 17, с.337-347; 18, с.184-189; 19, с.110, 124-125; 20, с.66-67].

Указанные ученые-археологи категорически отвергали наличие многочисленных славянских поселений в междуречье нижней Волги и Дона, которые с VI в. по X в., опираясь преимущественно на данные, представленные в арабских письменных источниках, фиксировал А.Ф. Гильфердинг. Важно особенно отметить, что русский востоковед А.Я. Гаркави еще в 1870 г. подверг справедливой критике утверждение о распространении славянских поселений в районе реки Дон. Руководствуясь письменными материалами, ученый подчеркивал, что в арабских источниках для обозначения населения данного региона

специальный термин «славиа» никогда не использовался [21, с.41-43]. Приходится с большой долей уверенности констатировать, что мощное взаимодействие между славянским населением Хазарии и Киевской Руси, о котором неоднократно с уверенностью говорил А.Ф. Гильфердинг, представляется маловероятным в силу значительных расстояний, а также препятствий со стороны тюркских, угорских и ираноязычных скифо-сарматского происхождения народов (хазар, болгар, венгров и алан). Согласно обнаруженным археологическим данным именно неславянские народы в тот период составляли большинство населения указанного региона.

В отечественной и зарубежной историографии различных периодов времени поездка Кирилла и Мефодия в Хазарский каганат традиционно понимается в качестве дипломатической и политической акции, но никак в качестве именно миссионерской поездки с целью распространения христианства в этом сильном средневековом государстве, где существовала значительная часть восточнославянских народов. Все это определяется характером аргументации противоположной стороны, акцентирующей внимание в первую очередь на миссионерский характер хазарского путешествия Кирилла и Мефодия, при этом не забывая дополнительно указывать на ее дипломатический и военный характер в качестве аргументации, оперирующей следующими научными доводами.

Во-первых, источниковедческой критикой «Паннонского жития Константина» с учетом того, что автор этого средневекового источника излагал исторический материал именно с позиции преимущества Великой Моравии, традиционно представляющейся родиной славянского алфавита, из-за чего другие поездки славянских апостолов отходят на второй план. Вместе с тем нельзя не указать, что сам по себе процесс создания алфавита представляет собой продолжительную и обширную работу, в которой были задействованы помимо Великой Моравии и другие славянские области, в том числе восточная часть славянского мира, в тот период истории включенная в орбиту влияния Хазарского каганата.

Во-вторых, в качестве подтверждения миссионерского характера путешествия Кирилла и Мефодия в Хазарский каганат представителями историографии, указывающими на славянский характер хазарской миссии апостолов, приводится интерпретация материалов других средневековых письменных исторических памятников, например, «Итальянской легенды», «Пространного жития святого Кирилла-Константина», что вызывает справедливые

критические замечания в научном мире, прежде всего в источниковедческом отношении.

Все научные аргументы, как отмечается в работах данного направления отечественной и зарубежной кирилло-мефодиевской историографии вопроса, представляются в качестве выражения понимания общеславянских аспектов, вызванных именно славянским сознанием Кирилла и Мефодия, даже в тот период времени стремящихся разработать и распространить созданный ими алфавит именно на все славянские народы [22, с.80-97].

Именно этой причиной объясняется попытка славянских апостолов, так сказать, апробировать славянский алфавит в ходе распространения христианства не только исключительно на западных и южных славянах Великой Моравии, в качестве финальной акции, ранее на македонских славянах, а также и на восточных славянах Хазарского каганата. Тем более, что масштабный процесс создания алфавита сам по себе предстает как довольно продолжительное и сложное явление, и можно предположить, что славянские апостолы получили прекрасную возможность «протестировать» свои разработки на других группах славянских народов, составлявших в тот период времени единую общность в культурно-лингвистическом отношении, но имеющих свои особенности [23, с.95-103].

Вместе с тем даже на фоне представленных аргументов точка зрения, высказанная сторонниками славянского характера хазарской миссии Кирилла и Мефодия, не выступает в качестве определяющей в отечественной и зарубежной историографии кирилло-мефодиевской проблематики. Сложно говорить относительно массового крещения восточных славян в период осуществления путешествия славянских апостолов Кирилла и Мефодия в Хазарский каганат, напрямую связывая все это с утверждением восточной христианской традиции, а также фактом более позднего крещения Киевской Руси.

Эта научная концепция, связанная со славянским характером путешествия Кирилла и Мефодия в Хазарский каганат, получившая определенное распространение в отечественной и зарубежной историографии вопроса, не подтверждается ни сведениями, представленными в письменных исторических источниках, ни данными археологии, этнографии. Все это позволяет говорить о том, что именно исключительный славянский характер хазарской миссии Кирилла и Мефодия выступает на данном этапе развития отечественной и зарубежной исторической науки только в качестве оригинального умозаключения, на данный момент лишенного должного фактического подтверждения.

Литература

1. Гильфердинг А.Ф. Имел ли Кирилл непосредственное влияние на русских славян? // Собрание сочинений. Т. I. СПб.: Печатня В. Головина, 1868. 494 с.

2. Черных А.В. Научная славяноведческая (история, источниковедение, лингвистика, этнография и фольклор) деятельность А.Ф. Гильфердинга. Воронеж: НАУКА-ЮНИПРЕСС, 2016. 488 с.

3. Флоря Б.Н. Сказание о начале славянской письменности. СПб: Алетейя, 2000. 381 с.

4. Иловайский Д.И. Разыскания о начале Руси: вместо введения в русскую историю. М.: Типография Грачева, 1876. 466 с.

5. Будилович А.С. Несколько мыслей о греко-славянском характере деятельности свв. Кирилла и Мефодия // Мефодиевский юбилейный сборник, изданный Императорским Варшавским университетом к 6 апреля 1885 года. Варшава: Императорский Варшавский университет. 1885. С. 1-117.

6. Ламанский В.И. Славянское житие св. Кирилла как религиозно-эпическое произведение и как исторический источник // Журнал министерства народного просвещения. СПб., 1903. №4. С.345-386.

7. Черных А.В. Научная деятельность и публицистика А.Ф. Гильфердинга (1831-1872), посвященные южным, западным и восточным славянам: монография. (Часть I). Елец: Елецкий государственный университет им. И.А. Бунина, 2021. 548 с.

8. Карташев А.В. Очерки по истории русской церкви. Т.1. Париж, 1959. 681 с.

9. Станков Н.Н. Споры в историографии о целях хазарской миссии святых равноапостольных Кирилла и Мефодия // Мир православия. Сборник научных статей. Вып. 3. Волгоград: Изд-во ВолГУ, 2000. С. 21-27.

10. Черных Е.А. Хазарская миссия Константина Философа о возможной проповеди Кирилла и Мефодия у восточных славян // Вестник РУДН. Серия. История. М., 2014. № 1. С. 64-75.

11. Левченко М.В. Очерки по истории русско-византийских отношений. М.: Издательство АН СССР, 1956. 554 с.

12. Артамонов М.И. История хазар. СПб.: Лань, 2001. 688 с.

13. Рапов О.М. Русская церковь в IX – первой трети XII в. Принятие христианства. М.: Высшая школа, 1998. 414 с.

14. Самоквасов Д.Я. Могилы русской земли. М.: Синодальная типография, 1908. 276 с.

15.Спицын А.А. Историко-архивные разыскания. Исконные обитатели Дона-Донца // Журнал министерства народного просвещения. 1909. Ч. XIX. № 1. С. 67-98.

16.Артамонов М.И. Саркел и некоторые другие укрепления в Северо-Западной Хазарии // Советская археология. М., 1940. №6. С.130-168.

17.Ляпушкин И.И. Памятники Салтово-маяцкой культуры в бассейне Дона // Труды Волго-Донской археологической экспедиции. Т.I. М.-Л.: Изд-во Акад. наук. СССР, 1958. С. 337-347.

18.Плетнева С.А. От кочевий к городам (салтово-маяцкая культура). М.: Наука, 1967. 200 с.

19.Красильников К.И. Возникновение оседлости у праболгар Среднедонечья // Советская археология. 1981. № 4. С. 110-125.

20.Талашов М.В. Этноконфессиональные отношения на территории хазарского каганата: Отечественная историография вторая половина XVIII – начало XXI вв. Рукопись. Ярославль, 2005. 277 с.

21.Гаркави А.Я. Сказания мусульманских писателей о славянах и русских (с половины VII века до конца X века по Р.Х.). СПб.: Типография императорской Академии наук, 1870. 308 с.

22.Черных А.В. Деятельность Кирилла и Мефодия как выражение единства славянского мира в публикации А.Ф. Гильфердинга (1831–1872) «Как относятся к Кириллу и Мефодию современные славяне?» // Кирилло-Мефодиевские чтения: традиции и современность. Сборник научных статей по материалам межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Под общ. ред. В.Н. Малыша, О.Ю. Усачевой. Липецк, 2019. С.80-98.

23.Черных А.В. Брегалницкая миссия Кирилла и Мефодия и ее оценки в историографии // Кирилло-мефодиевские чтения: традиции и современность. Сборник научных статей по материалам межвузовской научно-практической конференции с международным участием. Под общей редакцией В.Н. Малыша, А.С. Шуруповой, науч. ред. О.Ю. Усачева. Воронеж: Издательско-полиграфический центр «Научная книга», 2021. С.95-103.

Антонов В.А.,
студент
Россия, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Antonov V.A.,
Student
Russia, Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University

«БЕДНЫЕ ЛЮДИ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И БЕДНЫЕ ЛЮДИ В. ПЕЛЕВИНА: PRO ET CONTRA

“POOR PEOPLE” F.M. DOSTOEVSKY AND POOR PEOPLE V. PELEVIN: PRO ET CONTRA

Аннотация

Художественное открытие Достоевского в романе в письмах «Бедные люди» *большого сердца «*маленького человека» определило направление его творческих исканий в контексте духовной традиции отечественной культуры в диалоге с антропологическими воззрениями представителей «натуральной школы», посвящая своих героев, Девушкина и Доброселову, в благодатное таинство слова. В романе Пелевина «Generation “П”» герои в баре «Бедные люди» рассуждают о спасительном поприще «маленького человека», сохраняющего свой внутренний облик и не лишенного возможности творчества по Благодати, а не по контракту.

Abstract

Dostoevsky's artistic discovery in the novel in the letters "Poor People" of the big heart of the "little man" determined the direction of his creative searches in the context of the spiritual tradition of Russian culture in dialogue with the anthropological views of representatives of the "natural school", dedicating his heroes, Devushkin and Dobroselov, to the blessed sacrament of the word. In Pelevin's novel Generation P, the characters in the Poor People bar talk about the saving career of a "little man" who retains his

inner appearance and is not deprived of the possibility of creativity by Grace, and not by contract.

Ключевые слова: Ф.М. Достоевский; В. Пелевин; бедные люди; литературная реминисценция; проблема человека.

Keywords: F.M Dostoevsky; V. Pelevin; poor people; literary reminiscence; the human problem.

Вошедший в русскую литературу «Бедными людьми» Достоевский был воспринят как продолжатель гоголевских традиций. Молодой Н.А. Некрасов передал В.Г. Белинскому рукопись «Бедных людей» со словами: «Новый Гоголь явился!». Белинский этим же вечером с особым волнением просил Некрасова познакомить его с автором поразившего его романа в письмах. Так, Достоевский был принят в круг адептов натуральной школы на правах единомышленника: «Когда Некрасов опять зашел к нему, вечером, то Белинский встретил его “просто в волнении”: “Приведите, приведите его скорее!”» [3, Т. 25, с. 30]. Однако попытка прочитать сочинение молодого автора в контексте творчества Н.В. Гоголя была крайне несостоятельной, так как сам Гоголь в поэме «Похождения Чичикова, или Мертвые души» отследил духовное оскудение, когда «на святой, благочестивой Руси» «начинают выводиться богатыри» [2, Т.5, с.15; с.108], что восходит к пророческому предначертанию Библейских мудрецов: «Ибо век во тьме лежит, и живущие в нем – без света; потому что закон Твой сожжен, и оттого никто не знает, что соделано Тобою или что должно им делать» (3 Ездр. 14:20-21), но никак не определяется человеческими помышлениями и устремлениями.

Достоевский, вопреки ожиданиям молодой интеллигенции 40-х годов XIX века, выбирает свой путь художественных исканий, что и стало очевидным после публикации «Двойника» – одного из самых спорных произведений писателя. Проблема понимания петербургской поэмы в «спектре адекватности» обусловлена разбросом суждений о судьбе главного героя – Якова Петровича Голядкина. Считается, что Голядкин сошел с ума, тогда как Достоевский весьма четко определяет, что титулярный советник, бесспорно, сумел остаться самим собой: «<…> страшная бездна совершенно подобных, – так что вся столица запрудилась наконец совершенно подобными <…> Не будет же этого! – закричал он, с решимостью приподымаясь с постели» [3, Т.1, с.187]. Главный герой, несмотря на советы доктора Рутеншпица остаться *своим* среди чиновно-бюрократического круга: «<…> я говорю <…> что вам нужно коренное преобразование всей

вашей жизни иметь и в некотором смысле переломить свой характер» [3, Т.1, с.115], устоял-таки перед соблазнами *преуспевания* на земном поприще. И в первом романе Достоевского «Бедные люди», безусловно, доминировала проблема человека и его духовной состоятельности, несмотря на попытки его истолкования в художественных координатах натуральной школы. Еще в письме своему брату от 16 августа 1839 г. Достоевский определил вектор своих жизненных исканий: «Человек есть тайна. Ее надо разгадать, и ежели будешь ее разгадывать всю жизнь, то не говори, что потерял время; я занимаюсь этой тайной, ибо хочу быть человеком» [3, Т.28, Кн. 1, с.63]. Наследие русского классика, во всей его многомерности и многосоставности, характеризуется пристальным вниманием авторского сознания к духовному опыту человека на культурно-историческом переломе.

Роману предпослан эпиграф – цитата из рассказа В.Ф. Одоевского «Живой мертвец»: «Ох уж эти мне сказочники <…> всю подноготную в земле вырывают!.. Вот уж запретил бы им писать <…> всякая дребедень пойдет в голову <…> так-таки просто вовсе бы запретил», о чем задумался по пробуждении чиновник Василий Кузьмич Аристидов, попавший во сне в неведомый для него, лишенный прагматики мир. Главные герои романа, состоящие в переписке, Варвара Алексеевна Доброселова и Макар Алексеевич Девушкин, находят друг друга, несмотря на различие возраста и социального статуса. Макар Алексеевич видит в Вареньке, в первую очередь, *живую душу*: «Я, Варенька, старый неученый человек; смолоду не выучился <…> Видел вас у окна сегодня, видел, как вы стору опустили. Прощайте, прощайте, храни вас господь!» [3, Т.1, с.21], а в своем обращении к ней он именует себя бескорыстным другом, тогда как В.Ф. Одоевского полагал, что надлежит писать «о чем-то полезном», далеко не бескорыстном.

Общение героев со своими соседями на литературных вечерах в тесном кругу таких же, как и они, выявляет особое направление мыслей и настроений Макара Алексеевича Девушкина. Ратазяев, устроитель дискуссий, поддавшийся новым течениям в культурных настроениях, отвечает Макару Алексеевичу, как он пересказывает в письме Вареньке: «Пушкин хорош и что он святую Русь прославил», то есть выделяет значимость великого русского писателя, несмотря на усиливавшиеся антипушкинские настроения эпохи. Варенька же, в ответ на суждения о Пушкине, дает совет Макару Девушкину прочесть одну книгу: «Посылаю вам одну книжку; тут все разные повести; я прочла кое-какие; прочтите одну из них под названием

“Шинель”» [3, Т.1, с.60]. Хотя герой В.Ф. Одоевского настаивал на *факторе пользы*, ответ Макара Алексеевича был с явным недоумением: «И для чего же такое писать? И для чего оно нужно? Что мне за это шинель кто-нибудь из читателей сделает, что ли? Сапоги, что ли, новые купит? Нет, Варенька, прочтет да еще продолжения потребует <…> Да ведь это злонамеренная книжка, Варенька; это просто неправдоподобно <…> Да ведь после такого надо жаловаться» [3, Т.1, с.63]. Макар Алексеевич никак не может согласиться с тем, что смысл жизни, какого бы то ни было задавленного нуждой и беспросветностью чиновника, будет заключаться только-лишь в шинели, ибо ничего, кроме нее, у него нет. Как бы ни был задавлен нуждой и беспросветностью, Макар Девушкин остается человеком, способным чувствовать, воспринимать, переживать и сопереживать, но не потерять свой облик. Достоевский внес на повестку дня проблему духовной состоятельности человека, несмотря на социальные и житейские сложности. Как отмечает В.Н. Захаров, главное открытие Достоевского в «Бедных людях» сводится к открытию неисчерпаемости природы *маленького* человека, способного стать *большим*: «”Маленький человек” оказался “большим”. В конце концов Макар Девушкин оказался достойным героем эпистолярного романа, который <…> должен бы быть примером “воспитания чувств”. Макар Девушкин был первым откровением великой идеи Достоевского – идеи *“восстановления”* человека, духовного воскрешения забитых и бедных людей, униженных и оскорбленных» [5, с.87]. Варенька Доброселова и Макар Девушкин – герои, которых окружает огромный и чуждый своими установками мир, в котором они, однако, сумели выстоять, сохранив традицию национального мировосприятия. Таким образом, весь роман «Бедные люди» представляет собой спор Достоевского с концепцией «натуральной школы», преломленный в размышлениях героя рассказа В.Ф. Одоевского «Живой мертвец». Если бы Достоевский ограничился собственно проблематикой *физиологических очерков* «натуральной школы», то он вряд ли бы сумел преодолеть границы своего времени и войти в «большое время» русской культуры.

На сегодняшний день личность и творчество В. Пелевина вызывает крайне неоднозначные суждения в кругу читателей и литературоведов. Так, например, М.М. Дунаев в обзоре творчества Пелевина дает крайне негативную оценку роману «Generation “П”»: «<…> как и в прочих его сочинениях, мы встречаемся вновь с наркотическим бредом, неопределенным мистицизмом, с претензиями

на глубокую мудрость, с физиологическими ассоциациями, при восприятии реальности вымышленной и невымышленной» [4, с.778]. Но, тем не менее, мы полагаем, что в спорах о месте Пелевина в русской словесности необходимо учитывать концептуально обработанный материал о творчестве писателя, изложенный в книге известного литературоведа С.А. Кибальника «Литературные стратегии Виктора Пелевина», написанной в соавторстве с О. Богдановой и Л. Сафроновой и определяющей значение творчества писателя в современном историко-литературном процессе. Кибальник же видит значимость Пелевина для современного читателя в следующем: «<…> сходится Пелевин с постмодернизмом, может быть, только “во внешней форме”, и в том тотальном неприятии социума и всего человеческого жизнеустройства в его современных формах <…> Пелевин не приемлет отрицания некой позитивной сущности человека, внутренней психологической осмысленности субъекта» [1, с.6]. Антропологические воззрения Пелевина, несомненно, восходят к русской классике. В художественном мире писателя можно заметить и воплощенные психологические типы старухи-процентщицы, духовно обессилевшего и наделенного властью Алексея Каренина, а также гоголевского Плюшкина, «скупого рыцаря» и многих других.

В романе Пелевина «Generation “П”», который только входит в контекст русской литературы, есть глава «Бедные люди», являющаяся литературной реминисценцией к первому роману Достоевского «Бедные люди». Пристальное внимание автора так же сосредоточено на проблеме человека и его личностного становления: «Впрочем, мы слишком долго говорим об обезьянах – а собирались ведь искать человека» [6, с.9]. Вавилен Татарский, герой романа, – заурядный студент Литературного института, занимающийся переводом с языков народов СССР, работник торговой лавки, *в одночасье* попавший в высшие слои предпринимателей новой поры, успешно занимающихся рекламным бизнесом в период значимого культурно-исторического перелома страны. Его друг и один из представителей бизнес-сообщества, Сергей Морковин, откровенно рассказывает главному герою о схемах функционирования и преуспевания в рекламном бизнесе. О таких же жизненных переменах, какие выпали на долю Татарского, пишет и Достоевский в своих «Петербургских сновидениях» в 1861 году, уже будучи автором «Бедных людей»: «Казалось <…> что весь этот мир, со всеми жильцами его, сильными и слабыми <…> в этот сумеречный час походит на фантастическую, волшебную грезу <…> как будто прозрел во что-то новое,

совершенно в новый мир, мне незнакомый и известный только по какими-то темным слухам, по каким-то таинственным знакам. Я полагаю, что с той именно минуты началось мое существование» [3, Т.19, с.69]. Татарский, скитаясь по Москве в поисках ответа на вопрос, что такое национальная идея как составляющая его рекламной кампании, знакомится с представителями различных слоев русского народа – от шофера такси до управляющего государственным предприятием и даже обращается к духу Достоевского как к всемирно признанному знатоку русской души: «<…> планшетка мелко затряслась и запрыгала <…> оставшиеся на бумаге кривые загогулины <…> искомая идея настолько трансцендентна, что это единственный способ как-то зафиксировать ее на бумаге» [6, с.186-187], расширяя тем самым и свои собственные представления об особенностях жизни в России постсоветского периода, когда хлынул поток иностранных брендов, так ожидаемых советским народом. Но в то же время давала о себе знать и такая черта народного сознания, как *сохранить* свой собственный внутренний мир, несмотря ни на какие *перемены*. Так, например, Татарский, томимый бездельем, попадает в бар «Бедные люди», где подслушал разговор двух известных шоуменов, как когда-то в романе «Преступление и наказание» Раскольников в распивочной услышал основные тезисы своей статьи «О преступлении» в разговоре студента и офицера: «За одну жизнь – тысячи жизней <…> Одна жизнь и сто жизней взамен – да ведь тут арифметика!» [3, Т.6, с.54]. В романе «Generation “П”» разговор же шоуменов сводился к желанию одного из них оставить свою довольно-таки успешную карьеру на телевидении, чтобы таким образом остаться самим собой и избежать проблем с контрактом, лишающего возможности творчества по Благодати. В планах у него – украсть полмиллиона для того, чтобы начать новую жизнь в королевстве Бутан, где телевидение под запретом и где можно было бы начать совершенно новую жизнь: «Вот <…> Королевство Бутан. Единственная в мире страна, где запрещено телевидение. Понимаешь? Совсем запрещено. Тут написано, что недалеко от столицы у них есть целая колония, где живут бывшие телемагнаты. Если ты всю жизнь работал на телевидении, то самое крутое, что ты можешь сделать, когда уходишь от дел, – это уехать в Бутан» [6, с.72]. В разговоре с Сирруфом, существом из вавилонских мифов, Татарский рассуждает о пророческом даре Достоевского: «У него в одном из романов был старец Зосима, который с ужасом догадывался *материальном огне*. Непонятно, почему он так его боялся. Материальный огонь – это и есть наш мир. Огонь, в котором вы сгораете, надо обслуживать. И ты

относишься к обслуживающему персоналу» [6, с.160]. Старец Зосима из «Братьев Карамазовых» по сути дела предрекает погибель: «Говорят о пламени адском материальном: не исследую тайну сию и страшусь, но мыслю, что если б и был пламень материальный, то воистину обрадовались бы ему, ибо, мечтаю так, в мучении материальном хоть на миг позабылась бы ими страшнейшая сего мука духовная. Да и отнять у них эту муку духовную невозможно, ибо мучение сие не внешнее, а внутри их» [3, Т.14, с.293], который является метафорой всяческой потери человеком собственной индивидуальности и полной зависимости от материальных благ, на что и обращает пристальное внимание Пелевин: «Человек думает, что потребляет он, а на самом деле огонь потребления сжигает его, давая ему скромные радости <…> Человек по своей природе прекрасен и велик <…> Но он этого не знает. А мусор – это и есть его незнание <…> Зачем человеку глядеть в этот огонь, если в нем сгорает его жизнь? <…> Вместо крематориев у вас телевизоры и супермаркеты. А истина в том, что функция у них одна» [6, с.160]. В связи с этим становится понятно, почему удачливый и преуспевающий в своем деле шоумен захотел попасть в мир без телевизора, дабы *остаться самим собой*, тогда как герои Достоевского так или иначе тяготели к публичности, чтобы *обрести себя.*

В отличие от Достоевского, герои которого оказались едва ли не на самых низах социальной лестницы, Пелевин связывает своих героев доверительными отношениями с представителями высших социальных сфер, которые все же проходят через кризис духовной состоятельности «маленького человека» в «большом мире». Если герои Достоевского преодолевают границы внутреннего мира «маленького человека» и остаются «большими», то герои Пелевина в опыте социализации, достигнув вершин и невиданных успехов, остаются «маленькими» по причине духовной опустошенности, и от этого внутреннего противоречия страдают. Так, весьма символично название бара «Бедные люди», где два шоумена ведут свой разговор: создавая антураж современного мира, Пелевин продолжает традицию художественного освоения человека, преломленной в русской классике.

Литература

1. Богданова О., Кибальник С., Сафронова Л. Литературные стратегии Виктора Пелевина. Санкт-Петербург: Петрополис, 2008. 184 с.

2. Гоголь Н.В. Мертвые души // Гоголь Н.В. Собр. соч. в 8 т. Т.5. Москва: Правда, 1984. 320 с.
3. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т.1-30. Ленинград: Наука, 1972-1990.
4. Дунаев М.М. Православие и русская литература. В 6 ч. Ч.VI. Москва: Христианская литература, 2000. 896 с.
5. Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. Москва: Индрик, 2013. 456 с.
6. Пелевин В. Generation «П»: роман // Виктор Пелевин. Санкт-Петербург: Азбука, Азбука-Аттикус, 2021. 320 с.

Арбузова В.Ю.,
канд. филол. наук
Шурупова О.С.,
доцент, д-р филол. наук
Россия, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Arbuzova V.Ju.,
Phd in Philology
Shurupova O.S.,
Associate Professor, Doctor of Philology
Russia, Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University

БИБЛЕЙСКАЯ ТРАДИЦИЯ В ЭПИСТОЛЯРНОМ ТЕКСТЕ

BIBLICAL TRADITION IN THE EPISTOLAR TEXT

Аннотация

Данная статья посвящена анализу эпистолярного наследия А.П. Чехова с точки зрения использования в нем библеизмов и воплощения их посредством кирилло-мефодиевской традиции отечественной словесности.

Abstract

This article is devoted to the analysis of the epistolary heritage of A.P. Chekhov in terms of the use of biblical words in it and their embodiment through the Cyril and Methodius tradition of Russian literature.

Ключевые слова: русская культура; эпистолярный текст; прецедентный феномен; библеизм; А.П. Чехов.

Key words: epistolary text; precedent phenomenon; bibleism; A.P. Chekhov.

В пределах данной статьи представляется необходимым анализ эпистолярного наследия А.П. Чехова с точки зрения отражения в его письмах прецедентных феноменов, связанных с текстом Библии, то есть с кирилло-мефодиевской традицией русской словесности. Вера в Бога, знание библейских истин, прекрасное владение текстами Священного Писания находят отражение в письмах русского классика. Религиозное воспитание, устное семейное общение, общность прочитанных текстов прослеживается в письмах Чехова и его родных.

Библия представляет собой универсально-прецедентный феномен, входит в дискурс русской языковой личности, приобщая ее к мировой и национальной культуре. Текст Библии – активный субъект эпистолярной коммуникации, так как его фрагменты дают емкую, лаконичную характеристику и «прямо отражаются в новых воспроизводимых текстах» [3, с.17]. Переписка с братом Александром изобилует библеизмами. Так, зафиксировано девять фраз в словаре «Крылатые слова» Н.С. Ашукина и М.Г. Ашукиной, обращение к которым происходит в письмах Чехова. В этом словаре тридцать семь крылатых слов и выражений, восходящих к разным источникам, иллюстрируются материалами из писем А.П. Чехова [1].

«Живя я в отдельности, я жил бы богачом, ну а теперь… на реках вавилонских седохом и плакахом» (Письмо Ал.П. Чехову от 13 мая 1883 г.). Вавилонский плач, Вавилонское пленение, Вавилонская тоска. Выражения возникли из Библии, из 136-го псалма, в котором говорится о тоске иудеев, находившихся в вавилонском плену и с плачем вспоминавших о своей родине: «На реках вавилонских тамо седохом и плакахом…» [4, с.70]. Адресант иронично описывает свое плачевное финансовое положение, используя интертекстему-библеизм, со значением грусти и тоски по несбывшемуся.

«Вам нужно хотя на месяц совлечь с себя петербургского человека, махнуть на все рукой и обратиться в бегство» (Письмо А.Н. Плещееву от 23 февраля 1888 г.) [4, т.2, с.207]. Ветхий Адам (человек). Выражение восходит к Посланиям апостола Павла к римлянам (6, 6), ефесянам (4, 22), колоссянам (3, 9), где имеет значение: грешный человек, который должен нравственно переродиться; отсюда «совлечь с себя ветхого человека, Адама» получило значение: духовно обновиться, освободиться от старых привычек, взглядов. Чехов трансформирует прецедентное высказывание, приближая библеизм к контексту описываемой в письме ситуации, советует своему адресату освободиться от влияния мира Петербурга и немного отдохнуть.

Из письма Н.А. Лейкину от 15 сентября 1884 г.: «Выезжать никуда не думаю, сижу у себя в Головином пер<еулке> и ленюсь. Совлещи с себя ленивого человека рад бы, но не могу» [4, т.1, с.126]. Прецедентное высказывание представляет собой видоизмененный библейский текст: «…совлекшеся ветхого человека с деяньми его и облекшеся в нового, обновляемого в разум по образу создавшего его» (Послание апостола Павла к колоссеянам, гл. 3, ст. 9-10).

«Да, Пальмин переехал!!! Кочует как цыган…Что за причина, не могу понять. Вероятно, за грехи родителей обречен блуждать по

Москве на манер Вечного Жида» (Письмо Н.А. Лейкину от 6 ноября 1886 г.) [4, т.1, с. 273].

Вечный жид – выражение, обозначающее вечного скитальца, возникло из средневековой легенды о еврее Агасфере, обреченном на вечные скитания в наказание за то, что он отказался помочь Иисусу нести крест, с которым тот шел на распятие. Трагический образ Агасфера, легенда о котором, по мнению некоторых ученых, уходит корнями в эпоху переселения народов, широко использован в мировой литературе – Шубарт (1783), Гете (1792), Ленау (1839), Жуковский (1851), Эжен Сю (1845) и др. Чехов использует характеристику вечного скитальца для описания поведения московского человека. «Вообще не клеется мой фельетон… Пригласите другого фельетониста. Ищите его и обрящете» (Письмо Н.А. Лейкину от 10 декабря 1883 г.). Ищите и обрящете – выражение из церковно-славянского текста Евангелия (Матф., 7, 7; Лука, 11, 9); по-русски: ищите и найдете. Архаичная церковнославянская форма высказывания является характерным признаком русского библейского фразеологизма, входящего в корпус национально-прецедентных феноменов. Ссылаясь на поучительные мотивы Священного Писания, автор письма использует волюнтативную функцию прецедентного текста.

«Право, легче верблюду пройти сквозь игольное ушко, чем богатому и семейному найти себе дачу. Для меня дач сколько угодно, а для Вас ни одной» (Письмо А.С. Суворину от 18 мая 1891 г.) [4, т.4, с.231]. Легче верблюду пройти сквозь игольные уши, нежели богатому войти в царствие небесное. Выражение из Евангелия (Матф., 19, 24; Лука, 18, 25). Некоторые комментаторы Евангелия понимают под словом «верблюд» толстый корабельный канат; другие же буквально понимают слово верблюд, под игольными ушами разумеют одни из ворот в стене Иерусалима, очень узкие и низкие. Вероятнее всего, выражение это – древняя еврейская пословица, показывающая невозможность достичь чего-либо. Чехов цитирует интертекст не точно, изменив мотив пословицы с мысли о царствие небесном на приобретение дачи, но форму выражения из Евангелие оставил неизменной. Диссонанс высокой мысли о царствии небесном и бытовой сцены поиска дачи создает иронический контекст.

«Я в Москве у себя так редко вижу настоящий литераторов, что разговор с Боборыкиным показался мне манной небесной» (Письмо А.С. Суворину от 30 ноября 1891 г.) [4, т.4, с.306]. Манна небесная. Манной небесной питаться. По библейскому мифу, манна – пища, которую бог посылал иудеям каждое утро с неба, когда они шли

пустыней в землю обетованную (исход, 16, 14–16 и 31). Возникшее отсюда выражение «манна небесная» употребляется в значении: что-либо ценное, редкое. «Манной небесной питаться» – существовать впроголодь. Ждать «как манны небесной» – ждать с нетерпением.

«Получил [газетную] вырезку из неведомого мне органа и работы неведомого автора. Шлю «неведомому Богу» благодарность» (Письмо П.А. Сергеенко от 17 декабря 1884 г.) [4, т.1, с.137]. Неведомому Богу – выражение из Деяний апостолов (17, 23). Апостол Павел, обращаясь к жителям Афин, сказал: «По всему вижу я, что вы как бы особенно набожны. Ибо, проходя и осматривая ваши святыни, я нашел и жертвенник, на котором написано: «Неведомому Богу». Эксплицитно обозначенная библейская интертекстема в тексте письма имеет значение «неизвестному человеку». Момент языковой игры искусно введен в текст письма троекратным повторением слова «неведомого».

«…Во время своего путешествия из Сахалина я достаточно привык к туманам и свежим ветрам и потому смотрю теперь на Черное море свысока и во время качки обедаю ничтоже сумняся» [4, т.5, с.275] (Письмо Г.М. Чехову от 6 марта 1894 г.). Ничтоже сумняся (сумняшеся) – выражение из Послания апостола Иакова (1, 6), употребляется шутливо, иронически в значении: ничуть не сомневаясь, не раздумывая, ни перед чем не останавливаясь.

«…Посылайте свои повести хоть в «Странник» или в «Тульские ведомости», я же воздержусь от советов и указаний. Если моя маленькая опытность не имеет цены, а доброжелательство мое не заслуживает доверия, то мне остается только посыпать пеплом главу и хранить гробовое молчание» (Письмо М.В. Киселевой от 3 февраля 1888 г.) [4, т.2, с.186]. Посыпать пеплом главу. Это выражение возникло из Библии, в которой рассказывается о древнем обычае евреев посыпать голову пеплом или землею, оплакивая несчастие свое или близких (Иов, 2, 12; Есфирь, 4, 1). Употребляется в значении: глубоко скорбеть по поводу какого-нибудь бедствия, утраты чего-нибудь ценного.

Упомянутые девять выражений, приведенные в качестве примеров употребления прецедентных феноменов в неофициальной переписке А.П. Чехова, уже зафиксированы словарями русского языка как крылатые. Но тезаурус А.П. Чехова, его знание Библии не исчисляются только ими. Вообще, отношение Антона Павловича к религии, несмотря на различные характеристики взаимоотношения религиозных истин и Чехова – автора художественных произведений, даваемые критиками, имеет особый характер, полностью познающийся только при анализе его переписки, ибо общение с собеседником

посредством эпистолярного жанра несет некий исповедальный характер, подчеркивающий ориентацию на конкретного собеседника (особенность явления антропоцентричности в эпистолярной коммуникации), а не на цензуру или безликого читателя. «Какое это соблазнительно простое и какое неверное решение вопроса – считать Чехова атеистом. Без веры, без духовных ценностей, которые всегда назывались святыми, поскольку другого слова для них нет, без мысли о прошлом и надежды на будущее, без боли за ближних жить нельзя, как нельзя жить без совести, и никакие иллюзии тут ничего не изменят: нет совести – нет и закона» [2, с.13]. «Мне хотелось бы написать много, много, но лучше воздержаться, тем более, что письма теперь читаются главным образом не теми, кому они адресуются. Скажу только, что в вопросах, которые Вас занимают, важны не забытые слова, не идеализм, а сознание собственной чистоты, т.е. совершенная свобода души Вашей от всяких забытых и не забытых слов, идеализмов и проч. и проч. непонятных слов. Нужно веровать в Бога, а если веры нет, то не занимать ее место шумихой, а искать, искать, искать одиноко, один на один со своею совестью…» [4, т.10, с.141] (А.П. Чехов Письмо В.С. Миролюбову от 17 декабря 1901 г.).

Таким образом, в эпистолярном наследии Чехова велик удельный вес библеизмов, связанных с воплощением кирилло-мефодиевской традиции не только в русской художественной литературе, но и в текстах эпистолярных жанров. Интертекстемы, в частности библейского происхождения, используются писателем для достижения различных коммуникативных целей: воздействие на адресата, создание эффекта языковой игры, стремление партнера убедить в своей правоте, желание передать значительный объем информации с максимальной экономией речевых средств (номинативная функция), стремление сделать текст эстетически приятным (декоративная функция прецедентных текстов).

Литература

1. Ашукин Н.С., Ашукина М.Г. Крылатые слова: Литературные цитаты, образные выражения Москва: Современник, 1986. 768 с.
2. Громов М.П. Чехов. Москва: Молодая гвардия, 1993. 398 с.
3. Супрун А.Е. Текстовые реминисценции как языковое явление // Вопросы языкознания. 1995. № 6. С. 17-29.
4. Чехов А.П. Полное собрание сочинений и писем в тридцати томах. Письма в двенадцати томах. Письма в 12 т. 1875–1886. Москва: Наука, 1974-1983.

Кондратьев А.С.,
доцент, канд. филол. наук
Россия, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского», Липецк

Kondratiev A.S.,
Associate Professor, PhD in Philology
Russia, Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University

«БЕСЫ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО И «КРОВАВЫЙ ПУФ» В.В. КРЕСТОВСКОГО: ДИАЛОГИ О СУДЬБЕ РОССИИ В КОНТЕКСТЕ «БОЛЬШОГО ВРЕМЕНИ»

“DEMONS” BY F.M. DOSTOEVSKY AND “BLOODY POUF” BY V.V. KRESTOVSKY: DIALOGUES ABOUT THE FATE OF RUSSIA IN THE CONTEXT OF THE “BIG TIME”

Аннотация

Русская литература, православная по своим истокам и духовным константам художественного опыта, ответила на преломление в национальном самосознании нигилистической аксиологии, вскрывая личностную несостоятельность героев, совращенных с предначертанного им благодатного пути становления, и выявляя едва ли не апокалиптические последствия воплощения их проектов «всеобщего благоденствия». Достоевский в «Бесах» и Крестовский в «Кровавом пуфе» отвечают на вызовы своей эпохи, развенчивая для грядущего, когда предпринимаются попытки редактировать человеческий нарратив, антихристианские идеи новоявленных спасителей мироздания.

Abstract

Russian literature, Orthodox in its origins and the spiritual constants of artistic experience, responded to the refraction of nihilistic axiology in the national consciousness, revealing the personal inconsistency of the heroes who were seduced from the blessed path of becoming that they had been destined for, and revealing almost apocalyptic consequences of the implementation of their projects of "universal welfare". Dostoevsky in "Demons" and Krestovsky in "The Bloody Pouf" respond to the challenges of their era, debunking for the future, when attempts are made to edit the

human narrative, the anti-Christian ideas of the newly-appeared saviors of the universe.

Ключевые слова: Достоевский; Крестовский; «Бесы»; «Кровавый пуф»; духовная традиция; христианская аксиология; нигилизм и безверие; «большое время».

Keywords: Dostoevsky; Krestovsky; "Demons"; "Bloody Pouf"; spiritual tradition; Christian axiology; nihilism and lack of faith; "big time".

В статье 1848 года «Россия и революция» Ф.И. Тютчев, поэт и дипломат, определил духовные истоки охватившего Европу соблазна благодатного самоопределения на путях самонадеянного преображения мира, указав на возможность для национального самосознания противостоять надвигающейся катастрофе: «<…> Россия – христианская держава, а русский народ является христианским <…> Антихристианский дух есть душа Революции, её сущностное, отличительное свойство. Революция же прежде всего – враг христианства» [11, с.82]. Достоевский и Крестовский, укорененные в православной традиции отечественной культуры, почти одновременно ответили на вызовы «нового смутного времени» государства Российского романом «Бесы» (1872 г.) и дилогией «Кровавый пуф» (1874 г.), вскрывая духовную немощь вознамерившихся самочинно проложить пути ко всеобщему благу и взывая к прозрению вслед за прославленным в лике святителей богословом Феофаном Затворником, молившим о спасении заблудших и совращенных: «<…> завязли в грязи западной <…> есть очи, но не видим; есть уши, но не слышим; и сердцем не разумеем. Господи, помилуй нас! Посли свет Твой и истину Твою» [8, с.47].

Художественные искания Достоевского на всем его творческом пути были сосредоточены на проблеме становления человека. Яков Петрович Голядкин из «Двойника» выстоял под натиском надвигающейся на человека *безличности,* как некоего знамения прогресса, твердо решив: «Не будет же этого!» [2, Т.1, с.187]. Девяностолетний кардинал инквизиции из легенды ученого-атеиста Ивана Карамазова, однако же, поведал Христу о затаенных планах беснующихся радетелей о пресловутом всеобщем благе: «<…> мы устроим им жизнь как детскую игру, с детскими песнями, хором, невинными плясками <…> они будут нам покоряться с весельем и радостью» [2, Т.14, с.236]. Роман «Бесы» отвечает на вызовы эпохи, склонной к искажению аксиологических ориентиров национального самосознания, что и в «Войне и мире» Л.Н. Толстого, обращенной к

пораженным недугами русским интеллигентам, отметил как акцент на восстановлении деформированных духовных доминант отечественной культуры Н.Н. Страхов: «Такое обилие предрассудков и заблуждений, что невольно является страх за наше духовное развитие <…> не поражены ли мы какою-нибудь неизлечимою болезнью, не суждено ли русскому уму и сердцу заглохнуть <…> под язвами, разъедающими наш духовный строй» [9, с.358]. И поэтому Достоевский в письме к Н.Н. Страхову из Дрездена от 1870 года прямолинейно заявляет о своей позиции по отношению к славянскому, прежде всего русскому, миру: «Нигилисты и западники требуют окончательной плети» [2, Т.29, Кн. 1, с.113]. Так начиналась история становления замысла романа-предостережения «Бесы». Естественно, в послереволюционной России, которая начала монументальную пропаганду по инициативе Л.Д. Троцкого с установки памятников Иуде (11 августа 1918 года – в Свияжске, а весной 1919 года – в Тамбове) как осознавшему вредоносную сущность христианства и «истинному пророку большевистской революции», что обросло легендами в народной памяти, а также вознамерилась издать, по воспоминаниями В.Д. Бонч-Бруевича о Ленине, сочинения С.Г. Нечаева: «Необходимо изучить, дознаться, что он писал, где он писал <…> собрать воедино и все напечатать» [цит. по: 7, с.82], но стоит ведь он же не кто иной, как автор «Катехизиса революционера» и в черновиках «Бесов» Достоевский именует Петра Степановича Верховенского Нечаевым; В.В. Маяковский же во исполнение советов вождя отрапортовал:

Товарищ Ленин,
я вам докладываю
не по службе,
а по душе.
Товарищ Ленин,
работа адовая
будет
сделана
и делается уже [6, с.576].

Коннотация эпитета «адовая» не подлежит сомнению при обращении к секретному письму В.И. Ленина, кстати не вошедшему в полное собрание сочинений, для членов политбюро ЦК РКП(б) от 19 марта 1922 года в связи с изъятием церковных ценностей: «Чем больше число представителей реакционного духовенства и реакционной буржуазии удастся нам по этому поводу расстрелять, тем лучше» [4, с.193]. Задуманная в 1934 году Львом Каменевым, директором издательства Academia, публикация «Бесов» так и не

состоялась: автор вступительной статьи «Классовое лицо Достоевского» П.П. Парадизов, молодой историк, в феврале 1935 года был арестован, а в 1937 году – расстрелян. На фоне более чем прохладного отношения властей к классическому наследию Достоевского история с «Бесами» все-таки особо впечатляет и ставит нас перед проблемой освоения и понимания духовного смысла романа, опередившего свое время и вошедшего таким образом в «большое время» русской культуры. Мы обращаем внимание на доверие Достоевского, автора антинигилистического произведения и православного христианина, к человеку, сохранившему первоосновы духовной природы: «*Я хочу не такого общества научного, где я бы не мог делать зла, а такого именно, чтоб я бы мог делать всякое зло, но не хотел его делать сам*» [2, Т.24, с.162], в чем и проявляется следование христианским канонам.

В начале 1870-х годов Крестовский, посвятивший Достоевскому один из своих ранних рассказов «Бесенок» и входивший в круг общения писателя, работал над завершением дилогии «Кровавый пуф», выходящей за границы социально-психологического исследования русской души на культурно-историческом изломе и поднимающейся на уровень религиозно-философского освоения проблемы человека на фоне *суеты времен*. Константин Хвалынцев, в отличие от Петра Верховенского и Николая Ставрогина, признавшегося в беседе с Тихоном: «<…> я верую в беса, верую канонически» [2, Т.11, с.10], – нигилист не по убеждениям, но в силу обстоятельств, однако все же таки нигилист. Крестовский был в 1865-1866 годах членом комиссии, обследовавшей подземелья Варшавы в связи с последствиями восстания 1863 года, а Николай Ставрогин – участник подавления польского мятежа, отличившийся, был произведен в унтер-офицеры и пожалован крестиком. Н. Валентинов, один из представителей большевистской когорты, в своей книге «Мои встречи с Лениным» со ссылкой на Вацлава Воровского, известного дипломата, приводит ленинскую оценку «Бесов» Достоевского: «Явно реакционная гадость, подобная “Пангурову стаду” Крестовского» [1, с.85]. Так что, опираясь на указанные параллели «Бесов» и «Кровавого пуфа», мы считаем опыт сопоставления книг в плане понимания их духовного смысла как развенчание нигилистической аксиологии вполне уместным и целесообразным.

В романе «Бесы» праздник по подписке в пользу гувернанток, устраиваемый Юлией Михайловной, завершился потрясением и пожаром в Заречье, что и входило в планы Верховенского. Хромой, один из новоявленных радетелей о страждущих и жаждущих,

преподаватель гимназии, перед всколыхнувшими провинцию безобразиями на тайной сходке совращенных с праведного пути, ни много ни мало, подытожил как истинный фанатик человеколюбия: «<…> срезав радикально сто миллионов голов <…> можно перескочить через канавку» [2, Т.10, с.314], то есть утвердить новый мировой порядок – по высшей справедливости в духе *женевских идей*, «т.е. человеколюбие, <…> добродетель без Христа» [2, Т.16, с.35]. Андрей Антонович фон Лембке в порыве откровенности показывает Верховенскому свою коллекцию «всевозможных прокламаций, русских и из-за границы, которую он тщательно собирал с пятьдесят девятого года» [2, Т.10, с.245], на что даже Петр Степанович, создавший себе репутацию посланного от Европы взбаламутить провинцию, в недоумении парирует: «Но, однако же, тут, например, приглашение к разрушению церквей». Призванный по долгу государевой службы попечительствовать о вверенном ему народе губернатор, наивно и с долей цинизма, отвечает: «Отчего же и нет? Ведь вы же умный человек и, конечно, сами не веруете, а слишком хорошо понимаете, что вера вам нужна, чтобы народ абрютировать» [2, Т.10, с.246], то есть подчинять, лишая человеческого облика. В связи с этим и нет ничего удивительного в планах Петра Степановича о грядущем обустройстве, о которых поведал с невероятным жаром Ставрогину, ведь для воплощения бесовских помышлений нужна интеллигенция, а Ставрогин – выпускник Александровского лицея, из стен которого в 1817 году вышел Пушкин: «Не надо образования, довольно науки <…> надо устроиться послушанием <…> мы пустим неслыханный разврат; мы всякого гения потушим в младенчестве. Все к одному знаменателю, полное равенство <…> Адвокат, защищающий образованного убийцу <…> уже наш <…> Прокурор, трепещущий в суде, что он недостаточно либерален, наш, наш» [2, Т.10, с.324]. Отметим, что и в «Бесах», и в «Кровавом пуфе» подельники по бесноватому промыслу – «наши». Ставрогин, признавшийся «приговоренному» им же Шатову, что «не мог тотчас же оторваться с кровью от того, к чему прирос с детства» [2, Т.10, с.196], и выпестовавший Кириллова и Верховенского, с их фанатичной верой во всемогущество человеческого расчета в определении траектории движения ко всеобщему благу, продолжает линию судьбы, обозначенную Пьером Безуховым своим духовным опытом на пути к *красной черте*, когда он в разговоре с Наташей по возвращении из Петербурга в Лысые Горы словно был уверен, что «призван дать новое направление всему русскому обществу и всему миру» [10, с.307]. Ставрогин же с досадой обрывает Верховенского, грезившего открыть

новые горизонты человечеству: «Помешанный!» [2, Т.10, с.324]. Иван-Царевич прошептал, когда Петр Степанович с упоением откровенничал о невероятных горизонтах светлого будущего, порожденного бесовским наваждением.

Помешательство поручика, отреагировавшего на замечание командира потасовкой с ним, обусловлено помрачением ума от потери нравственной опоры или угасанием веры: «Выбросил <…> из квартиры своей два хозяйские образа и один из них изрубил топором; в своей же комнате разложил на подставках, в виде трех налоев, сочинения Фохта, Молешотта и Бюхнера и пред каждым налоем зажигал восковые церковные свечки» [2, Т.10, с.269]. И все это – далеко не единичный случай, потому что в одном древнем городе была обезображена церковь Рождества богородицы: «<…> икона в одну ночь ограблена <…> за разбитым стеклом иконы нашли <…> утром живую мышь» [2, Т.10, с.253], так что беснование представляет собой следствие безверия и оголтелого и покорного соглашения с сатаной.

Крестовский в «Кровавом пуфе» отметил главное – негативное отношение к человеку новоявленных миссионеров, отрекшихся от Благодати: «Обратите народ в чернь <…>, и вы всего достигнете!». Свою программу успешного завершения проекта польского возмущения предлагает авантюрист Василий Свитка на тайном сборище у мнившего себя подлинным либералом и прогрессистом пана Катырло: «Надо обезземеливать, и обезземеливайте! Переведите их в дворовые, в кутники, делайте, что хотите, но только увеличивайте пролетариат, усиливайте класс батраков, чтобы народ быстрее был обращен в чернь! Это ручательство верного успеха!» [3, с.103]. В безумном наставлении Свитки, одержимого навязчивой идеей переформатирования нравственной системы национального миропонимания и наделившего себя безграничными полномочиями, прослеживается мысль о праве сильной личности во имя якобы *высокой благой* цели не считаться с народом – всего лишь «экономическим материалом», ведь революционер, как он и представлен в нечаевском «Катехизисе революционера», – это тот, кто «разорвал всякую связь с гражданским порядком и всем образованным миром и всеми законами, приличиями, общепринятыми условиями, нравственностью этого мира» [5, с.82].

Перед Достоевским и Крестовским стоял вопрос: почему столь безблагодатные для духовного опыта народа идеи нигилистов оказываются близкими даже не разорвавшим связи с духовной традицией народного опыта? Почему Н.П. Огарев, согласившийся с пожеланием М.А. Бакунина, посвятил С.Г. Нечаеву стихотворение

«Студент», спародированное Достоевским в «Бесах» как «Светлая личность», был вице-президентом на безумном конгрессе Лиги мира и свободы, когда перекраивалась не только социально-политическая, но и духовная матрица культурной традиции Европы? Достоевский и Крестовский на мучившие всех вопросы ответили с предельной однозначностью: поколеблена вера, устои, поруганы святыни и ошельмованы ценности. И, прочитывая «Бесов» и «Кровавый пуф» в начале XXI века, хотелось бы не допустить уроков пройденного.

Литература

1. Валентинов Н.В. Встречи с Лениным. Нью-Йорк: Chaldze Publications, 1981. 358 с.
2. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т. 1-30. – Ленинград: Наука, 1972-1990.
3. Крестовский В.В. Кровавый пуф: роман в двух 2 кн. Кн. 2. Москва: Советский писатель, 1995. 576 с.
4. Ленин В.И. Письмо В.Н. Молотову // Известия ЦК КПСС. 1990. №4. С. 190-193.
5. Нечаев С. Катехизис революционера // Родина, 1990. №2. С. 82-83.
6. Маяковский В.В. Соч. в 2 т. Т.1. Москва: Правда, 1987. 768 с.
7. Пирумова Н. Разрушитель // Родина, 1990. №2. С. 79-82.
8. Россия перед вторым пришествием: материалы к очерку русской эсхатологии. Москва: Издание Свято-Троицкой Сергиевой Лавры, 1993. 382 с.
9. Страхов Н.Н. Литературная критика. Санкт-Петербург: Изд-во РХГИ, 2000. 464 с.
10. Толстой Л.Н. Война и мир // Толстой Л.Н. Собр. соч. в 22 т. Т. 7. Москва: Художественная литература, 1981. 431 с.
11. Тютчев Ф.И. Россия и революция // Тютчев Ф.И. Избранные сочинения. Москва: РОССПЭН, 2010. С. 81-93.

Меринов К.А.,
студент
Россия, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Merinov K.A.,
Student
Russia, Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University

«БЕДНЫЕ ЛЮДИ» Ф.М. ДОСТОЕВСКОГО: ДУХОВНЫЙ СМЫСЛ И ХУДОЖЕСТВЕННОЕ ВОПЛОЩЕНИЕ СТАНОВЛЕНИЯ ЧЕЛОВЕКА

«POOR PEOPLE» F.M. DOSTOYEVSKY: SPIRITUAL MEANING AND ARTISTIC IMPLEMENTATION OF THE FORMATION OF MAN

Аннотация

Вступивший романом «Бедные люди в круг известных литераторов молодой Достоевский был воспринят сторонниками натуральной школы как сочинитель, вскрывающий пороки социальной неустроенности, отвечая на формирующиеся тенденции противостояния власти, однако писатель впервые в русской литературе показал не только подавленного жестокостями социума маленького человека, но вывел героя, обретающего свой неповторимый духовный облик в свете доверия к христианской традиции отечественной культуры.

Abstract

Having entered the circle of well-known writers with the novel “Poor People”, young Dostoevsky was perceived by supporters of the natural school as a writer, revealing the vices of social disorder, responding to emerging trends in opposition to power, however, for the first time in Russian literature, the writer showed not only a small man suppressed by the cruelties of society, but also brought out a hero, acquiring its unique spiritual appearance in the light of trust in the Christian tradition of national culture.

Ключевые слова: Достоевский; Белинский; Гоголь; маленький человек; социальная действительность; духовная традиция; христианская аксиология.

Keywords: Dostoevsky; Belinsky; Gogol; little man; social reality; spiritual tradition; Christian axiology.

Достоевский, признанный христианский художник и мыслитель, вспоминая в январском выпуске «Дневника писателя» за 1877 г. о своем вступлении в круг петербургских литераторов, писал, что Н.А. Некрасов, которому он передал рукопись своих «Бедных людей», отрекомендовал его, еще не ставшего литератором, известному В.Г. Белинскому весьма неожиданно: «“Новый Гоголь явился!” – закричал Некрасов, входя к нему с “Бедными людьми” – “У вас Гоголи-то как грибы растут”, – строго заметил ему Белинский, но рукопись взял» [1, Т.25, с.30]. Сторонники натуральной школы, ставившие перед собой задачи социально-обличительного освещения несправедливого по отношению к человеку мира, считая, что все они вышли из гоголевской «Шинели», восприняли молодого и нового автора как, бесспорно, своего единомышленника. Недаром в статье Н.А. Добролюбова «Забитые люди» делался акцент на глубоком проникновении Достоевского в «аномалии нашей бедной действительности», а достоинство первого сочинения сводилось к умению выразить высокогуманный идеал – а именно, «запрятанный протест личности против внешнего, насильственного, давления» [2, с.248], что считалось непреложным условием художественности. На долгие годы интерпретация первого сочинения Достоевского не выходила за рамки критического реализма, «сквозь призму которого <…> рассматривалась и, тем самым, объективировалась русская классика» и который «является навязанным ей <…> негодным инструментарием, лишь по известным, далеким от всякой “научности” политическим обстоятельствам, не только недопустимо долго задержавшимся в отечественном литературоведении, но и долгие годы монополизировавшим изучение отечественной словесности» [3, с.27]. Восходящая к христианской традиции отечественной культуры русская литература не могла ограничить художественные искания национального самосознания уяснением социальной обусловленности русского характера, и в концепции человека Достоевского, безусловно, нельзя игнорировать христианскую составляющую, что не поняли или же не хотели понять, единодушно принявшие его в свой круг сторонники натуральной школы.

Проблема понимания творчества Достоевского в контексте духовной традиции отечественной культуры и художественного опыта национального самосознания предполагает преодоление устойчивых стереотипов восприятия первого произведения классика отечественной словесности. Если ранее делался акцент на социально-обличительной составляющей замысла, то для Достоевского уже нет ни «лишних», ни «забитых», ни «маленьких людей»: «У него каждый человек велик. Даже Макар Девушкин, социально ничтожный герой первого романа Ф.М. Достоевского. Создав образ этого героя, Достоевский открыл новую концепцию человека» [5, с.44], тогда как освещение преломленной в эпистолярном романе темы становления человека оставалось вне исследовательского поля филологов.

В качестве эпиграфа к роману «Бедные люди» взята цитата из только что опубликованного рассказа В.Ф. Одоевского «Живой мертвец», сводящаяся к недоумению по поводу обличителей общества, «вырывающих подноготную», вместо того чтобы отметить в жизни что-то «приятное и усладительное». С подобными суждениями и будет склонен согласиться главный герой романа Макар Алексеевич Девушкин, прочитав с явным возмущением: «И для чего же такое писать? И для чего оно нужно?» [1, Т.1, с.63] присланную Варенькой гоголевскую «Шинель» и предложив свою версию финала – совсем не в духе физиологических очерков: «<…> лучше всего было бы не оставлять его умирать, беднягу, а сделать бы так, чтобы шинель его отыскалась, чтобы тот генерал, узнавши подробнее об его добродетелях, перепросил бы его в свою канцелярию <…>, а добродетель восторжествовала бы» [1, Т.1, с.63]. Понимание духовного смысла первого произведения Достоевского направляет исследовательскую мысль на отслеживание логики нравственных исканий Макара Алексеевича, укорененного в категориях христианского мироощущения: для него Башмачкин – не просто социальный тип, иллюстрирующий своей судьбой непомерное давление обстоятельств на человека, но, прежде всего, именно Человек, что и выявляет в сознании героя доверие к христианской аксиологии, если, по его мнению, должна «восторжествовать добродетель».

Немало претерпевший на своем веку титулярный советник Макар Алексеевич, с 30-летним стажем на служебном поприще, расширяет свой убогий мирок, словно выйдя из подполья, которое есть не что иное, как «уничтожение веры в общие правила» [1, Т.16, с.330], когда отвергнуты святыни, – до духовных составляющих сакральных сфер бытия, что и отразилось в его эпистолярном романе с Варенькой

Доброселовой и вдохновенном сочинительстве. И поэтому Девушкин особо выделяет завладевшего его душой и сердцем «Станционного смотрителя»: «Заключил же, что Пушкин хорош и что он святую Русь прославил» [1, Т.1, с.60]. Не в силах представить выхолощенность внутреннего мира гоголевского Акакия Акакиевича, проницательный читатель и знаток характеров, Макар Алексеевич советует Вареньке еще раз перечитать «Повести Белкина», списанные Ратазяевым, графоманом и организатором литераторских посиделок, со счетов истории наступлением новых времен: «<…> это все старое <…> теперь все пошли книжки с картинками и разными описаниями» [1, Т.1, с.60], или те самые физиологические очерки, которые стали так популярны, считалось, отвечали на вызовы времени. Именно в таком ключе, подобно Ратазяеву, Лужин в «Преступлении и наказании» восхитится новыми тенденциями в публицистике: «Вместо прежних мечтательных и романических; литература принимает более зрелый оттенок; искоренено и осмеяно много вредных предубеждений <…> мы безвозвратно отрезали себя от прошедшего» [1, Т.6, с.115].

Герои романа Макар Алексеевич и Варенька Доброселова преисполнены доверия к православному миропониманию, говорят друг с другом на понятном им языке христианской любви, нежно обращаясь к собеседнику как к близкому человеку, а Макар Алексеевич считал, что он хоть и в дальнем, но все-таки родстве с Варенькой Доброселовой. Макар Алексеевич обращается на правах старшего и исполняющего роль отца-хранителя по отношению к Вареньке: «Бесценная моя Варвара Алексеевна! Варенька! Милостивая государыня Варвара Алексеевна! Голубчик мой Варенька! Голубочка моя, маточка! Ангельчик мой! Милостивая сударыня и любезный друг! Милая моя! Родная моя! Милая моя! Родная моя!». Варенька Доброселова более сдержанна, но и в ее словах дает о себе знать нежное и доверительное отношение к собеседнику: «Милостивый государь! Любезнейший Макар Алексеевич! Дорогой мой! Добрый друг мой и благодетель!» И только лишь в последних письмах ее словно прорвало, когда она именует его: «Друг мой! Милый мой! Добрый мой Макар Алексеевич!», а Макар Алексеевич в последнем письме обращается к ней как к родной. Все это однозначно свидетельствует о сердечном отношении друг к другу выбитых на периферию жизни одиноких сердец.

Быт и условия жизни героев вполне обычны для так называемых «маленьких людей», склонных ощущать себя способными на сильные эмоциональные впечатления: они живут трудно и тяжело, страдают и сострадают, когда, например, Варенька пишет о служанке в нумерах

Макара Алексеевича: «Я видела вашу Терезу. Она, кажется, такая больная; жалко было ее; я ей дала двадцать копеек» [1, Т.1, с.18], помогают друг другу, умеют делать добро ближним и довольствоваться-таки малым, ощущая себя счастливыми и радуясь жизни. В их комнатах перед образом всегда горит лампадка. По субботам и воскресеньям Макар Алексеевич и Варенька ходят в церковь, встречаются на службах, видятся «почти только по воскресеньям у обедни» [1, Т.1, с.43], хотя Варенька и писала, чтобы к ней наведался Макар Алексеевич, ведь человеку нужен человек: «Конечно, письма хорошее дело; все не так скучно. А зачем вы сами к нам никогда не зайдете? Отчего это, Макар Алексеевич, ведь теперь вам близко <…> Зайдите, пожалуйста!» [1, Т.1, с.18]. Они поминают, благодарят и славят Бога, уповают на Христа. Накануне Преображения Господня Макар Алексеевич пишет «своему голубчику Вареньке»: «Иду-иду, да все думаю: “Господи! Прости, дескать, мои согрешения и пошли исполнения желаний”. Мимо -ской церкви прошел, перекрестился, во всех грехах покаялся, да вспомнил, что недостойно мне с Господом Богом уговариваться. Погрузился я в себя самого, и глядеть ни на что не хотелось; так уж не разбирая дороги пошел» [1, Т.1, с.77].

Так в подобных мелочах и деталях проявляются христианские добродетели героев романа. Макар Девушкин начинает писать не только для того, чтобы понять себя, но и из любви к Слову. Герой перерождается – происходит перерождение человека в Слове и Словом. Потенциал личности Макара Алексеевича безграничен, что свидетельствует о силе его характера, состоявшегося вопреки воспитанию и происхождению или же среде как социальной обусловленности и культурной обделенности становления человека. Так, Макар Алексеевич не столько начинает чувствовать, сколько понимать то, что дано ему и открывается только ему одному – Человека и мир во всей его многомерности и неисчерпаемости.

Новое понимание романа Достоевского «Бедные люди», как диалог согласия читателя с автором, возвращает Человека в героев писателя, тогда как на протяжении долгих лет человек Достоевского сводился к социальной функции выявления обездоленности и жестокости мира: «На “Бедных людях” натерт такой “хрестоматийный глянец”, что современный живой смысл романа просто теряется в общих словах об историко-литературном значении дебюта Достоевского, в “общих местах” о гуманизме автора по отношению к “маленькому человеку”. Они верны, но не объясняют главного <…> а “Бедные люди” до сих пор не поняты» [6, с.78].

Современная историко-литературная наука, сосредоточенная на понимании художественных исканий национального самосознания, воспринимает наследие русских писателей в контексте духовной традиции отечественной культуры: «<…> “маленький человек” не может быть вполне объективирован, овнешнен, обезличен, т.е. как бы выведен за пределы христианского представления о человеке <…> “маленький человек” вовсе не является “вещью”: “простым”, т.е. одномерным существом, которое, будучи вполне объективировано, словно бы лишено божественного Лика» [4, с.426]. В «Петербургских сновидениях», уже после возвращения из ссылки, Достоевский вспоминал свое рождении как художника, когда у него возник замысле сочинения – о маленьком человеке с большим сердцем.

Литература

1. Достоевский Ф.М. Полн. собр. соч.: в 30 т. Т.1. 30. Ленинград: Наука, 1972-1990.
2. Добролюбов Н.А. Забитые люди. Добролюбов Н.А. Собр. соч.: в 9 т. Т.7. Москва; Ленинград: ГИХЛ, 1963. С. 225 – 275.
3. Есаулов И.А. «Простые люди» у Л.Н. Толстого, Ф.М. Достоевского и А.И. Солженицына: к постановке проблемы // Л.Н. Толстой и А.И. Солженицын: диалоги в непрошедшем времени. Липецк: ЛГПУ им. П.П. Семенова-Тян-Шанского, 2018. С. 26 – 32.
4. Есаулов И.А., Сытина Ю.Н. «Маленький человек» Достоевского в историко-литературной перспективе: между «вещью» и личностью // Вестник российской христианской гуманитарной академии. 2020. Т.21. Вып. 3. С. 419 – 428.
5. Захаров В.Н. Достоевский и Бахтин в современной научной парадигме // Достоевский и мировая культура: альманах. Вып. 24. Санкт-Петербург: Серебряный век, 2008. С. 43 – 50.
6. Захаров В.Н. Имя автора – Достоевский. Очерк творчества. Москва: Индрик, 2013. 456 с.

Шурупова О.С.,
доцент, д-р филол. наук
Россия, Липецкий государственный педагогический
университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского

Shurupova O.S.,
Associate Professor, Doctor of Philology
Russia, Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University

СТАНОВЛЕНИЕ ПРАВОСЛАВНЫХ КАТЕГОРИЙ ЗАКОНА И БЛАГОДАТИ В РУССКОЙ КУЛЬТУРЕ И ЛИТЕРАТУРЕ (НА ПРИМЕРЕ ПОВЕСТИ А.С. ПУШКИНА «БАРЫШНЯ-КРЕСТЬЯНКА»)

DEVELOPMENT OF THE ORTHODOX CATEGORIES OF LAW AND GRACE IN RUSSIAN CULTURE AND LITERATURE (BY THE EXAMPLE OF "THE YOUNG LADY-PEASANT WOMAN" BY A.S. PUSHKIN)

Аннотация

Данная статья посвящена анализу повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка» с точки зрения проявления в ней категорий Закона и Благодати, ключевых для русской культуры и уходящих корнями в православную кирилло-мефодиевскую традицию.

Abstract

This article is devoted to the analysis of "The Young Lady-Peasant Woman" by A.S. Pushkin in terms of the manifestation in it of the categories of Law and Grace, key to Russian culture and rooted in the Orthodox Cyril and Methodius tradition.

Ключевые слова: русская культура; православие; Закон; Благодать; А.С. Пушкин.

Key words: Russian culture; Orthodoxy; Law; Grace; A.S. Pushkin.

Рассуждая о ключевых, основополагающих для русской культуры и литературы категориях, И.А. Есаулов приходит к выводу о существовании особого, характерного исключительно для нее духовного поля. Исследователь утверждает: «Русская культура относится к "Slavia Orthodoxa", сама ее корневая система вырастает из

византийского поля православной кирилло-мефодиевской традиции» [1, с.18]. Именно святые Кирилл и Мефодий, создавшие русскую письменность и сделавшие возможным для русского человека чтение Евангелия и богослужебных книг, стоят у истоков таких категорий этой традиции, как соборность, пасхальность, закон и благодать. Достаточно упомянуть, что, согласно Житию святого равноапостольного Кирилла, «зерном переводческой работы славянского просветителя является Евангелие-апракос, начинающийся Евангелием от Иоанна: “И ТОГДА СЛОЖИ ПИСМЕНА И НАЧА БЕСЕДОУ ПИСАТИ ЕВАГГЕЛЬСКОУЮ: ИСКОНИ БЕ СЛОВО И СЛОВО БЕ ОУ БОГА И БОГЪ БЕ СЛОВО И ПРОЧАЯ”. В таком случае именно пасхальное Евангелие от Иоанна, являющееся в славянской православной традиции не четвертым, а первым… является ядром русского евангельского текста» [1, с.59].

Апракос, читаемый на Пасху, завершается словами: «Яко закон Моисеомъ данъ бысть, благодать же и истина Иисусъ Христомъ бысть». Акцентуация пасхального торжества, а также категорий закона и благодати приобретает важнейшее значение для отечественной культуры, поскольку первое ее произведение – «Слово о Законе и Благодати» митрополита Илариона, во всей видимости, явившееся пасхальной проповедью и связанное именно с евангельским чтением на пасхальной литургии. В этом тексте святитель противопоставляет две системы взглядов и ценностей: ветхий Закон и новую, дарованную человечеству воскресшим Христом Благодать. Именно «в недрах подобных ментальных установок» [1, с.42] сформировалась и культура России. Противопоставление Закона и Благодати стало содержанием большинства ключевых для отечественной литературы текстов, созданных древнерусскими авторами и писателями XVIII века, А.С. Пушкиным и Н.В. Гоголем, Ф.М. Достоевским и Л.Н. Толстым, М.А. Шолоховым и А.И. Солженицыным.

В данной статье представляется уместным обратиться к такому произведению русской литературы, как созданные А.С. Пушкиным «Повести покойного Ивана Петровича Белкина», содержание каждой из которых, на наш взгляд, строится именно на противопоставлении выросших из кирилло-мефодиевской традиции категорий Закона и Благодати. В частности, поскольку внимание исследователей чаще всего сосредоточено на повестях «Станционный смотритель» и «Метель», интересным будет анализ с данной точки зрения повести «Барышня-крестьянка».

Все персонажи этой повести живут в плену определенных стереотипов, которыми гордятся. Так, достаточно вспомнить

персонажа пушкинской «Барышни-крестьянки» англомана Муромского, который называл свою дочь Бетси и всячески старался произвести на ошеломленных соседей впечатление человека, уставшего от России и связавшего все надежды с Англией (при этом в Англию он уезжать вовсе не собирался и прекрасно жил в русской глубинке). В свою очередь, дочь Муромского Лиза пытается изобразить героиню сентиментального романа, вынужденную пойти против воли жестокого отца (хотя на самом деле отец души в ней не чаял, и «ее резвость и поминутные проказы восхищали» его [2, с.86]. Влюбленный в нее Алексей культивирует в себе черты таинственного романтического героя: «Он… явился мрачным и разочарованным,… говорил им об утраченных радостях и об увядшей своей юности; сверх того носил он черное кольцо с изображением мертвой головы» [2, с.86] и т.д. Интересно, что молодой человек ведет себя по законам, предписанным английской литературой – в частности, поэмами Байрона и романами Бульвер-Литтона. Хотя его отец, почитавший себя «умнейшим человеком во всем околотке» [2, с.83], изо всех сил демонстрирует презрение к соседу-англоману, почтенный любитель всего русского не замечает, что в его собственном доме вырос истый английский денди, якобы пресыщенный жизнью.

Все герои повести стремятся руководствоваться категорией Закона, кодексом поведения, который они сами навязали себе и который противоречит здравому смыслу. Но усвоенные русскими дворянами иноземные шаблоны требуют, чтобы соседи враждовали, подобно шекспировским Монтекки и Капулетти, – и исконно русские Берестовы и Муромские противостоят друг другу. Романтически настроенный молодой человек не может быть в согласии с отцом и с соседями – и Алексей «не уступает» отцу и в пику ему отращивает усы. Закон требует, чтобы благовоспитанную девушку воспитывала гувернантка – и в доме Муромского появляется совершенно ненужная мисс Жаксон, которая «белится и сурьмит себе брови, два раза в год перечитывает “Памелу”, получает за то две тысячи рублей и умирает со скуки в этой варварской России» [2, с.86]. Ее воспитанница Лиза, однако, усваивает шаблон, предлагаемый английским писателем Ричардсоном в романе «Памела, или Вознагражденная добродетель», главным содержанием которого становятся отношения помещика и простой, но благородной девушки. Хотя Лиза от рождения дворянка, она, знакомясь с молодым барином, выдает себя за девушку из простонародья, примеряя, таким образом, не только платье крестьянки, но и сентиментальный наряд героини английского романа.

На поверку дендизм, романтизм, сентиментализм, увлечение иностранными идеалами оказываются пустым звуком, и все встает на свои места. В дело вмешивается случай, Божий промысел, разрушающий все построения людей, увлеченных навязанными им стереотипами. «Вражда старинная и глубоко укоренившаяся… готова была прекратиться от пугливости куцой кобылки» [2, с.94]. Когда Муромский падает с лошади, сосед, как положено русскому православному человеку, жалеет его, пытается помочь, и Благодать побеждает Закон. Интересным является момент встречи Алексея и Лизы в доме ее отца. Молодой человек вновь пытается «играть роль», решает изобразить «холодную рассеянность» [2, с.95], как того требует кодекс поведения романтического персонажа, но терпит поражение, ибо жизнь оказывается гораздо богаче и разнообразнее, чем те шаблоны, которым пытается следовать ослепленный ими человек. «Вместо Лизы вошла старая мисс Жаксон…, и прекрасное военное движение Алексеево пропало втуне» [2, с.96].

Пушкин не осуждает наивное желание в общем-то довольно милых провинциалов покрасоваться друг перед другом. Его произведение пронизано не сатирической, язвительной насмешкой, а мягким, добродушным юмором. Взрослым людям свойственно заблуждаться, свойственно увлекаться и играть в почти детские игры, но это не приносит серьезного вреда. Если бы герои упрямо следовали по тому пути, на который их толкало подражание стереотипам, если бы они настаивали на своем, то стали бы несчастными, но А.С. Пушкин показывает, как Благодать оказывается выше Закона и отменяет его действие: враги совершенно неожиданно примиряются, жестокий отец, требующий от сына того, на что тот, казалось, никак не может согласиться, неожиданно оказывается прав – во всяком случае, желания сына и отца внезапно совпадают, а крестьянка превращается в барышню. Характерной деталью является упоминание, что мисс Жаксон, ставшая свидетельницей развязки повести, «не знала, что и подумать» [2, с.100]. Стереотипы сломаны, закон нарушен, и англичанка, привыкшая следовать определенным правилам, не знает, как себя вести, в то время как для русских героев повести все складывается благополучно.

Ключевой фразой для понимания повести становится прозвучавшая в ее начале цитата из «Сатиры» А.А. Шаховского: «Но на чужой манер хлеб русский не родится» [2, с.83]. Действительно, на русской почве вновь и вновь побеждает категория Благодати, и А.С. Пушкин, как истинный наследник кирилло-мефодиевской традиции, помогает своим читателям убедиться в этом.

Литература

1. Есаулов И.А. Русская классика: новое понимание : монография. СПб.: Издательство РХГА, 2017. 550 с.
2. Пушкин А.С. Барышня-крестьянка // Собрание сочинений в 10-ти т. Т. 5. Москва: Художественная литература, 1975. С. 83-100.

Ануфриева Г.В.,
профессор, д-р филол. наук
Россия, ФГБОУ ВО «Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации», Алтайский филиал

Anufrieva G.V.,
Professor, Doctor of Philology
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Altai branch

СЛАВЯНСКАЯ АЗБУКА КАК ОТРАЖЕНИЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ ЯЗЫКОВОЙ КАРТИНЫ МИРА

THE SLAVIC ALPHABET AS A REFLECTION OF THE NATIONAL LINGUISTIC PICTURE OF THE WORLD

Аннотация

В статье рассматриваются особенности славянской азбуки, анализируются некогда значимые, а позже вышедшие из употребления буквы с точки зрения отражения в них констант русской культуры. Материалом для анализа послужила «Азбука» Л.Н. Толстого как образец, в котором отражены духовно-нравственные основы русской языковой личности. В статье доказывается, что утратившиеся буквы выполняли смыслоразличительную функцию между словами, влияли на их стилистическую окраску, а также на грамотность письма.

Abstract

The article discusses the features of the Slavic alphabet, analyzes the once significant, and later obsolete letters from the point of view of reflecting the constants of Russian culture in them. The material for the analysis was the "ABC" L.N. Tolstoy as a model that reflects the spiritual and moral foundations of the Russian linguistic personality. The article proves that the lost letters performed a semantic function between words, influenced their stylistic coloring, as well as the literacy of writing.

Ключевые слова: кириллица; просветительская миссия Кирилла и Мефодия; орфография; русская языковая личность; «Азбука» Л. Толстого.

Keywords: Cyrillic alphabet; the educational mission of Cyril and Methodius; orthography; the Russian linguistic personality; Leo Tolstoy's ABC book.

Национальное сознание в первую очередь проявляется в языковой картине мира, представляющей собой совокупность зафиксированных в единицах языка представлений народа о действительности на определенном этапе развития общества. Одним из ярких образцов национальной составляющей русского народа является славянская азбука. Она представляет собой определенным образом организованную систему графических знаков. Количество букв азбуки, их начертания, правила произношения имеют глубокий смысл.

Развитие славянского, а позже русского общества и культуры влияло как на азбуку, так и на письменность в целом. Буквы изменяли свое начертание, одни уходили из употребления, другие появлялись, третьи играли важную смыслоразличительную роль на письме.

Цель данной работы – рассмотреть вышедшие из употребления буквы славянской азбуки с точки зрения отражения в них национальных языковых констант.

В качестве материала исследования рассмотрим «Азбуку» Л.Н. Толстого [5]. Тексты, представленные в ней, отражают духовно-нравственные принципы русского человека. Они дают возможность ребенку получить первые впечатления о жизни. Как утверждал сам писатель, «Азбука» представляет собой книгу для «семьи и школы». Она отражает вариант «гражданицы», предназначенной для светских текстов, однако в ней есть буквы, начертание которых нам незнакомо. А ведь знание того, как и почему именно так писалось слово, дает возможность понять его смысл, правило написания. Само начертание буквы позволяет осмыслить традиции, закрепленные в языке славян.

Как отмечает исследователь К.Н. Ломунов, «Азбука» была одной из самых любимых книг у Л.Н. Толстого, т.к. писатель считал, что по ней могут выучиться грамоте «два поколения детей – от царских до мужицких» [2, с.92]. Книга отражает все случаи употребления каждой буквы старославянского алфавита, ее произношение и начертание, правила чтения, рекомендации учителю. Материал азбуки – короткие истории, былины, басни, загадки, рассказы, сочиненные Толстым. Из

такого обширного текстового материала нами выбраны для анализа букв славянской азбуки загадки и крылатые выражения.

Старославянская азбука была создана предположительно в IX веке для богослужебных и гражданских записей, в ее состав вошли 45 букв.

Если сравнить современный русский алфавит и старославянскую азбуку, то можно увидеть, что утратились 16 букв: Ъ (ер), Ь (ерь), І (десятеричное и), Ѵ (ижица), Ѣ, (ять), Ѳ (фита), Ф (ферт), W (омега), буквы, обозначающие носовые звуки Ѧ (юс малый), Ѫ (юс большой), Ꙗ, (йотовый юс малый), Ꙗ (йотовый юс большой), Ю (и с призвуком е), Ѯ (кси), Ѱ (пси) - употреблялись только в словах и именах, заимствованных из греческого (ѯєнїіа, ѱаломъ). В азбуке графа Л.Н. Толстого 36 букв, в ней сохранены такие буквы, как: Ъ (ер), Ь (ерь), Ѣ (ять), І (десятеричное и), Ѵ (ижица), Ѳ (фита).

Несмотря на то, что некоторые буквы со временем ушли из азбуки, по определению Н.С. Трубецкого, «современный русский язык – единственный без перерыва традиций преемник древнецерковнославянского языка, созданного святыми Кириллом и Мефодием» [цит по: 4; с.5]. Анализ лингвистами статистических данных по употреблению заимствованных слов и старославянизмов, указывает на то, что более 55% процентов всех элементов современного русского языка восходят к старославянской азбуке: буквы и орфографические правила, которые мы изучаем в школе, стилистически окрашенные слова: *град – город, око – глаз – очки;* корневые чередования: *холод – прохлада, собирать – сбор – собрать, страна – сторона – странник.* Сохранились в русском языке и суффиксы, как признаки старославянского языка, это суффиксы причастий -ущ-, -ящ-, -уч-, -яч-.

До создания русской азбуки гражданского типа Псалтирь и Часослов являлись единственными источниками для обучения грамоте. При чтении дети устанавливали взаимосвязь между звуковым и буквенным образом слова. В их сознании четко противопоставлялись слова, услышанные в храме, словам, употребляемым в быту: *перст – перстень - палец, глас – голос, возглашать – гласить – голосить, сбор – собор – соборовать.* Церковнославянский язык заложил основы для формирования русской языковой личности и литературного языка.

Рассмотрим более подробно буквы, которые, как показывает «Азбука» Л.Н. Толстого, ушли из употребления последними после второй реформы русского письма 1917–1918, а именно, Ъ (ер), Ь (ерь), Ѣ (ять), І (десятеричное и), Ѵ (ижица), Ѳ (фита).

Ѣ (ЯТЬ) в азбуке Л.Н. Толстого – 8 буква. Существует мнение, что слова с данной буквой учащимся приходилось заучивать наизусть, чтобы не допускать ошибок на письме, т.к. непонятно было, почему пишется именно эта буква. Значит, обоснована отмена написания ятя. Однако еще М.В. Ломоносов в своей работе «Российская грамматика» (параграф 118) указывал на необходимость сохранения в азбуке буквы Ѣ: «некоторые покушались истребить букву Ѣ из российской грамматики. Но сие как невозможно, так и свойствам российского языка противно, <…> уничтожится различение речений разного знаменования, а сходного произношения, напр., *лечу, летѢть от лѢчу, лѢчить*» [1]. Почему же так считал Ломоносов? Почему она настаивал на сохранении этой буквы в азбуке. Для этого внимательно изучили тексты Азбуки Л.Н. Толстого и обратили внимание на то, что данная буква чаще всего употреблялась в середине слова**,** реже вначале слова**.** В первом случае Ѣ близка к Е, представленной звуком [э] в бездарной позиции. Во втором случае Ѣ близка к современной Я, которая в начале слова распадается на два звука [йа]. Рассмотрим несколько примеров из Азбуки Л.Н. Толстого: *«Жили дѢды, не видали бѢды; стали жить внуки, натерпѢлись муки»; «СѢмя плоско, поле гладко, кто умѢетъ, тотъ и сѢетъ»* (письмо)*; «ДѢдушка без топора мостъ мостит»* (мороз); *«СодѢлавши добро, – не кайся» (пословица).*

В результате анализа слов можно увидеть, что буква Ѣ отличается от букв И и Е. В этом случае Ѣ сохраняется при изменении формы слова, под ударением звучит четко: *дѢды – дѢд, бѢды – бѢд, натерпѢлись – терпѢть, сѢмена – СѢмя, содѢлавши – дѢло.* В то время, как буква Е может быть беглой или заменяться на Ё: *сестра – сЁстры, тереть – трЁт, петЕлька – петля* (беглый Е).

В начале слова буква Ѣ является древнецерковнославянским написанием (болгарским), основанном на родном говоре святых Кирилла и Мефодия. В текстах из азбуки мы встретили только слова со значением «еда» *«Пирога ждать – не Ѣвши спать»; «Скоро Ѣстъ, мелко жуетъ, сама не Ѣстъ, другим не даетъ»* (пила.)

Значит, употребление буквы Ѣ (ять) в середине слова подчинялось строгому правилу. Теперь на месте этой буквы пишем Е, но в безударной позиции часто Е смешивают с И, например, *сЕ/И?мена.* Если бы эта буква сохранилась, то некоторые правила на безударный гласный понимались бы лучше.

І (десятеричное и) – 12 буква алфавита. Название буквы связано с тем, что она обозначает цифру 10. Эта буква употребляется в заимствованных словах, пришедших из священных книг, написанных на греческом, латинском, еврейском языках. Наряду с этой буквой в

азбуке имелась привычная для нас сегодня буква И, она называлась И восьмеричное. Разница между этими буквами в церковнославянских текстах была важна: И десятеричное обозначало землю (место временной жизни грешных людей), И восьмеричное – небо (покой, вышний). Когда-то І помогало различить смысл между словами *мир* (покой в душе, миротворец, вышний), *мiр* (вселенная, земной мир), *мvро* (благовоние, миропомазание). І десятеричное использовалось на письме ля украшения строки, т.е. в целях графической эстетики. В «Азбуке» Л.Н. Толстого эта буква встречается редко. Она представлена в именах собственных: *ВасІлій, ВІталій, ВалентІнъ, КонстантІнъ, Эѳіопія,* нарицательных, обозначающих предметы церковного обряда: *лІтургІя, хІтон, бІблІя.* Приведем примеры из загадок и крылатых выражений, предназначенных для чтения в «Азбуке»: *«МаленькІй Ерофейка подпоясанъ коротенько, по полу скокъ-скокъ, по лавкамъ скокъ-скокъ, сѢл въ уголокъ»* (веник); *«Летитъ звѢрокъ через БожІй домокъ, летитъ говоритъ: моя сила горитъ»* (пчела); *«МаленькІй, кругленькІй, а за хвостъ не поймаешь»* (клубок); *«КороткІй счётъ, длинная дружба»* (пословица).

Приведенные примеры доказывают, что в гражданской азбуке І десятеричное сохранилось только в безударных окончаниях прилагательных на -ИЙ, раньше в этом окончании на письме буква И обозначала краткий звук, поэтому писалось – І.

Ѳ (фита) – 35 буква, **Ѵ (ижица)** последняя, 36 буква в Азбуке. Множество крылатых выражений свидетельствует о том, что в процессе обучения грамоте этим буквам уделялось особое внимание. Данные буквы были сложны для понимания: *«От фиты подвело животы», «Фита и ижица – к ленивому плеть движется», «Фита умильна, утешительна, пачевна, троична, снедна», «У нее ротик фитою».* Смысл этих выражений помогает понять, что это самые сложные буквы на письме. Обе буквы употреблялись в словах иноязычного происхождения.

Н.П. Саблина отмечает: «Ѳ (фита) – символ веры, знак Божественного. В материнской, греческой церкви Бог начинался с буквы Ѳ, что значило Феос» [4, с. 165]. Буква пришла в славянскую письменность из византийского письма. Так, например, через фиту писались имена Ѳеодор (греч. Теодор) – божий дар, Ѳаддей (евр. Тэд) – хвала, *МеѲодій (греч. Методий)* – упорядоченный человек, слова: *апоѲеоз, ариѲметика.*

М.В. Ломоносов в «Российской грамматике» [1] писал, что фита в славянскую азбуку была внесена напрасно. Затем он ее исключил из азбуки. Наряду с этой буквой в старославянской азбуке была буква Ф

(ферт). Обе они обозначали звук [ф]. В современном алфавите сохранилась буква Ф (ферт), она служит своеобразной «переводчицей с иностранных языков» на русский, помогает понять, из какого языка пришли слова, например, *анафема* (греч.), *сафьян* (тюрк.), *фонарь* (греч.).

Ѵ (ижица) названа по внешнему облику – напоминает хомутик. Сегодня эта буква сохранилась в церковных книгах, написанных на старославянском языке.

В азбуке Л.Н. Толстого эти буквы встречаются только в третьей части, где для чтения предложены фрагменты церковнославянских текстов (молитвы, жития святых). Например, Ѳ (фита): *«Хаму же досталась южная страна: Египетъ, Еѳіопія* (Эфиопия), *Ѳивы* (Фивы) *и другія страны*» («Несторова летопись»).

Пример с Ѵ (ижицей): *«И есть останокъ его промежю АсѴра* (Ассир, т.е Сирия) *и Вавилона, и есть въ высоту и въ широту локоть пять тысячь четыреста тридесять три»* («Несторова летопись»).

В обучающих текстах, загадках, поговорках, притчах данные буквы не встречается, вероятно, потому что «Азбука» Л.Н. Толстого – это вариант гражданского алфавита, предназначенного для светского общения.

Итак, подведем итоги.

Буквы славянской азбуки служили не только украшением письма. По каждой букве можно проследить, как рождалась письменность на Руси, какое влияние оказал на этот процесс греческий и латинский алфавит. Нельзя однозначно утверждать, что реформа письма была полностью обоснованной, т.к. исчезнувшие буквы играли важную роль в словах: влияли на их смысл, стилистическую окраску, а также помогали понять то или иное орфографическое правило.

По «Азбуке» Л.Н. Толстого можно проследить живые процессы, происходившие в языке. Тексты, предназначенные для обучения грамоте, отражают национальное сознание славян, они направлены на постижение ребенком нравственных и морально-этических законов и культурных традиций. Фрагменты церковнославянских текстов дают возможность почувствовать эпоху, наглядно увидеть, как менялся язык.

Литература

1. Ломоносов М.В. Российская грамматика [Электронный ресурс] URL:http://az.lib.ru/l/lomonosow_m_w/text_1765_grammatika_oldorfo.shtml (дата последнего обращения 15.04.2022).

2. Ломунов К.Н. Жизнь Льва Толстого. М.: Художественная литература, 1981. 255 с.
3. Попова З.Д., Стернин И.А. Язык и национальное сознание. Изд.3., перераб. и доп. Воронеж: «Истоки», 2007. 61 с.
4. Саблина Н.П. Буквица славянская. Поэтическая история азбуки с азами церковнославянской грамоты. СПб.: Ижица, 2002. 189 с.
5. Толстой Л.Н. Азбука графа Л.Н. Толстаго. Книга I. С-Петербургъ, 1872. 186 с.
6. Успенский Л. Слово о словах (очерки о языке). М.: Молодая гвардия, 1960. 389 с.

Афанасьева Е.А.,
студент
Усачева О.Ю.,
доцент, д-р филол. наук
Россия, Российская академия народного хозяйства и государственной службы при Президенте Российской Федерации, Липецкий филиал

Afanasieva E.A.,
Student
Usacheva O.Ju.,
Associate Professor, Doctor of Philology
Russia, Russian Presidential Academy of National Economy and Public Administration, Lipetsk branch

КОНЦЕПТ «РОДИНА» В СОВРЕМЕННОМ РУССКОМ МОЛОДЕЖНОМ ПАТРИОТИЧЕСКОМ ДИСКУРСЕ: НА МАТЕРИАЛЕ «НАИВНОЙ ПОЭЗИИ»

THE CONCEPT "RODINA" IN THE MODERN RUSSIAN PATRIOTIC DISCOURSE: ON THE MATERIAL OF "NAIVE POETRY"

Аннотация

Статья посвящена изучению концепта РОДИНА, который представляет собой важнейший компонент национальной языковой картины мира любого языка, включая русский. Научное исследование проводилось на материале поэтических текстов о родине, написанных молодыми авторами в возрасте 14-20 лет. В ходе анализа определено семантическое ядро концепта – ключевые лексемы, репрезентирующие концепт в качестве главного языкового идентификатора, установлены семантические поля ассоциативных вербализаторов. На основе семантического ранжирования сделаны выводы об устойчивых реализациях концепта РОДИНА в языковом и культурном сознании молодых носителей языка.

Abstract

The article is devoted to the study of the concept RODINA, which is the most important component of the national language picture of the world

of any language, including Russian. The scientific research was carried out on the material of poetic texts about the motherland, written by young authors aged 14-20 years. In the course of the analysis, the semantic core of the concept was determined – the key lexemes representing the concept as the main language identifier, the semantic fields of associative verbalizers were established. On the basis of semantic ranking, conclusions are drawn about the sustainable implementation of the concept of RODINA in the linguistic and cultural consciousness of young native speakers.

Ключевые слова: когнитивная лингвистика; лингвокультурология; лингвоконцептология; концепт; концепт РОДИНА; патриотический дискурс; «наивная поэзия».

Key words: cognitive linguistics; linguoculturology; concept; concept RODINA; patriotic discourse; "naive poetry".

Введение

В рамках когнитивной лингвистики, лингвокультурологии и лингвоконцептологии, оперирующих понятиями концепта и концептосферы, чрезвычайно актуальным является изучение различных концептов, как универсальных, так и культурно обусловленных, представленных в одном или нескольких (многих) языках. Система концептов в языке образует концептосферу – свод представлений, обобщающий различные знания о мире, организующий их в мыслительные картины, схемы, символы, понятия, гештальты (комплексные образы внешнего мира).

Изучение концептов в художественном произведении, их репрезентаций с помощью различных языковых средств, их взаимодействия в структуре художественного целого помогает понять мировоззрение не только автора, но и иногда целой эпохи, и даже менталитет целого народа.

Концепт РОДИНА является одним из ключевых концептов почти в любой национальной или этнической культуре и, таким образом, может считаться общечеловеческим.

Тема Родины, родного края в искусстве, в том числе и в литературе, особенно близка русскому человеку, потому что каждый из нас желает, чтобы страна жила хорошо, развивалась и процветала, а граждане были счастливы. Не существует на всей планете места ближе и дороже родного края. Родина – это та земля, на которой мы родились, она заряжает любовью и энергией, восхищает и вдохновляет на творчество.

Родине посвящают свои произведения не только профессиональные поэты и писатели, мастера художественного слова, но и обычные люди: дети, молодежь, взрослые. Их сочинения можно назвать «наивной поэзией», в которой, тем не менее, находят выражение концептуальные смыслы, присущие русской лингвокультуре в целом, а их объединяющим началом выступает ценностное отношение к своей родной земле, то есть патриотический дискурс. Актуальность этого дискурса повышается в наши дни, когда патриотическое сознание народа, особенно молодежи, подвергается негативному воздействию со стороны внутренних и внешних деструктивных сил. Все сказанное обусловливает актуальность нашего исследования.

Концепт РОДИНА, в том числе и в современной русской лингвокультуре, достаточно активно исследуется в науке, однако нам неизвестны работы, в которых данный концепт анализируется через призму «наивного» юношеского поэтического творчества в патриотическом дискурсе. Таким образом, новизна нашего исследования определяется выбором и описанием ранее не исследованного материала.

Объектом исследования является концепт РОДИНА, языковое выражение которого представлено в современных поэтических текстах о Родине, в том числе и тех, авторство которых принадлежит «наивным» (непрофессиональным) творцам. Предметом исследования выступает языковое представление концепта РОДИНА в русском патриотическом дискурсе.

Цель исследования заключается в описании способов языкового выражения концепта РОДИНА в современном русском патриотическом дискурсе на материале «наивной» молодежной поэзии и на этой основе выявление устойчивых реализаций концепта в языковом сознании молодых носителей языка.

Теория, данные и методы

Антропоцентрический поворот, состоявшийся в лингвистической науке в конце XX века, определил новый подход к изучению языка и коммуникации, который заключается в исследовании функциональных возможностей языковой системы, реализуемых в процессах общения.

В русле новой научной парадигмы сложилось несколько научных направлений и школ, исследующих связи языка с мышлением, культурой, социальной жизнью. Одним из таких направлений стала когнитивистика, или когнитивная лингвистика, в фокусе внимания которой находятся единицы и структуры знания о мире, как результат

членения и концептуализации мира, запечатленный в языковых формах, а также лингвокультурология и лингвоконцептология, чей интерес направлен на выявление культурспецифичности языка и коммуникации. К числу научных направлений, активно развивающихся в рамках антропоцентризма, также относится дискурсивная лингвистика, изучающая дискурс и его виды, как «речь, погруженную в жизнь» [1, с. 136-137], в социальную и культурную среду.

Центральным для когнитивных наук является понятие концепта. Его различные определения приводятся в трудах С.А. Аскольдова, Ю.Д. Апресяна, Н.Д. Арутюновой, Т.В. Булыгиной, Т. Ван Дейка, А. Вежбицкой, Е.С. Кубряковой, Д.С. Лихачева, Ю.С. Степанова, В.Н. Телия и мн. др. отечественных и зарубежных ученых. В нашем исследовании за основу взято следующее понимание: «Мы определяем концепт как дискретное ментальное образование, являющееся базовой единицей мыслительного кода человека, обладающее относительно упорядоченной внутренней структурой, представляющее собой результат познавательной (когнитивной) деятельности личности и общества и несущее комплексную, энциклопедическую информацию об отражаемом предмете или явлении, об интерпретации данной информации общественным сознанием и отношении общественного сознания к данному явлению или предмету» [9, с.34].

Концепт РОДИНА неоднократно становился объектом исследовательского интереса [2; 3; 4; 6; 10; 12; 13 и др.]. Близкими к нашей теме выступают исследования, посвященные образу России в русской языковой картине мира [8; 11]. Как правило, анализ концепта осуществлялся в сопоставительном аспекте с привлечением материала словарей, художественных и публицистических текстов, результатов ассоциативного эксперимента. Авторы, как правило, отмечают, что концепт РОДИНА является составной частью концептосферы ПАТРИОТИЗМ, а его репрезентация обнаруживается прежде всего в патриотическом дискурсе. Последний, в свою очередь, по мнению В.Д. Мансуровой, «генетически определяет коды духовной культуры России и актуализируется в публичной сфере в связи с определёнными обстоятельствами и настроениями в обществе» [7, с.189].

Мы определяем патриотический дискурс (во всяком случае, в его традиционном для России варианте) как вербально-невербальное знаковое построение, содержанием которого выступает рациональное и эмоциональное выражение ценностного отношения к своей стране, земле, народу, традициям, государству и его идеологии, социально-политическим решениям и высказываниям власти. Дискурс

патриотизма амбивалентен в плане своей типологической природы (о типологии дискурсов см.: [5]), т.е. он относится как к персональному, так и к институциональному (политическому и идеологическому) дискурсу.

В текстах художественных произведений патриотический дискурс предстает прежде всего как персонально ориентированный, для которого характерно индивидуально-личностное переживание ценностного отношения к родине, выражение этого переживания через выбор художественных образов и языковых средств с позиций индивидуальных оценок и предпочтений, собственного жизненного и эстетического опыта.

Вместе с тем изучение патриотического дискурса через призму художественного творчества позволяет установить не только его (дискурса) индивидуальные особенности, но и устойчивые коллективные представления и переживания, усвоенные автором как носителем языковой картины мира и субъектом (этно)национально-культурной идентичности. При этом масштаб человеческой и художественной личности автора не играет принципиальной роли в том смысле, что выразителем ключевых для национальной лингвокультуры когнитивных характеристик могут оказываться как великие мастера художественного слова, так и обычные люди, имеющие склонность к литературному творчеству.

Можно даже предположить, что именно «наивная поэзия», не делающая акцента на яркой индивидуализации, тем более парадоксальности художественного образа, предъявляет базовые, стандартизованные ментальные картины, вплоть до смысловых штампов, в то время как когнитивная картина творчества крупного мастера, напротив, может демонстрировать уникальную, неоднозначную, иногда противоречивую, отклоняющуюся от типичной, если и вовсе не маргинальную, интерпретацию концепта.

Данным соображением объясняется выбор материала нашего исследования: это корпус стихотворений, представленных на областной литературно-патриотический конкурс «Русские рифмы» (организатор конкурса – ОБУ «Региональный центр подготовки граждан РФ к военной службе и военно-патриотического воспитания населения Липецкой области»), организованный в 2018 г.

Конкурс проводился по двум номинациям: «Слово, опаленное памятью (военно-патриотическая лирика)» и «Среди полей, холмов, оврагов (поэзия о Родине)». В каждой номинации были определены две возрастных группы конкурсантов: «младшая» (14-20 лет) и «старшая» (от 21 года и старше, без возрастных ограничений).

Нами были проанализированы конкурсные стихотворения в младшей возрастной группе, представленные в номинации «Среди полей, холмов, оврагов (поэзия о Родине)» – всего 43 законченных поэтических текста. Выбор указанной категории конкурсантов обусловлен нашим интересом прежде всего к молодежному патриотическому дискурсу.

В ходе исследования были использованы такие общенаучные методы, как описательный и аналитический, а также методы изучения концептов: качественный (семантический и ассоциативный) и количественный (подсчет и ранжирование). С целью верификации полученных результатов применялся сопоставительный метод.

Семантический и ассоциативный анализ материала осуществлялся в три этапа.

1. Определение семантического ядра концепта – ключевого слова (лексемы), репрезентирующего концепт в качестве главного языкового его идентификатора.

2. Выявление ассоциатов – языковых средств, вступающих в ассоциативные связи с ключевым словом и тем самым вербализующих концепт в его актуализованных смыслах.

3. Группировка вербализаторов по семантическим основаниям и определение семантических полей (далее СП), связанных с ключевым словом-репрезентантом концепта.

Полученные результаты исследования

1. Определение семантического ядра концепта РОДИНА.

Анализ нашего материала позволил установить в качестве смыслового ядра концепта два ключевых репрезентанта: лексемы *«Родина» (= «большая родина»)* и *«родина (=малая родина»).* Данный факт согласуется с лексикографическим толкованием слова «родина» в двух основных значениях (лексемах), которое приводят, в частности, авторы работы [2 с. 41]: «Родина — 1. Отечество, родная страна. Защита Р. 2. Место рождения, происхождения кого-н.; место возникновения чего-н. Приехать на р. [4: 549[95]]».

Обратим внимание, что, согласно словарю С.А. Кузнецова, эти два значения объединяются в (1), отдельно указывается более широкое значение (2), ср.: «Родина — 1. Страна, в которой человек родился и гражданином которой является; отечество. Наша р. Россия. Р. Пушкина, Толстого. Любовь к родине. | О месте, где человек родился, где живут его родные и близкие. Малая р. Поехать к себе

[95] Ожегов С. И. Толковый словарь русского языка. М., 2015.

на р. в Красноярский край. 2. Место происхождения кого-л., возникновения чего-л. Индия — р. Шахмат. СССР — р. космонавтики [3: 1125[96]]». В рассмотренном нами поэтическом материале значение (2) непосредственно не встречается.

Ключевой репрезентант «Родина=большая родина» осмысляется как «коллективное-родное», государственно-историческое единство не только территории, но и всего проживающего на ней народа. Большая родина – страна, где человек родился и гражданином которой он является (отечество, отчизна).

Ключевой репрезентант «родина=малая родина» осмысляется в качестве «личностно-своего пространства», т.е. как место рождения человека, где сложился, возник этнос, к которому он принадлежит. К «малой родине» можно отнести село, деревню, город, улицу и т.д., где человек появился на свет, провел свое детство, жил какое-то время или продолжает жить. Именно малая родина так близка сердцу: здесь проходят основные этапы становления молодого человека от первых шагов до последнего звонка в школе перед выходом в большую жизнь.

2. Выявление ассоциатов – языковых средств, вступающих в ассоциативные связи с ключевым репрезентантом и тем самым актуализирующих определенные смыслы концепта РОДИНА в сознании авторов. Одновременно будем осуществлять их группировку по тем или иным семантическим полям.

2.1. Рассмотрим ассоциативные образы к ключевому репрезентанту «малая родина», которые образуют 8 семантических полей в ядерной зоне концепта: «место жительства», «природно-ландшафтные объекты малой родины», «фитонимы малой родины», «зоонимы малой родины: животные, птицы, рыбы, насекомые», «топонимы малой родины», «прецедентные имена региональной направленности», «семья, родственники, ближний круг», «социальная жизнь малой родины».

2.1.1. СП «место жительства» (22 ед.) образовано существительными и прилагательными, в том числе в составе словосочетаний: *Родина* (в знач. «малая родина)*; малая родина; глубинка; (мой) город(а); двор; (моя, наша) деревня; деревенька; местная земля* (в знач. “место жизни”)*; край; любимый край; милый край; райский уголок Вселенной=малая родина; Родины кусочек=малая родина* и др.

Примеры (ассоциаты выделены курсивом):

[96] Кузнецов С. А. Большой толковый словарь русского языка. СПб., 2000.

(1) Уголок России – отчий дом,
Для души приятно все кругом.
Уголок России – край родной,
Здесь легко и сердцем, и душой.
(2) Живописный *мой край…*

Отношение к малой родине получает выражение через универсальное семантическое противопоставление «свой – чужой», для чего используются прилагательные *большие, другие, чужие (города, страны)*, существительные *столица, чужбина,* ср.:

(3) Не нужен край нам, кроме *Новикова,*
И не нужны *чужие города.*
(4) Я в глубинке живу и не видел *столицы,*
И *больших городов* мне не нужен уют.

2.1.2 СП «природно-ландшафтные объекты малой родины» (~ 31 ед.): *аллеи; болота; во́ды; долина; земля* (в знач. “почва, грунт”)*; лес(а); лог; луг(а); овраги; озера; опушка; сад(ы); садик* и др.

Примеры:

(5) Река быстра, пусть и *мелка...*
Всё так же радостью дурманят
Сады, поляны и леса.
(6) Здесь *в полях* поднимаются дружные всходы,
По оврагам журчат *ручьи.*

В этом СП также отмечено противопоставление привычного ландшафта неродному, которое выражено через существительные *пески, моря,* ср.:

(7) Не надо мне *ни моря, ни песков.*

2.1.3. СП «фитонимы малой родины» (~ 31 ед.): *антоновка; астры (красные, стальные); береза; березка; васильки; верба; всходы; грибы; деревья; (молодая) зелень (прорастает)* и др.

Примеры:

(8) Стоят *берёзы* тихо у опушки,
О чём-то еле слышно говорят…
Наверное, красавицы-подружки
Любуются на белый свой наряд.

2.1.4. СП «зоонимы малой родины: животные, птицы, рыбы, насекомые» (~ 32 ед.): *белка; букашки; (серый) волк; воробьи; все живое; грачи; дятлы; (косяк) журавлей; зверь(и)* и др.

Примеры:

(9) Галдят *грачи,* весну встречая (…)
(10) Теперь всё возрождается по-новому,
Здесь ловятся и *карпы,* и *карась…*

2.1.5. СП «топонимы малой родины» (17 ед.): *Липецкий край; Астапово; Вербилово; Вислая Поляна; Добринка; Дон; Елец* и др.

Примеры:

(11) Мой *град Елец,* мой древний город,
Тебя люблю я с ранних лет (…)
(12) Мы к *Дону* гурьбой побежали,
Встречали восход и закат.
Похлебку из рыб смаковали
И кашей кормили девчат.

2.1.6. СП «прецедентные имена региональной направленности» (9 ед.): *И.А. Бунин; Горький; Тихон Задонский; Петр; М.М. Пришвин; на пришвинской (земле); А.С. Пушкин; Л.Н. Толстой.*

Примеры:

(13) Тихон Задонский…
Поклониться святым мощам
Со всех уголков страны
Приезжают к нам.
Жил в Ельце
Уж много лет назад
Иван Алексеевич Бунин,
Наш Нобелевский лауреат.
Астапово…
Здесь окончил путь земной
Великий гений –
Лев Николаевич Толстой.
Пришвин, Тянь-Шанский –
Все это наши земляки.
А в липецкой церквушке
Венчались предки *Александра Пушкина.*

2.1.7. СП «семья, родственники, ближний круг» (~ 34 ед.): *бабушка; бабуля; (родной) брат; внук(и); девчата; дед(ы); дедушка; дети; детишки; детство; друзья; (отчий) дом; ельчане; земляки* и др.

Примеры:

(14) Родины кусочек для меня,
В доме, где собралась вся *семья.*
(15) Вислая Поляна – родина моя!
Здесь живут *родители,* здесь родилась и я.
К *бабушке* и к *дедушке* ходим в гости мы.
На погост к *прародичам* носим мы цветы.
Род мой начинается в глубине веков –

Без *корней* и дерево не дает плодов.

Помните *родителей*! Помните свой *род*!

(16) Я живу в прекрасном мире,

Там, где есть *мои родные,*

Там, где есть моя *семья:*

Мама, папа, брат и я!

2.1.8. СП «социальная жизнь малой родины» (~13 ед.): *гармонь; герои; доярки; земледельцы; лечебные воды; металлургический завод; сталевары* и др.

Примеры:

(17) По надоям молока во всей области гремим,

Хвалят всюду *доярок* – девчат.

(18) Становлянский край любимый,

Низкий мой поклон тебе,

Много дал стране *героев*

Ты *в науке и в труде.*

2.2. В околоядерной зоне концепта находятся СП, образуемые вербализаторами, репрезентирующими ассоциативные связи с природно-ландшафтными объектами: «календарное время», «небесные объекты», «природные явления и состояния», «физическое пространство».

2.2.1. СП «календарное время» (~21 ед.) представлено не только существительными, но и прилагательными и наречиями: *весна; весной; вечер; день; днем; зима; зимой; зимний (лёд); зимняя (сказка); июнь; летом; ночь; ночью; четыре утра* и др.

Примеры:

(19) И молодая зелень прорастает,

Когда *весны* проходит сон...

(20) Солнце. *Суббота. Четыре утра.*

Вот и пришла *золотая пора.*

2.2.2. СП «небесные объекты» (10 ед.): *звезда (звезды, звездой); луна; месяц; небо; (лазурь) небес=небеса; облака; солнце(а); солнышко; тучи; хозяйка-луна.*

Примеры:

(21) Деревня наша, уголок родимый,

Теперь тебя я чувствую иначе:

От *солнышка* кружится голова,

От радости – я чуть не плачу.

(22) Закат зажигает на *небе звезду,*

А в воздухе запах сирени.

2.2.3. СП «природные явления и состояния» (~ 29 ед.): *ветер; воздух; (шумящие) волны; восход; (потоки) грязи; дождь; дождик; закат; (вечерние) закаты; заря (зори); метели; морозы; непогода; холода* и т.д.

Примеры:

(23) Что – то быстро шепчет *дождь,*
Вдыхают листья капель дрожь,
Потоки грязи, лужи сплошь
Непогода, ну и что ж.

2.2.4. СП «физическое пространство» (4 ед.): *даль; переулок; простор(ы); улица.*

Примеры:

(24) Нам здесь знакома каждая тропинка
И *переулок* каждый нам знаком (…)

2.3. Перейдем к рассмотрению ассоциатов к ключевому репрезентанту *«Родина=большая родина»*. Они образуют следующие СП: «Родина – страна, народ, государство», «Бог, (православная) вера», «история и достижения», «природно-ландшафтные объекты большой Родины».

2.3.1. СП «Родина – страна, народ, государство» (~ 21 ед.): *будущее; выборы; Гражданин; (наш любимый милый) дом; (родная, моя) земля (Земля); мать (родная); (наша) Родина; (моя) Россия; россияне; русский язык; Русь; страна; (единая) семья* и т.д.

Примеры:

(25) Родились мы и живем *в России,*
В праведной *земле* и сильной.
(26) Моя Земля – Русь, мать родная,
Здесь я родился, здесь я рос.

2.3.2. СП «Бог, (православная) вера» (~ 15 ед.): *ангелы; Бог; Божьей волей (хранимый); Божья милость; вера; вера православная* и нек. др.

Примеры:

(27) И в каждом лике *ангелов, Богов*
Вся матушка Россия, бликами играя,
И скажет вновь приезжий:
«Нет на свете лучше *рая!»*
Православие нас всех объединяет,
И *молитвой* нашей держится Россия!

2.3.3. СП «история и достижения» (~ 16 ед.): *гений; герои; золото Сочи; история; космос; культура; Нобелевский лауреат;*

память (предков); первая; первооткрыватель (космоса); первый космонавт и т.д.

Примеры:

(28) И победами в спорте горжусь вновь и вновь –
Сколько *золота Сочи* они нам принесли!
(29) Я так горжусь, что *первая* Россия
Попала *в космос.*
Я знаю, было очень трудно
Ракету в небо запустить.

2.3.4. СП «природно-ландшафтные объекты большой Родины» (7 ед.): *горы; леса; моря; озера; поля; реки; скалы.*

Примеры:

(30) Ведь просторы России *от морей и до гор,*
Есть в ней *реки, озёра, леса и поля.*

2.4. Единым семантическим полем для обоих ключевых репрезентантов выступает СП «память о Великой Отечественной войне, защита Родины». Авторы не отделяют славную военную историю своей малой родины от истории всей страны: в одном и том же стихотворении может идти речь о едином концепте РОДИНА.

Что касается вербализаторов этого типа, то образуемое ими ***СП «память о Великой Отечественной войне, защита Родины» (24 ед.)*** представлено не только существительными, но и глаголами, прилагательными, наречиями, числительными: *бой; воины; война; враг; голод; День Победы; (вечна) память; подвиг; победа; в сорок первом; фашизм; фашист(ы)* и др.

Примеры:

(31) День Победы долгожданный
Наступил во всей стране (…)
(32) Познав все *ужасы войны и голод*
Взрослели мы не по годам.
(33) Война. Фашист не пощадил и нашу деревеньку (…)

2.5. Концепт РОДИНА раскрывается не только через смысловые имена-вербализаторы, но через предикаты, содержащие его характеристики через действия и состояния. Нами обнаружены следующие единицы этого типа: *видеть; пройти; перетерпеть; за руку провела=поддержала; слышать; стоять вечно; уберечь (не сумела).*

Примеры:

(34) Как много ты [Родина] *прошла, перетерпела...*
Детей своих *за руку провела,*
Не всех вот только *уберечь* сумела:

Горька твоя любовь и тяжела.

Ты *видела* картины битв кровавых

И *слышала* лязг стали, визг свинца...

2.6. Репрезентация концепта РОДИНА представлена и через выражение личной связи автора с ключевыми лексемами-вербализаторами *Родина* и *родина*. Такая связь проявляется в определенных действиях и состояниях человека по отношению к РОДИНЕ (в обоих значениях), в его эмоционально-оценочных реакциях на вербализаторы-стимулы, в моральном атрибутировании концепта. Речь в данном случае идет о Я-сфере, образуемой лексическими репрезентантами со значением существования *(жить, сохранить, остаться; родиться, умереть, дышать* и др.*)*, физического восприятия *(видеть, слышать, чувствовать, запах* и др.*)*, эмоционально-чувственного и морально-ценностного восприятия природы, истории, культуры, прошлого и будущего своей большой и малой родины *(гордиться, верность, доблесть, чтить, праведная земля, светлый путь и др.)*. Единицами этой сферы выступают глаголы, существительные, прилагательные и наречия, слова категории состояния.

Примеры:

(35) Родились мы и *живем* в России

В *праведной земле* и *сильной.*

(36) Светит, как искра, смешинка в глазах.

В самых желанных своих мечтах

Я *чувствую,*

Родину чувствую!

(37) И запахи с полынною горчинкой

Впитались с детства с молоком...

(38) Народ *влюблён* в деревню нашу –

И это нам о многом говорит.

В результате анализа предикатов семантических полей к лексемам «малая родина» и «большая родина» в Я-сфере нами установлено, что предикатами к вербализаторам лексемы «малая родина», как правило, выступают слова со значением духовного, психоэмоционального, пассивного (созерцательного) действия / состояния: *гордиться, любить, наслаждаться, не забыть, слушать, верить, чувствовать,* например:

(39) На отчий дом и на деревню нашу

Я с упоением гляжу.

(40) Деревня наша, уголок родимый,

Теперь тебя я *чувствую* иначе:

От солнышка *кружится голова,*
От радости – я чуть не плачу.
(41) Уголок России – отчий дом,
Для души приятно все кругом.
(42) Я в России живу, и мне есть чем гордиться.
Живописный мой край, где берёзок полно,
Где поля золотые, и речка струится –
Необъятная даль, *где так сердцу мило́!*

Природа «малой родины» как субъект изображается подобно заботливой матери: она *утешает, приглашает, манит, лечит, птицы всегда придут на помощь* и т.д., ср.:

(43) Лес осеннею листвой разноцветною шуршит –
По грибы нас *приглашает* с тобой.
(44) Дорогие *просторы*
Лечат раны души.

Но и человек должен отвечать родной природе тем же: *любить* ее, *беречь, опекать.* Например:

(45) Должны с природой обходиться,
Как мы обходимся с детьми.
Любить ее просторы,
Ласкать все скалы, горы
И сладко утопать в тиши
Среди незасекреченной глуши.

Предикатами при вербализаторах лексемы «большая родина» являются слова, передающие значение целенаправленных волевых действий: *зажать кулак сильнее (за Путина), защищать, спасать, сохранять Отечество, творить, живя в нем, молиться за него.*

(46) Наш мир, печален и опасен,
Угрюм и очень зол,
Но будем верить мы в удачу
И нашу Родину *спасем.*

Вместе с тем в текстах встречаются предикаты Я-сферы, обозначающие недальновидные, иногда безответственные поступки, разрушительные действия людей по отношению к своей земле, природе: *сломать, уничтожать* и др. Авторы, как правило, негативно воспринимают подобное поведение, например:

(47) А как родник звенел водой хрустальной?
Какой красивый садик вырос тут?
Но вот построен комплекс, а оттуда
Все стоки хлынули в наш пруд.
Родник исчез под грудой ила,

Пруды наполнились *жижой…*

Казалась жизнь такой унылой…

Что сделалось с деревнею родной?

(48) Тихо и мирно в лесу мы [цветы] цвели,

Пока сюда люди к нам не пришли,

Что-то *сорвали,* что-то *сломали,*

А остальное просто *стоптали* (…).

Отсюда авторы делают вывод: необходимо хранить и беречь родную природу – свою мать, свой родной дом, мир, в котором живешь.

Итак, на основе проанализированного материала нами установлен определенный набор устойчивых содержательных признаков концепта РОДИНА. Для сравнения мы воспользовались перечнем, приведенным в обзоре [8, с.58-59], дополнив его ссылками на примеры из стихотворений наших авторов.

1) Родина – символ материнского начала, ср. пример (26);

2) Родина – символ связи с детством, со счастливыми воспоминаниями, ср. примеры (14-16);

3) Родина – широкое, необъятное пространство, ср. примеры (30, 44), а также:

(49) Для меня нет дороже,

(Хоть весь свет обойди),

Необъятного поля,

Василька синевы.

4) Родина – самая прекрасная для живущих на ней земля, ср. примеры (25, 49);

5) Родина – это богатая и изобильная земля, см. пример:

(50) И куда бы в России ни кинул я взор –

Это *наше богатство – родная земля!*

6) Родина – уникальная, не похожая ни на какую другую страну, см. пример:

(51) Страна родная и печальна,

Прекрасна, тиха и горда,

Порой жестока и коварна,

Но для меня она одна...

7) Родина – непобедимая страна, преодолевшая все невзгоды и победившая своих врагов, см. пример (34);

8) Родина – земля, вызывающая чувство гордости, ср. пример (42) и др., а также:

(52) Мы *гордимся* победою наших дедов –

Для потомков фашизм победили они.

9) Родина – это земля, к которой человек испытывает чувство иррациональной любви, см. пример:

(53) Счастья ждешь – и вот оно:
Я дышу, живу, играю,
Никогда не забываю,
Что *роднее стороны*
Не отыщем в мире мы.

(54) Уголок России – край родной,
Здесь *легко и сердцем и душой.*
И не зря *России нет родней,*
Я люблю ее еще сильней!

Добавим, что такая любовь предполагает верность родине, ср.:

(55) Я малую родину очень *люблю*
И *верен, как сын,* я ей буду всегда!

10) Родина – это многострадальная земля, ср. примеры (32, 33), а также:

(56) А *боль детей в земле застыла шрамом,*
Да инеем осталась на ветвях.

(57) И я уверена, что нет нигде:
Ни в городах других, ни в странах, –
Таких красот, что греются в душе,
Хоть *вся земля в глубоких ранах.*

11) Родина – это объект тоски, ностальгии для находящихся в чужой земле или, добавим, для тех, кто вынужденно расстается с малой родиной, см. пример:

(58) Стою в тиши, застыв от мысли,
Что *скоро дом покину я.*
Без родины я жизнь не мыслю.
Здесь мать, и брат, и все друзья.
(…)
Я *увезу с собою песни*
Любимой родины моей.
Нет для меня ее чудесней,
Нет для меня ее родней.

12) Вера в будущее родины, а также, добавим, в ее возрождение и процветание:

(59) Прекрасный город! *Расцветает*
Он с каждым годом зеленей.
Здесь дух истории витает…
Цвети, Елец, и молодей!

Кроме уже указанных в исследованном нами материале встречаются и дополнительные концептуальные признаки. Перечислим их.

13) Родина – это славная история, великое прошлое, ср. в примере (59): *Здесь дух истории витает*, а также:

(60) Он жил по Правде, *чтил преданья*
Заветов вещей старины.
Хранил в душе отцов сказанья
И вот дожил до седины…

14) Родина, природа – источник силы, гармонии и добра:

(61) Послушай зов своей родной природы –
Она *умеет сердце утешать…*
Одно её дыханье ветра
Прогонит прочь унынье, суету,
Откроет тайну нежного рассвета,
Покажет искренность, невинность, доброту…

15) Родина сильна любовью и милостью Бога, верой, молитвой, см. пример (27).

16) Родина – это люди, которые своим трудом и достижениями обеспечивают ее прошлое, настоящее и будущее, см. примеры (17-18) и (28-29).

17) Родина – это родной язык и культура, о чем свидетельствуют примеры (13), а также:

(62) Я счастлив, ведь в России я живу
И вижу речку, лес и поле вдалеке,
Закаты алые и неба синеву.
И говорю на русском языке.
Он *сказочно красив, приветлив и певуч,*
Ну, а порой, наоборот, *суровый.*
Он остр и мягок, немощен, могуч.
То как полынь он горький, то медовый.
На свете *языка богаче не сыскать.*
Люби и ты его всем сердцем и душой!
И, не таясь, хочу сейчас сказать:
Живи вовеки, *мой язык родной!*

Выводы и заключение

Проведенный нами анализ концепта РОДИНА в молодежном патриотическом дискурсе позволил прийти к следующим выводам.

1. Исследованный языковой материал показывает, что семантическим ядром концепта РОДИНА выступают две ключевые

лексемы: *родина (=малая родина)* и *Родина (=большая родина).* Этот вывод согласуется с опытом лексикографических описаний и выводами некоторых исследователей, хотя следует отметить, что такое распространенное значение слова «родина», как «место происхождения кого-л., возникновения чего-л.», фиксируемое толковыми словарями, в наших примерах не встречается.

2. Анализ вербализаторов обеих лексем показал, что бóльшее их количество (и по числу семантических полей, и по числу ассоциативных единиц) представлено по отношению к ключевой лексеме «малая родина». Всего таких вербализаторов насчитывается примерно 190 ед. в ядерной и 64 ед. в околоядерной зоне, т.е. в общей сложности более 250 ед. Количество семантических полей составляет 8 и 4 соответственно, т.е. в сумме 12. Ключевая лексема «большая родина» репрезентируется в 4 СП, а общее количество вербализаторов составляет около 60 ед.

Такое соотношение объясняется тем, что в языковом и культурном сознании юных поэтов актуализированы в первую очередь те смыслы, которые обусловлены имеющимся на момент авторства личным и социальным опытом: это семья и родственники, картины родной природы, наблюдаемая подростками жизнь родного села, поселка, города. По мере их взросления происходит эволюция концепта в их сознании, подобно тому, как она осуществлялась и в историческом опыте народа, а именно через накопление «концептуальных признаков в результате движения данного концепта от природно-этнического представления через этапы религиозно-этического и гражданского понятия о родине к идее национальной идентификации на основе национального языка, литературы, религии, истории» [8, с.56].

3. Общим семантическим полем для обоих ключевых репрезентантов выступает СП «память о Великой Отечественной войне, защита Родины», насчитывающее примерно 24 вербализатора, что свидетельствует о яркой актуализации в сознании молодых этого судьбоносного этапа и в локальной (семейной, местной), и в общей истории как существенного концептуального признака РОДИНЫ, а также о том, что судьба «малой родины» неразрывно связана с судьбой всей России.

4. Максимальное количество ассоциатов насчитывается в СП «семья, родственники, ближний круг» (~ 34 ед.), что связано с приоритетом ключевого репрезентанта «малая родина» и его вербализацией через соответствующие ассоциаты.

5. Многочисленными единицами представлены СП «природно-ландшафтные объекты малой родины» (~ 31 ед.), «фитонимы малой родины» (~ 31 ед.), «зоонимы малой родины: животные, птицы, рыбы, насекомые» (~ 32 ед.), «природные явления и состояния» (~ 29 ед.), что объясняется необходимостью раскрыть тему конкурсной номинации: «Среди полей, холмов, оврагов (поэзия о Родине)».

6. В целом полученные результаты подтверждают данные словарей синонимов русского языка (см., в частности: [10, с.160]), исследований, выполненных на материале «Национального корпуса русского языка» и «Русского ассоциативного словаря» (см. соответствующие ссылки в [8]). Однако при этом отмечается ряд дополнительных содержательных признаков концепта РОДИНА, актуализированных в сознании авторов «наивной поэзии»:

- Родина – это славная история, великое прошлое;
- Родина, природа – источник силы, гармонии и добра;
- Родина сильна любовью и милостью Бога, верой, молитвой;
- Родина – это люди, которые своим трудом и достижениями обеспечивают ее прошлое, настоящее и будущее;
- Родина – это родной язык и культура.

Итак, мы представили содержательное наполнение концепта РОДИНА в молодежном патриотическом дискурсе через описание его ключевых лексем и ассоциативных языковых вербализаторов, что позволяет судить о достаточно устойчивых актуализациях данного концепта в языковом сознании молодых носителей языка.

Литература

1. Арутюнова Н.Д. Дискурс // Лингвистический энциклопедический словарь; главный ред. В.Н. Ярцева. М.: Советская энциклопедия, 1990. С.136-137.
2. Гао Тянь, Гудков Д.Б. Концепты «родина» и «дом» в русском и китайском патриотическом дискурсе // Мир русского слова. 2018. №1. С.40-47.
3. Есмурзаева Ж.Б.. Родина // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 8. Волгоград: Парадигма, 2011. 328 с. С.39-54.
4. Игнатова Е.М. Родина // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 7. Волгоград: Парадигма, 2009. 334 с. С.93-108.

5. Карасик В.И. Этнокультурные типы институционального дискурса // Этнокультурная специфика речевой деятельности: сб. обзоров. М.: ИНИОН РАН, 2000. С. 37–64.
6. Кожанов Д.А. Родина // Антология концептов. Под ред. В.И. Карасика, И.А. Стернина. Том 4. Волгоград: Парадигма, 2006. 358 с. С.146-158.
7. Мансурова В.Д. Патриотический дискурс в сетевом пространстве СМИ // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2017. № 46. С.188-201.
8. Перевозникова А.К. Концепт «Родина» как составляющая национального образа России в русской языковой картине мира // Концепт: философия, религия, культура. 2019. №1(9). С.54-61.
9. Попова З.Д., Стернин И.А. Когнитивная лингвистика. М.: Восток-Запад, 2007. 314 с.
10. Приорова Е.М., Савченко Е.П., Фильчакова Е.М. Концепт «Родина» в английской и русской лингвокультурах // Филологические науки. Вопросы теории и практики. Тамбов: Грамота, 2018. №4 (82). Ч.1. С.159-163 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-rodina-v-angliyskoy-i-russkoy-lingvokulturah/viewer (Дата последнего обращения 26.02.2022).
11. Романова Т.В. Образ России по материалам ассоциативного эксперимента (моделирование и интерпретация) // Политическая лингвистика. 2014. №4 (50). С.76-81.
12. Степанов Ю.С. Константы. Словарь русской культуры: Опыт исследования. М.: Языки русской культуры, 1997. С. 40–43.
13. Церцвадзе М.Г. Концепт «Родина» в разносистемных языках // Вестник Челябинского государственного университета, 2014. №7 (336). Филология. Искусствоведение. Вып.89. С.217-220 [Электронный ресурс]. Режим доступа: https://cyberleninka.ru/article/n/kontsept-rodina-v-raznosistemnyh-yazykah/viewer (Дата последнего обращения 26.02.2022).

Гончарова Т.В.,
доцент, канд. филол. наук
Чудинова О.С.,
студент
Россия, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
педагогический университет
имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»

Goncharova T.V.,
Associate Professor, PhD in Philology
Chudinova O.S.,
student
Russia, Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University

ПРОВИНЦИАЛЬНЫЙ (ЛИПЕЦКИЙ) ТЕКСТ КАК ИСТОЧНИК ИЗУЧЕНИЯ ЛЕКСИКИ ПРАВОСЛАВИЯ

PROVINCIAL (LIPETSK) TEXT AS A SOURCE OF STUDYING THE VOCABULARY OF ORTHODOXY

Аннотация

В статье рассматривается роль библеизмов как проводников религиозно-философского видения мира, как условие преемственности национального опыта и становления личности в связи с традициями русской православной культуры в романе Г.Н. Рязанцева-Седогина, «Становящийся смысл», относящемся к Провинциальному (Липецкому) тексту русской литературы.

Abstract

The article examines the role of bibleisms in the corpus of the provincial (Lipetsk) text as a guide of the religious and philosophical vision of the world, a condition for the continuity of national experience and the formation of personality in connection with the traditions of Russian Orthodox culture in the novel by G.N. Ryazantsev-Sedogin, "The Emerging Meaning", referring to the provincial (Lipetsk) text of Russian literature.

Ключевые слова: библеизм; Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы; писатель Г.Н. Рязанцев-Седогин; Православие; ментальность.

Keywords: bibleisms; provincial text; Orthodoxy; G.N. Ryazantsev-Sedogin; mentality.

Прецедентный текст как особая литературная и языковая категория выступает в роли сильнейшего катализатора в процессе формирования филологической культуры языковой личности, вобравшей в себя как индивидуальные, так и коллективные, свойственные отдельной нации черты. Термин «прецедентный текст» впервые был заявлен во второй половине 80-х гг. XX века Ю.Н. Карауловым, который прецедентными назвал тексты, «значимые для... личности в познавательном и эмоциональном отношениях, имеющие сверхличностный характер, т.е. хорошо известные и широкому окружению данной личности, включая ее предшественников и современников», тексты, «обращение к которым возобновляется неоднократно в дискурсе данной языковой личности» [1, с.216]. Для Липецкой области такими текстами являются национально прецедентные тексты, созданные родившимися, жившими и/или бывавшими здесь писателями и поэтами, в связи с чем появляется особая категория литературного массива – Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы. (См. об этом: [5, с.4]).

Изучение Провинциальных текстов в современном языкознании возникает на фоне активно разрабатываемого в лингвистике последних годов направления анализа сверхтекстов (Петербургского, Московского, Киевского и других). В связи с этим в лингвистике возникла особая дисциплина – лингвистика сверхтекста. Заслуга выделения этой науки в особую дисциплинарную область изучения принадлежит коллективу ученых Липецкого государственного педагогического университета имени П.П. Семенова-Тян-Шанского [5, с.5].

Проблема изучения Провинциального текста напрямую связана с актуальными проблемами методики преподавания русского языка и литературы. Работа с текстами религиозной направленности оказывает «сильное влияние на формирование личности, на укрепление исторической преемственности поколений, сохранение и развитие языкового богатства, литературы и культуры России» [5, с.5].

Так как формирование гражданской идентичности является одним из основных положений современного ФГОС, изучение русского языка и литературы, созданной на его основе, становится приоритетной задачей образования, тогда как Провинциальные тексты следует рассматривать в качестве перспективного средства

достижения высоких результатов в этой области. Литература, вобравшая в себя сведения о родном крае, формирует понятие малой родины, отраженное еще и в прецедентных текстах региональной направленности, а также в Провинциальных текстах. Работа с такими литературными источниками поможет современным школьникам сохранить свою гражданскую, национальную и культурную идентичность, осознать высокую культурную ценность патриотизма и собственную сопричастность к жизни родной страны. Все это объясняет статус особой важности, которым характеризуется изучение прецедентных текстов региональной направленности как в области актуальных филологических направлений (лингвистика сверхтекста, лингвокультурология, когнитивная лингвистика и др.), так и в современной школьной методологии, в образовательном процессе.

В рамках корпусной лингвистики, активно развивающейся в отечественной филологии последних годов и характеризующейся составлением корпусов различных текстов, коллективом ученых Липецкого государственного педагогического университета был создан Корпус прецедентных текстов региональной направленности, составляющих Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы. Корпус включает в себя художественные, мемуарные, дневниковые тексты или фрагменты текстов русских писателей XIX–XXI вв., в которых упоминаются «липецкие» топонимы и антропонимы [5, с.6]. Эти тексты относятся к литературному наследию широкого ряда русских культурных деятелей, в своем творчестве писавших о Липецкой области. Это П.П. Семенов-Тян-Шанский, М.А. Стахович, Г.И. Успенский, Н.А. Задонский, В.Д. Ряховский и др. Полнота научного взгляда на корпус Провинциального текста достигается обращением к произведениям современных русских писателей, пишущих о родном крае (в частности, Г.Н. Рязанцева-Седогина, Т.П. Скрундзь, Б.Б. Бужора, Т.Ю. Щегловой, В.И. Самарина и др.) [5, с.7].

Осмысление специфики русского менталитета на материале обширного массива Провинциального текста невозможно без рассмотрения значимого для русской языковой картины миры вектора понимания и оценки действительности через призму православия. Наиболее заметно это при обращении к «религиозно маркированной» лексике внутри художественного текста – к библеизмам. В современной науке к библеизмам относятся не только отдельные слова, фразеологизмы, афоризмы библейского происхождения, которые приобрели переносные значения, но и любые более или менее устойчивые сочетания слов и отдельные слова, непосредственно и

опосредованно связанные с конкретными библейскими сюжетами и ситуациями, а также цитаты из Священного Писания с указанием на библейский источник (независимо от того, отражены они в словарях или нет) [4, с.5].

Библеизмы, благодаря исключительно емкой внутренней форме, наделены яркой образностью. Внутренняя форма фразеологических единиц, неотъемлемой частью которой являются библеизмы, «имеет в себе определенную ценностную ориентацию, закрепленную за ней надындивидуальным сознанием предшествующих поколений» [2, с.138-139].

Современный русский литературный язык имеет богатые традиции использования цитат из Библии в произведениях русской классической литературы [3, с.52]. Особое значение библеизмы получают в массиве Провинциального текста. Региональные прецедентные тексты оказывают сильное влияние на формирование личности, на укрепление исторической преемственности поколений, сохранение и развитие языкового богатства, литературы и культуры России. Осмысление Провинциального текста как вместилища особых черт русской ментальности и портрета языковой личности жителя региона позволяет говорить о маркировочной функции библеизмов, выявляющих нравственных и духовные доминанты в сознании носителя языка.

Корпус Провинциального (Липецкого) текста охватывает произведения не только классиков русской литературы и писателей прошлого, но и современников, в чьем творчестве Провинциальный текст приобретает оттенок духовного осмысления современности, критической оценки действительности. К числу подобных авторов, чьи работы представляют большой интерес с точки зрения изучения Провинциального (Липецкого) текста, относится Г.Н. Рязанцев-Седогин – современный поэт, прозаик и публицист, член Союза писателей России, член Литературного фонда России, лауреат литературной премии имени Евгения Замятина, протоирей.

В 2014 году вышел в свет роман Г.Н. Рязанцева-Седогина «Становящийся смысл», в основу сюжета которого положена жизнь священника, на протяжении 10 лет строившего храм. Процесс строительства на страницах романа превращается в цель всей жизни героя, гармонично сплетающуюся с судьбами других людей, оказавшихся причастными к возведению храма.

Главным героем романа становится священник Евгений Седогин. Будучи образованным, начитанным, проницательным и постоянно рефлексирующим человеком, он за плечами своими имеет учебу в

Литературном институте, духовной семинарии. С неизменным вниманием и трепетом Евгений продолжает изучение святоотеческой литературы и трудов религиозных философов; его внутренние монологи и дневниковые записи, которые он ведет для своего сына, свидетельствуют о глубоком понимании им текстов Священного Писания. Назначение его – «прикасаясь к людям и отдавая им часть Христовой любви», делать их церковью [6, с.59].

Роман насыщен религиозной лексикой, присутствие которой объясняется целым рядом причин. Во-первых, сам акт общения с паствой играет важную роль в жизни любого священника, и именно в религиозной проповеди наиболее ярко ощущается сила слова и его эмоционального, психологического воздействия. В церковном служении слово как один из основных инструментов деятельности священника несет в себе сакральное значение; речь Евгения Седогина, его внутренние монологи и диалоги с другими героями романа вбирают в себя обширное богатство лексики религиозного значения, обогащены библеизмами.

Во-вторых, Евгений Седогин отдает себе отчет в том, что между современным человеком и текстами Священного Писания исторически сложился своеобразный «языковой барьер»: значение многих слов, для христианской системы мировоззрения являющихся определяющими, разнится с современной их семантикой. Это объясняет включение в художественное полотно романа обширных монологов, чаще всего возникающих в виде писем к сыну, в которых главный герой предпринимает попытки объяснить смысл многих понятий, для русского религиозно-философского сознания играющих важнейшую роль (*церковь, благочестие, церковное сознание, благодать, истина, соборность, святость, таинство* и др.). Толчком к осмыслению и толкованию подобных слов в тексте романа, как правило, становятся эпизодические встречи с другими людьми и ключевые события, происходящие в жизни героя.

Само начало романа задает повествованию тон духовного осмысления истории Липецкого края в широкой временной парадигме – от прошлого к будущему. Образом прошлого, накопленного духовного опыта поколений становятся архивные записи о строительстве кафедрального собора Рождества Христова на Соборной площади, к которым герой обращается на первых страницах романа. В будущее устремлены надежды Седогина на возведение собственного храма Архистратига Михаила в Липецке. С настоящим тесно сплетены судьбы многочисленных героев романа, с которыми в процессе религиозного служения сталкивается Евгений Седогин: многие из них

ищут в религии ответы на волнующие их вопросы и указание на духовные, нравственные координаты, согласно которым необходимо выстраивать собственную жизнь.

Позволяет роману «Становящийся смысл» претендовать на статус задокументированной духовной истории Липецкой области не только предмет изображения – сюжет, центром которого является возведение храма, и библеизмы, неизменно встречающиеся на протяжении всего романа, но и отдельные вставки, отсылающие читателя к текстам Священного Писания и трудам религиозных философов.

Так, например, Г. Рязанцев-Седогин обращается к творчеству русского философа-богослова XIX века А.С. Хомякова, о чем свидетельствует прямая цитация из его книги «Церковь одна». Взятый фрагмент религиозно-философского труда в художественном полотне романа выступает не просто в качестве цитаты, но как отправная точка внутренних размышлений самого героя; впечатление чужого языка не создается, цитата порождает процесс творения индивидуального слова, продуктом которого становятся мысли главного героя, появляющиеся на последних страницах романа, в заключительной беседе с сыном: «Церковь, явившаяся в конце истории человечества, есть великая тайна Творца! И тайна эта теперь разгадана вполне, можно с уверенностью сказать – мир создан ради Церкви. <…> Вера (героиня романа) поняла это и пошла в этот возвышенный мир аскезы, отречения от привязанностей и страстей для жизни вечной. Чем больше нельзя, тем больше человек…» [6, с.347].

В романе Г.Н. Рязанцева-Седогина впервые совершается опыт художественного осмысления истории Православия в Липецком крае. В этой книге представлены, прежде всего, библеизмы, связанные с Липецким краем и являющиеся отражением духовной жизни народа и его национальной памяти, а также региональные топонимы и антропонимы [5, с.235]. Библеизмы в составе художественного полотна романа выступают в роли проводников высоких нравственных и религиозных идей, принадлежащих герою повествования и самому автору.

Весь пласт библеизмов, представленных в тексте романа, можно разделить на несколько основных семантических групп:

1) названия религиозных построек (*храм, церковь, кафедральный собор, собор, монастырь, лавра, скит*);

2) обозначения частей православного храма (*престол, предел, трапезная, алтарь, колокольня, клирос*);

3) названия книг священного писания (*Евангелие, Псалтирь, акафист, Апостол*);

4) обозначения лиц, чей род деятельности связан с религиозным служением (*епископ, протоиерей, священник, батюшка, диакон, монахиня, подвижница, владыка, инокиня, настоятель, митрополит, отец-секретарь, архиерей, требный, служащий, архимандрит, исповедник, иерей, схимонахиня, матушка, схиигуменья*);

5) агионимы, т.е. названия храмов, монастырей (*храм Преображения Господня, кафедральный собор Рождества Христова (Христорождественский собор), Вознесенская церковь, Задонский монастырь, Кривополянский храм, Михайло-Архангельский храм, храм Пророка Предтечи, храм Живоносного источника, Троице-Сергиева лавра, Киево-Печерская лавра, Воронежский монастырь*);

6) имена святых *(Николай Чудотворец, Силуан Афонский, Феофан Затворник*);

7) названия икон (*Смоленская икона Божией Матери Одигитрии, Воздвижение Животворящего Креста Господня, икона Пресвятой Богородицы, Иверская икона Божией Матери, икона Божией Матери Экономиссы, икона Живоносного Источника Божией Матери*);

8) названия символических атрибутов православного храма и богослужения (*икона, распятие, дароносица со Святыми Дарами, венцы, крест, просфора, кадило, ладан, рушник, требник, аналой, жертвенник, свечной ящик*);

9) предметы одежды православных служителей (*епитрахиль, подрясник, рясофор*);

10) слова, обозначающие обряды и таинства, проводимые православной церковью (*крещение, венчание, литургия, утреня, панихида, исповедь, постриг, заупокойная лития, проповедь, молитва*);

11) православные праздники (*неделя стояния Марии Египетской, Пасха, Антипасха, Радоница*).

Церковнославянский язык, «величавая лаконичность и выразительность которого как нельзя более соответствовали духу молитвы и священнодействия» [6, с.19], звучит в тексте романа как язык молитвенного богослужения: «Отче наш», «Верую», «Да воскреснет Бог!», «Миром Господу помолимся», «Господи и Владыко живота моего…», отрывки из чтений ветхозаветных пророчеств.

Через обращение к библейским первоисточникам прослеживаются нравственные доминанты героев романа, согласно которым те выстраивают свою жизнь и которыми мотивируют свои главные поступки в кризисные минуты и в ситуациях выбора. Текст

романа насыщен понятиями, исключительно важными для русского религиозно-философского сознания (*церковь, благочестие, молитва, церковное сознание, благодать, истина, соборность, святость, таинство* и др.), в монологических главах, оформленных в виде писем к сыну, и в диалогах с другими героями романа дается попытка глубокого осмысления и анализа этих представлений, пропущенных через призму национального сознания. На основе этих суждений можно выстроить полноценную картину мира, свойственную русскому религиозному сознанию, где центром всего выступает Бог, и задача человека заключается в необходимости осмысления и укрепления связей с Ним. Внутренний мир конкретных героев Провинциального текста выступает проводником к пониманию менталитета всего русского народа, так как транслирует универсальные национальные доминанты. Так, например, специфическое отражение находит проблема соотнесения добра и зла, понимаемая в русле религиозно-национального самосознания: «… Бог сложен, а диавол прост. Потому что изначально человеческая природа была ближе к Богу, а после грехопадения все изменилось. Человеческая природа стала ближе к диаволу, чем к Богу. Зло укоренилось в человеке, пустило ростки. И чтобы понять и принять Бога, человеку надо сделать над собой усилие…» [6, с.176]. Русское сознание мыслит православными категориями, в связи с чем библеизмы в произведении Провинциального текста становятся своего рода ключом к пониманию национальной ментальности.

Библеизмы становятся универсальным средством отражения и осмысления действительности: в тексте романа они встречаются при обращении автора к различным аспектам жизни, даже таким трудным, как смерть ближнего («Я молился вдохновенно и спокойно. Творилась подлинная тайна и таинство. Логос, Слово, Сам Спаситель участвовал, погружаясь во ад человеческого существования, не оставляя его в самые трагические минуты жизни» [6, с.198]).

Библеизмы в Провинциальном (Липецком) тексте выступают не просто средством выражения оригинальных идей, свойственных людям Липецкого края, а источником понимания всей национальной картины мира, осмысляемой через единство человека с Богом и строящейся на религиозно-философских категориях. Посредством библеизмов осуществляется преемственность специфического народного знания, формирование нравственного стержня, возможное благодаря заключенным внутри библеизмов представлениям о высокой нравственности, долге, истинных ценностях.

Особую роль библеизмов (как семантическую, так и художественную) на уроках русского родного языка можно рассмотреть на примере анализа выразительной роли библеизмов в одной из заключительных глав романа – главе «Сыну» [6, с.318-323]. Художественную ценность отрывка представляет сложное единство религиозной лексики и публицистической, подчас научной. Ниже представлена система разработанных заданий, позволяющих включить роман «Становящийся смысл», представляющий собой произведение Провинциального (Липецкого) текста, в программу курса «Русский родной язык» в старших классах общеобразовательной школы.

Задание №1. Прочитайте отрывок из романа липецкого писателя Г.Н. Рязанцева-Седогина «Становящийся смысл». Заполните таблицу, вписав слова из текста.

Примеры публицистической и научной лексики	*Примеры религиозной лексики (библеизмов)*

Примечание. При работе с представленным отрывком ученики могут выделить следующие слова и выражения, относящиеся к публицистическому и научному стилю: *философ, сознание, рассудок, разум, бытие, маргинальная структура, механизм современной культуры, демифологизация, самосознание, интеллигент, факт, ретрансляция, цивилизация, реформы, общество, революция, юридический, демократический* и др.

К словам, обслуживающим религиозную сторону жизни, могут быть отнесены: *Божье творение, истина Христова, добродетель, священник, христианская свобода, крещение России, христианская страна, спасительный путь, христианские начала жизни, Закон Божий, христианский закон, христианство, религия* и т.д.

Задание №2. Чем объясняется обращение автора к таким, на первый взгляд, полярным пластам лексики? Выражению какой основной идеи служит это лексическое единство? Найдите подтверждение в тексте.

Примечание. Данное задание нацелено на развитие стилистического чутья современного школьника. Религиозная лексика, будучи носительницей сакральных, высоких смыслов, служит выражением общекультурных, общечеловеческих доминант. В единстве языка прогресса и духовной культуры и кроется патетика предложенного к анализу отрывка, основной идейный смысл которого можно было бы выразить в предложении: *«Россия через образование,*

через знание и понимание своего назначения должна стать великой демократической страной, которая бы гармонично сочетала в себе два закона: закон юридический, государственный и Закон Божий, закон христианства».

Представленные выше задания служат формированию лингвокультурологической компетенции и выявляют большой потенциал Провинциального (Липецкого) текста как материала, к которому современный учитель-словесник может обратиться при планировании уроков по русскому родному языку.

Разработанные задания позволяют говорить о высоком потенциале включения в курс изучения русского родного языка произведений Провинциального (Липецкого) текста, рассмотрение которого служит цели сформировать у современного школьника лингвокультурологическую компетенцию, закрепленную в ФГОС.

Литература

1. Караулов Ю.Н. Русский язык и языковая личность / Отв. ред. Д.Н. Шмелев; АН СССР, Отд-ние лит. и яз. Москва: Наука, 1987. 261 с.
2. Латина О.В. Идиомы и экспрессивная функция языка // Человеческий фактор в языке: Языковые механизмы экспрессивности / В.Н. Телия, Т.А. Графова, А.М. Шахнарович и др.; Отв. ред. В.Н. Телия; АН СССР, Ин-т языкознания. Москва: Наука, 1991. 214 с.
3. Попова Е.А. Библеизмы в произведениях художественной литературы // Материалы по славянской письменности и культуре. Вып. 13. Липецк: ЛГПИ, 1994. С.51-633.
4. Прибытько Е.Н. Библеизмы в языке современных газет: Автореферат дис. ... кандидата филологических наук: 10.02.01. Воронеж: Воронеж. гос. ун-т., 2002. 20 с.
5. Провинциальный (Липецкий) текст русской литературы: корпус прецедентных текстов региональной направленности. Второй выпуск. Учебное пособие / Научные редакторы: Т.В. Гончарова, И.П. Черноусова. Отв. редактор Е.А. Попова. Липецк: Липецк-Плюс, 2020. 662 с.
6. Рязанцев-Седогин Г.Н. Становящийся смысл. Роман. Москва: ИПО «У Никитских ворот», 2014. 352 с.

Качалова С.М.,
доцент, канд. пед. наук,
Россия, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»

Kachalova S.M.,
Associate Professor, Phd in Pedagogy
Lipetsk State Technical University

О ЗАИМСТВОВАНИИ СЛОВ В РУССКОМ ЯЗЫКЕ

ABOUT BORROWING WORDS IN RUSSIAN

Аннотация

В статье исследуется процесс заимствования иноязычных слов русским языком. Рассматриваются разные периоды освоения иноязычной лексики – заимствования из греческого, латинского, немецкого, французского и других языков, указываются признаки заимствованных слов. Делается вывод о необходимости учета особенностей иноязычных слов в процессе их заимствования.

Abstract

The article examines the process of borrowing foreign words by the Russian language. Different periods of mastering foreign language vocabulary are considered – borrowings from Greek, Latin, German, French and other languages, signs of borrowed words are indicated. It is concluded that it is necessary to take into account the peculiarities of foreign words in the process of borrowing them.

Ключевые слова: заимствования; русский язык; лексика; социум; дефиниция.

Keywords: borrowings; Russian language; vocabulary; society; definition.

Современный русский язык в своем развитии претерпел значительные изменения, его словарный состав постоянно изменялся: одни слова возникали в языке, другие, напротив, исчезали. На разных временных этапах лексика русского языка пополнялась словами, заимствованными из разных языков. Первая волна заимствований

началась еще в VIII—XII вв. в результате взаимодействия различных языков и культур. В это время русский язык осваивал слова, пришедшие из скандинавских языков (шведского, норвежского) [3, с.124]. В первую очередь это были слова, связанные с морской деятельностью, такие как *вира, клеймо, тиун.* Также в этот период активно заимствуются слова из финно-угорских языков, это слова и выражения, которые активно использовались в жизни народов, промышляющих рыбной ловлей, в связи с чем среди заимствований из этой языковой группы очень много слов, обозначающих разновидности рыб.

Большое значение в развитии русского языка имел греческий язык. Благодаря торговым связям с Болгарией и Византией греческие элементы, заимствованные этими странами вместе с распространением христианства, начали пополнять лексику нашего языка начиная с VI в., а с принятием христианства Русью процесс заимствования греческих слов усилился из-за того, что русские переписчики переводили греческие, болгарские и византийские православные тексты на русский язык и в тех случаях, когда не могли найти замену тому или иному понятию в нашем языке, оставляли в текстах иностранные слова, которые таким образом заимствовались и осваивались русским языком [5, с.72].

Греческий язык стал «донором» таких кажущихся привычными для современного русского человека, но, тем не менее, являющихся заимствованными слов, как *алфавит, грамматика, история, филология.* Многие слова были заимствованы потому, что были напрямую связаны с новой религией, а стало быть, не имели аналогов в русском языке того времени: *ангел, алтарь, антихрист, елей, евангелие, лампада, монастырь, протоиерей* и прочие [2, с.10]. Нужно заметить, что в русском языке того времени не могло быть начального «а», так что все слова, в которых эта буква стоит в начале слова, являются заимствованными из греческого языка. Также признаком заимствования является наличие начального «ф», удвоенных букв, кроме «жж», буквосочетаний «пс», «кс» и подобных, использование корней -авто-, -логос-, -фото-, -термо-, -теле-, -био-, -гео-, -гелио-, -аэро-, -фило-, -фоно- и прочие [8, с.289].

Одновременно с греческим языком на лексику русского языка стал оказывать большое влияние и латинский язык. Многие слова, обозначающие научные и технические явления, либо целиком заимствованы из латинского языка, либо названы с использованием латинских и греческих корней и приставок. Так, например, латинизмами являются слова *диктатура, республика, экономика,*

конституция, зоология, телевизор и т.д. Признаками латинизмов выступают следующие явления в словах: начальные буквы «ц» и «э»: *цемент, цезий, эра;* конечные -ус и -ум: *корпус, цитрус, ультиматум;* использование на конце слова сочетаний -ент, -ор, -тор, -ция: *директор, контингент, коррупция;* наличие приставок ультра- экс- экстра- контр-: *ультрамодный, экстраординарный, контр-адмирал* [1, с.178].

Примером слов, образованных впоследствии с использованием латинских либо греческих корней, является, в частности, слово «космонавт», образованное от двух латинских корней: kosmos, что означает «Вселенная», и nautes, дословно переводящегося как «плаватель», то есть буквально – «вселенноплаватель» [4, с.222].

Еще одна большая волна заимствований произошла под влиянием тюркизмов, заимствованных из тюркского языка во время татаро-монгольского нашествия в период XII – XV вв. Для таких слов характерен сингармонизм, то есть уподобление в слове гласных звуков. Многие из этих слов современные люди используют, совершенно искренне полагая, что они являются исконно русскими: *сарафан, карандаш, караул* и др.

Огромное влияние на развитие русского языка оказали и заимствования из старославянского, или, как его иначе называют, церковнославянского языка. Это был язык христианских переводных книг, на нем не разговаривали, то есть был он целиком и полностью языком письменным. Тем не менее, оказавшись под влиянием восточнославянского языка, старославянский и сам, в свою очередь, оказал воздействие на народную разговорную речь. В частности, во многих летописных источниках можно отметить случаи, когда в текстах смешивались слова из этих родственных языков. Среди старославянизмов, заимствованных русским языком, выделяются следующие группы:

1) слова, которые пришли из общеславянского языка, для которых характерны варианты полногласия и неполногласия: *злато (золото),глава (голова, вран (ворон), врата (ворота)* и прочие;

2) старославянизмы, не имеющие созвучных аналогов в русском языке: *очи, рамена, перст* **(**в русском языке – *глаза, плечи, палец*);

3) семантические старославянизмы, представляющие те лексемы, которые в старославянском языке имели другое значение: *бог, жертва, блуд.*

Новая волна заимствований началась в конце XVI – в начале XVII века. В этот период начались заимствования из европейских языков под влиянием геополитических процессов и ориентации

нашей страны на европейскую ментальность и культуру. Процесс ускорился во время правления Петра I, который активно преобразовывал все стороны российской жизни. Будучи ориентированным на европейские стандарты в сфере административных, военных, образовательных, научных вопросов, Петр I способствовал тому, что все эти сферы активно пополнялись новыми словами, заимствованными из голландского и немецкого языков. Так, например, из немецкого языка были заимствованы и успешно усвоены такие слова, как *контора, прейскурант, лагерь, офицер, штопор, бутерброд, шахта, локон* и другие. Признаком заимствования слов из немецкого языка является наличие таких элементов, как буквосочетания «чт шт хт шп фт»: *почта, штраф, фрахт, шпроты, ландшафт;* слова с начальной буквой «ц»: *цинк, цитра;* использование сложных слов без соединительной гласной: *лейтмотив, мундштук* [7, с.186].

Из голландского языка в наш язык пришли слова *рейд, флаг* и другие.

Огромное влияние оказала на русский язык лексика, заимствованная в XVIII веке из французского языка. В этот период дело доходило до того, что представители светского общества русского языка не знали вовсе, обходясь знанием только французского языка. Так, например, характеризуя «русскую душой» Татьяну Ларину, свою любимую героиню, Пушкин упоминал, что «она по-русски плохо знала… и изъяснялася с трудом на языке своем родном». А Л.Н. Толстой, описывая светское общество времен войны с Наполеоном, вообще целые главы приводит на французском языке, передавая речь представителей дворянства, которые общаются только по-французски, несмотря на то что родная страна в это время находится в состоянии войны с Францией. Такие слова, как *салон, капитан, корнет, корпус, сеанс, вуаль* и многие другие пришли в наш язык именно в тот период из французского языка. Признаками заимствования слов из французского языка являются следующие: наличие ударения на последнем слоге: *медальо́н, мармела́д, жалюзи́;* наличие конечных букв «а», «о», «е», «и», «у» в неизменяемых словах: *драже, манто, пюре, шасси, зебу;* наличие буквосочетания уа: *вуаль;* сочетания «бю, вю, кю, ню, пю, рю, фю: *бювар, маникюр, кюре, купюра, пюпитр, фюзеляж;* использование буквосочетаний «ам, ан, ен, он: *антракт, контроль, партизан;* наличие на конце слова сочетаний «-аж, -яж, -анс, -ант, -ер»: *корсаж, ренессанс, гарант, инженер, курьер, кабинет, кадет.*

Благодаря посредничеству французского языка нашим языком были освоены и слова, заимствованные первоначально из итальянского языка: *карбонарий, кавалер, карнавал, шарлатан, барокко, контральто, контрабас* и прочие.

Таким образом, можно заметить, что наиболее благоприятными периодами ускорения процесса заимствований в нашем языке являются времена, когда активно осуществляются социальные, культурные, технические изменения в жизни русского социума: провоцирующими факторами становятся утверждение христианства на Руси, затем татаро-монгольское иго, осуществление петровских реформ, революционное движение, процесс перестройки общества.

Так, например, начиная с конца 80-х годов XX века русский язык обогащается огромным количеством заимствованных слов. При этом можно назвать несколько причин, которые обусловили данный процесс:

а) возникновение иных реалий, предметов и понятий в социальной жизни: *адвертология, пиар, эргономика;*

б) потребность наименования предметов и явлений, имеющихся и до этого в реалиях социума, но не имеющих дефиниции: *рэкет, лобби* и прочие;

в) возникновение новых слов, которые заменяют номинации, ранее именовавшие соответствующие реалии с помощью словосочетаний: *паблисити (известность, приобретенная с помощью рекламы и пиара), мотель (гостиница для автотуристов), флайер (рекламный листок), фристайл (скоростной спуск с горы)* и прочие;

г) возникновение лексем, которые поднимают в глазах представителей общества статус какого-либо явления или учреждения: *дебаты (спор), ремикс (новое исполнение известной мелодии), аудит (проверка)* и прочие;

д) появление новых слов, заимствованных из других языков, которые обозначают явления, до этого отсутствовавшие в нашей русской культуре и бытности: *суши, браузер, офшор.*

Нужно заметить, что новые семантические явления всегда возникают в языке с целью дать наименование какому-либо ранее не существовавшему в языке и культуре понятию либо явлению. В современный период вместе с активным возникновением новых явлений действительности создается все больше новых слов, причем в других языках, а русским языком они заимствуются. В частности, не так давно в наш язык пришли такие слова, как *инаугурация, саммит,*

пиар, брокер, бестселлер, сервер, кастинг и прочие.

Подавляющее количество заимствований в последнее десятилетие осуществляется благодаря активному развитию науки и техники, изменению экономических и производственных реалий, возникновению новых явлений культуры. Чем интенсивнее развивается наука, тем быстрее слова, обозначающие новые понятия и явления, осваиваются языком, теряют новизну и входят в активный словарный запас членов общества. То есть при постоянном использовании слов, их актуальности для сознания и быта членов социума процесс освоения заимствованных слов протекает ускоренными темпами. Такие заимствования, как *офис, рейтинг, шоумен, клипмейкер* и прочие уже воспринимаются как практически освоенные русским языком слова. При этом в процессе заимствования слова в русском языке либо начинают функционировать по тем образцам, которые уже освоены русским языком в случаях заимствований других слов, например, *автобаза, кинорелиз,* либо осваиваются целиком, так, как используются в языке-доноре, либо подвергаются семантическим изменениям. Для нормирования использования заимствованных слов в русском языке важно учитывать особенности употребления таких слов.

Литература

1. Зацепина Е.А., Рудинова Ю.И., Бойченко О.А. Семантические группы заимствованных слов в современном русском языке // Современная наука: актуальные проблемы теории и практики. Серия: Гуманитарные науки. 2020. № 5. С. 177-179.
2. Кокина И.А., Мамыркина Анна. О проблеме заимствований в русском языке // Молодой ученый. 2016. № 7.4 (111.4). С. 9-11. [Электронный ресурс] URL: https://moluch.ru/archive/111/28219/ (Дата последнего обращения: 28.04.2022).
3. Самарцев В. Влияние заимствованных слов на русский язык // Актуальные исследования в сфере гуманитарного знания: Сборник научных трудов по материалам III студенческой научно-практической конференции по гуманитарным дисциплинам. Кинель, 2017. С. 123-127.
4. Селимова Г.А. Заимствованные слова в русском языке // Научные исследования и образование. 2015. №1 (19). С. 221-224.
5. Сечнев С.А. Стилистическая адаптация заимствованных слов в русском языке // Вестник Омского государственного педагогического университета. Гуманитарные исследования. 2019.

№1 (22). С. 70-74.
6. Талип У., Еркибаева Г.Г. Процесс пополнения русского языка заимствованными словами // Bonum Initium. 2019. № 10 (18). С. 100-105.
7. Тань И. Заимствованные слова сферы политики и их понимание носителями русского языка (на примере слова «импичмент») // Вестник Челябинского государственного университета. 2018. № 6 (416). С. 185-190.
8. Татевосян А.В., Поляничев А.Д., Чеботарёв К.Д. Проблема использования заимствованных слов в русском языке // Язык и этнос в пространстве диалога культур: Материалы I Всероссийской студенческой научно-практической интернет-конференции / Под редакцией С.В. Гусаренко, Ф.Р. Одековой, И.Б. Аванесян, Н.В. Головко, О.С. Горобец, В.В. Милославской, И.А. Орден, Е.П. Поповой, Н.В. Протасовой, Д.В. Шейко. 2019. С. 288-292.

Попова Е.А.,
профессор, д-р филол. наук
Россия, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный
педагогический университет имени П.П. Семенова-Тян-Шанского»
Щепкина П.В.,
ученица
Россия, МБОУ гимназия №19 им. Н.З. Поповичевой г. Липецка

Popova E.A.,
Professor, Doctor of Philology
Russia, Lipetsk Semenov-Tyan-Shan State Pedagogical University
Shchepkina P.V.,
pupil
Russia, Lipetsk Grammar School No 19 named after
N.Z. Popovicheva

ЦЕРКОВНОСЛАВЯНСКАЯ ЛЕКСИКА В «ТОЛКОВОМ СЛОВАРЕ ЖИВОГО ВЕЛИКОРУССКОГО ЯЗЫКА» В.И. ДАЛЯ КАК ОТРАЖЕНИЕ КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКОЙ ПРАВОСЛАВНОЙ ТРАДИЦИИ

CHURCH SLAVIC VOCABULARY IN “EXPLANATORY DICTIONARY OF THE LIVING GREAT RUSSIAN LANGUAGE” BY V.I. DAHL AS A REFLECTION OF THE ORTHODOX TRADITION OF SAINT CYRIL AND SAINT METHODIUS

Аннотация

В статье рассматриваются церковнославянизмы, вошедшие в «Толковый словарь живого великорусского языка» В. Даля. Уникальность этого словаря заключается в том, что в нем зафиксированы народные представления, стоящие за понятиями, обозначаемыми церковнославянизмами, большое количество производных, многие из которых употребляются в русских народных говорах, пословицы, поговорки, народные приметы, в состав которых входят церковнославянизмы. Всё это свидетельствует о том, что церковнославянизмы стали неотъемлемой частью русской лингвокультуры и языкового сознания нашего народа.

Abstract

The article deals with Church Slavonicisms included in “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language” by V. Dahl. The uniqueness of this dictionary lies in the fact that it contains folk ideas behind the concepts denoted by Church Slavonicisms, a large number of derivatives, many of which are used in Russian folk dialects, proverbs, sayings, folk signs, which include Church Slavonicisms. All this indicates that Church Slavonicisms have become an integral part of the Russian linguistic culture and the linguistic consciousness of our people.

Ключевые слова: кирилло-мефодиевская традиция, В.И. Даль, «Толковый словарь живого великорусского языка», церковнославянизмы.

Keywords: tradition of saint Cyril and saint Methodius, V.I. Dahl, “Explanatory Dictionary of the Living Great Russian Language”, Church Slavonicisms.

Письменность, появившаяся на Руси после принятия ею христианства в 988 г., – это один из важнейших результатов миссии Кирилла и Мефодия, которая началась в IX в. в Моравии, а потом продолжилась в Болгарии их учениками. Именно в Болгарии последователи славянских первоучителей создали азбуку, названную в честь Кирилла кириллицей и лежащую в основе русского алфавита. И русский язык, и русская культура в целом представляют собой отражение кирилло-мефодиевской традиции. Русский литературный язык формировался под сильным влиянием старославянского языка. Как заметил Д.С. Лихачев, «русский литературный язык образовался из <…> “межнационального общения” русского просторечия с высоким, торжественным староболгарским (церковно-славянским) языком» [5, с.203].

Старославянский язык обогатил русский как стилистически окрашенными книжными словами с абстрактной семантикой (*благо, добродетель, единство, милосердие, спасение, воскресение, просвещение, человеколюбие* и др.), так и словами стилистически нейтральными, которые часто употребляются в повседневной речи (*сладкий, время, младенец, овощ, помощь, здравствуй, страна, работа, юный* и др.). Влияние старославянского языка на русский связано и с совершенной техникой образования новых слов: огромное количество слов нашего языка или является словообразовательными старославянизмами, или образовано с помощью старославянских приставок и суффиксов по старославянским словообразовательным моделям. Вот только некоторые из старославянских приставок и

суффиксов: ***пре-*** (*премудрый*, *преклонить*), ***пред-*** (*предлагать*, *преднамеренный*), ***воз-*** **(*вос-*)** (*вознестись*, *восславить*, *воспевать*), ***со-*** (*соратник*, *соединение*), ***раз-*** **(*рас-*)** (*разум*, *разбить*, *расплести*)**, *из-*** **(*ис-*)** (*измучить, источник*), ***-тель*** (*учитель*, *читатель*), ***-знь*** (*жизнь*, *болезнь*), ***-ств-*** **(*-есть-*)** (*братство*, *человечество*), ***-ость*** (*бодрость*, *верность*), ***-ес-*** (*чудеса*, *небеса*), ***-анij-, -енij-, -нij-, -ij-*** (*мышление*, *влияние*, *бытие*, *давление*), ***-айш-*** **(*-ейш-*)** (*глубочайший*, *мудрейший*), ***-ущ-*** **(*-ющ-*)**, ***-ащ-*** **(*-ящ-*)** (*думающий*, *любящий*, *режущий*) и др.

Неотъемлемой частью русской языковой культуры стали старославянские фразеологизмы (библеизмы): *зарыть талант в землю*, *метать бисер перед свиньями*, *нет пророка в своем отечестве*, *в поте лица*, *всемирный потоп*, *козел отпущения*, *колосс на глиняных ногах*, *на сон грядущий*, *злачное место*, *святая святых*, *не хлебом единым*, *блудный сын*, *бросать камень*, *взявшие меч – мечом погибнут*, *внести свою лепту*, *волк в овечьей шкуре*, *запретный плод*, *злоба дня*, *ложь во спасение*, *манна небесная*, *умывать руки*, *точно (словно) пелена с глаз упала* и др. К настоящему времени создано большое количество словарей библеизмов [см. 4; 6]. Так, в рецензии на «Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов» К.Н. Дубровиной, который представляет собой одно из наиболее полных собраний русских фразеологизмов, по своему происхождению восходящих к Библии, О.В. Никитин отмечает: «В настоящее время происходит ее (библейской фразеологии – Е.П., П.Щ.) переосмысление и включение в круг социальных приоритетов уже XXI века. Значит, библейская фразеология вечна. Поэтому изучение и правильное понимание такого важного пласта духовной словесной культуры есть неотъемлемый компонент образованного человека, который должен помнить и беречь наше общее филологическое прошлое» [7, с.115].

Бóльшая часть русских личных имен, являющихся по происхождению греческими, латинскими или древнееврейскими, пришла к нам после крещения Руси, а старославянский язык выступал как язык-посредник. Это такие имена, как *Мария*, *Иван*, *Анна*, *Андрей*, *Михаил*, *Елена*, *Нина*, *Анастасия*, *Елизавета*, *Кирилл*, *Константин*, *Даниил*, *Виктор*, *Александр*, *Алексей*, *Татьяна*, *Сергей*, *Евгений*, *Валентин*, *Леонид*, *Дмитрий*, *Василий, Павел*, *Петр*, *Екатерина*, *Ирина*, *София*, *Вера*, *Надежда*, *Любовь*, *Юлия*, *Анатолий*, *Георгий*, *Юрий*, *Галина*, *Ксения*, *Николай, Матвей* и десятки других.

Со времен М.В. Ломоносова за церковнославянизмами «законодательно» закрепилась роль языковых средств, возвышающих текст. Достаточно вспомнить стихотворение А.С. Пушкина «Пророк», почти целиком состоящее из церковнославянизмов. Там, где

необходим высокий слог, без церковнославянской лексики и фразеологии не обойтись и сейчас. Таким образом, церковнославянизмы – неотъемлемая часть русского языка. Язык, созданный Кириллом и Мефодием для переводов греческих богослужебных книг на понятный для славян язык, вошел в плоть и кровь русского языка, став его органической частью.

Церковнославянская лексика в русском языке – это отражение кирилло-мефодиевской православной традиции. Рассмотрим, как представлен этот пласт языка в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля.

Хотя Словарь В.И. Даля является энциклопедией жизни русского народа XIX века, но в нем, помимо большого количества слов, относящихся к лексике ограниченного употребления (профессионализмов, диалектизмов), есть много общенародных книжных слов, в числе которых есть и церковнославянизмы; толкование их значений автор, как правило, сопровождает пометами *церк.* (церковное), *стар.* (старинное). Однако толкование церковнославянизмов у Даля часто не ограничивается традиционным церковным значением, как, например, в известном ему «Словаре церковнославянского и русского языка» (1847), а совмещает его с народными представлениями, в том числе автор обязательно приводит пословицы и поговорки, в состав которых входит данный церковнославянизм. Ярким примером сказанному является статья, посвященная слову *аминь*, которым заканчивается православная молитва:

«**АМИНЬ** нар. *церк.* истинно, воистину, подлинно, верно и крепко. Народ обратил *аминь* в существит., разумея либо молитву, либо конец дела. *Аминь, аминь, рассыпься,* говор. нечистой силе. *Аминь человека спасает. Аминем великие дела вершат. Аминь дело вершит. Аминь письмом не велик, да дело вершит. Одно слово – аминь, а святые дела вершит. Аминем квашни не замесишь: молитву твори, да муку клади. Аминем дела не вершить,* т.е. одними словами, обещаниями. *Аминь тому делу: всему делу аминь,* конец. *Знает аминь и татарин,* в молитвах. *Не скажешь аминь, так и выпить не дадим,* без молитвы. *Аминь, аминь – а головой в овин,* распутный ханжа. *От аминя не прибудет. Аминем беса не избудешь. Под аминь пришел,* под конец дела. *Задать кому аминь,* порешить, уничтожить. *Рассыпался, будто клад от аминя,* вещь в глазах пропала. *Молись да крестись: тут тебе и аминь. Есть ли кому аминь отдать, есть ли кто в избе,* раскольн. *Аминь, да не ходи один,* строгий запрет, наказ» [2, с.14].

Как видно из приведенной статьи, Даль обращает внимание на то, как воспринимается это слово народным сознанием, и приводит ряд пословиц, во многих из которых выражено как положительное (*Аминь человека спасает. Аминем великие дела вершат. Аминь дело вершит* и др.), так и отрицательное отношение к аминю (*От аминя не прибудет. Аминем беса не избудешь* и др.).

Отличительным признаком церковнославянизмов является неполногласие (*благо, младенец, прах, страна, брег, глава, млеко* и др.). Интересными для анализа являются словарные статьи, посвященные словам *благий (благой)* и *благовеличие*. В статье *благий (благой)* Даль выделяет два противоположных значения, которые образовались у данного слова, причем значение с отрицательной оценкой – это народное переосмысление этого слова: «**БЛАГИЙ или *благо́й***, выражает два противоположных качества: церк. стар., а частию и ныне: добрый, хороший, путный, полезный, добродетельный, доблестный; || в просторечии же: *благо́й*, злой, сердитый, упрямый, упорный, своенравный, неугомонный, беспокойный, дурной, тяжелый, неудобный. *Никто же благ, токмо един Бог*, Мтф. Лк. *Это благой совет*. *Избери благую часть, иди благим путем правды. Благая жизнь на земле сулит благое спасение. <...> У худой головы не благо (не болого) и ногам. <...> Начало благо, и конец потребен. Путному каналу благой конец. <...> С Богом пойдешь, до благого дойдешь. (к добру путь, добрый путь найдешь). Благое тебя побери*, смл. брань. *Это такой благой* (злой) *человек, что к нему и приступу нет. Лошадь благая, берегись, убьет. <...> Лучше с добрым потерять, чем с благим найти. Худая сбруя – благой выезд,* плохая снасть отдохнуть не даст. *<...> Это у нас благой, он ничего не смыслит,* малоумный. *Кричать благим матом,* отчаянно, изо всех сил. (От *благой*, добрый – сложилось слово блаженный; от *благой*, дурной – блажной)» [2, с.90].

В эту же словарную статью Даль помещает слова *благо* («добро; все доброе, полезное, служащее к нашему счастью» [2, с.90]), *благость* («высшая степень любви и милосердия; соединение всех добродетелей» [2, с.91]), *благостыня* («как принадлежность человека: благодетельность, милосердие на деле; об имуществе: подарок, гостинец, подачка, награда, жалованье, содержание; все получаемое низшим от высшего, бедным от богатого, все жалуемое» [2, с.91]), а также большое количество диалектизмов: *благо́нько, благова́то арх*. *благо́шко* («дурно, плохо, неудобно, гов. особ. о пути, дороге» [2, с.91]), *блага́ть* кого *юж. зап*. («ублажать, угождать; умолять, упрашивать» [2, с.91]), *благовни́к* м. *благовни́ца* ж. *твр*., *благу́н, -нья вят*. *благо́шка* об. («баловник, проказник, шалун; || благой, по

народному понятию, *блажной и блаженный*, помешанный, малоумный, дурачок» [2, с.91]) и др.

В конце этой статьи автор делает такое примечание: «В сложн. речениях *благо* сохраняет значение *добра*; они б. ч. тяжеловаты, а здесь собраны в одну статью» [2, с.91]. Речь идет о статье *благовеличие,* в которую Даль пометил 297 слов с первым корнем *благ-* (они занимают в словаре девять с половиной столбцов), большинство из которых в настоящее время относится к устаревшей лексике: *благовеличие* («благое, доброе величие» [2, с.91]), *благовидный, благообразный* («видный, казистый, красивый, пригожий, приятной наружности» [2, с.91]), *благовествование* («возвещение кому радости, сообщение радостной вести; проповедование истинной веры» [2, с.91]), *благодавец* («податель благ, благодатель, благодетель» [2, с.92]), *благоволение* («доброжелательство, благосклонность, доброхотство, доброрадство; одобрение, изъявление удовольствия, признательности» [2, с.91]), *благовоние* («благоухание, душистость, приятный дух, пахучий, ароматный» [2, с.91]), *благовоспитанность* («качество, свойство хорошо воспитанного человека» [2, с.91]), *благовест* («звон в один (средний) колокол, для извещения о службе в церкви» [2, с.91]), *благодарение* («действие благодарящего, изъявление спасиба, признательности» [2, с.92]), *благолепие* («внешняя красота; великолепие, богатое убранство, украшение» [2, с.92]), *благомужественный* («воин, доблестный, добродетельный и неустрашимый» [2, с.92]), *благоплодие* («обилие плодов, хлеба, урожай» [2, с.93]), *благосоюзный* («связанный с чем прочно, по добру, добром» [2, с.94]), *благоспасительный* («несомненно добром спасающий» [2, с.94]), *благочестивый* («по истине почитающий Бога, богобоязненный, строго блюдущий законы, заповеди Господни; о деле: основанный на благочестии» [2, с.95]), *благоугодливый* («в высшей степени угодливый и притом на благо, на добро» [2, с.95]), *благоузаконить* («положить добрые основания законному, правильному устройству чего; установить прочный порядок» [2, с.94]), *благоумильный* («снисходительный, жалостливый, сострадательный, милосердный» [2, с.94]), *благоутробие* («доброта сердца, милосердие, благодушие» [2, с.95]), *благохвалить* («воздавать высшую похвалу благому» [2, с.95]), *благохваление* («великая и должная хвала» [2, с.95]), *благоцветный* («услаждающий угодным цветом и красотою» [2, с.95]), *благоязычие* («красноречие» [2, с.95]), *благоязычный* («красноречивый» [2, с.95]) и др. Почти все слова из этой статьи имеют положительную оценочность. Очень подробная информация дается о слове *Благовещение*, которое в одном из значений является

названием церковного двунадесятого праздника. Даль дает сведения о народных представлениях, связанных с данным праздником, приводит большое количество народных примет: «по народному поверью, самый большой праздник на небесах и на земле; грешников <...> в аду не мучат, птица гнезда не вьет; кукушка за то без гнезда, что завила его на Благовещение <...> *Каково Благовещение проведешь, таково и весь год*. <...> *Крота Бог ослепил за то, что он копал землю на Благовещенье. В какой день недели Благовещенье, в тот, во весь год, никакого дела не начинать*. <...> *Не дуй на Благовещенье огня, не будет головня*, в пшенице. <...> *Каково Благовещение, такова и Светлая*. <...> *Коли в Благовещение снег на крышах, то на Егорья будет еще в поле*.<...> *На Благовещенье мороз, урожай на огурцы. На Благовещенье дождь, родится рожь. Мокрое Благовещенье, грибное лето. <...> Благовещение без ласточек, холодная весна*» [2, с.91]. Первая часть *благо-* в сложных словах тоже один из признаков церковнославянизмов.

Если посмотреть толковые словари русского языка, изданные после Октябрьской революции, то мы увидим, что количество слов с первой частью *благо-* сильно сократилось. Так, «Толковый словарь русского языка» под редакцией Д.Н. Ушакова приводит 107 слов с этим корнем [см. 9], а «Словарь русского языка» под редакцией А.П. Евгеньевой – 126 слов [см. 8]. Переход в пассивный запас большого количества слов с первой частью *благо-* является негативным процессом не только для языка, но и для его носителей, общества в целом, так как с исчезновением этих слов из активного запаса языка и лексикона русской языковой личности утрачиваются и стоящие за этими словами понятия, связанные с добром.

Еще одним признаком церковнославянизмов является начальное *е* (*елень, езеро, един* и др.). В словарных статьях Даль указывает на старое церковное происхождение слов *езеро*, *елень, есень*: «**ЕЗЕРО**, езерный, езерский црк. и стар. о́зеро, озе́рный, озерско́й» [2, с.517]; «**ЕЛЕНЬ** об. ***еленица*** ж. црк. и стар. олень и оленица, самец и самка оленя. <…> *Елень быстра, не коню сестра.* ***Еле́нец*** м. большой жук с оленьими рогами, вернее емка́ми <…>» [2, с.518]; «**ЕСЕНЬ** ж. црк. и *ряз*. осень. ***Есенний***, осенний. ***Есенясь*** *тмб*. прошлою осенью» [2, с.522]. Автор словаря приводит паремии, в которых используются данные слова, а также диалектизмы, при этом слово *есень* характерно как для церковной литературы, так и для диалектов. Фамилия уроженца Рязанщины – русского поэта Сергея Есенина – образована от слова *есень*, свойственного рязанским говорам.

Интересной для анализа является статья *Христос,* в которой приводится большое количество производных – 51 слово, большая часть из них являются сложными (*христарадничать, христарадник, христарадница, христовы-онучи, христовник, христовская, христовушка, христосики, христосоваться, христоносный, христоносец, христопоборный, христопоборник, христослав, христославец, христославщик* и др.).

«**ХРИСТОС** м. Иисус Христос, Богочеловек, Сын Божий, Господь во плоти. *Вольно Христу добро доспеть*. *Христа-ради невест не выдают (не отдают)*: отв. навязчивой свахе, которая упрашивает. ***Христара́дничать***, просить милостыни, подаяния ради Христа, побираться Христовым именем, нищенствовать, ходить с сумою, по миру. <...> ***Христовское*** яйцо, первое, полученное на Пасху, христосуясь; оно тушит пожар (поверье). <...> ***Христовщина, –щинский*** *толк*, раскольники, избирающие среди себя представителей: Христа, Богородицы, апостолов, и еще старую девку, св. Пятницу. <...> ***Христосоваться***, ***–саться***, целоваться радостно по трижды со встречными, на праздник Пасхи, приветствуя словами: *Христос воскрес!* на что тот отвечает: *воистину воскрес!* <...> ***Христоборный***, – ***наступный***, – ***ненавистный***, что относится до сопротивленья Христу и ученью Его. ***–борец***, ***–наступник, –ненавистник***, противник Христу. *Христонаступник Пугачев, заняв столицу Берды, сел на церковный престол, слышав, что царь сидит на престоле*. <...> – ***поборный*** и ***поборник***, застоя, ратоборствующий за веру Христову. <...> ***–славщик*** *сиб*. кто, в праздн. Рожд. Христова, ходит по домам славить Христа» [3, с.565].

Многие из производных к слову *Христос* употребляются в народных говорах: *Христовы-онучи ряз*. («в день Вознесенья пекут дрочену, блинцы и лесенки, пируют в леске на воле, и покидают там дрочену на снедь Христу» [3, с.565]), *христовник кстр*. («праздничная одежда, кафтан, шелковый сарафан и пр.» [3, с.565]), *Христовушка* об. *влгд*. («милый, сердечный, болезный, дорогой мой» [3, с.565]), *христосики тул. кур*. («обувь Христова человека, лапотки» [3, с.565]) и др. Ряд диалектизмов из этой статьи сопровождается информацией энциклопедического характера.

В. Даль не обошел вниманием и создателя старославянской азбуки – святого Кирилла. Названное в честь него величайшее творение – кириллица – упоминается в статье, посвященной слову *азбука*: «**АЗБУКА** ж. Алфавит, абевега, стар. буквица; собрание в порядке всех письмен, букв какой-либо грамоты; *азбука славянская* собств. буквица, кириллица для отличия от глаголицы» [2, с.7].

В своей речи «О русском словаре», прочитанной в обществе любителей Российской словесности в 1860 г., В.И. Даль отметил, что из «Толкового словаря живого великорусского языка» «церковный язык наш исключен; но приняты все выражения его, вошедшие в состав живого языка, также обиходные названья предметов веры и церкви. И славянских слов встречаем мы несколько в речи народной, особенно с малорусского, а затем и на самом севере и северо-востоке» [1, с.XXXVIII]. Церковнославянизмы, которые Даль включил в свой словарь, являясь продолжением кирилло-мефодиевской традиции, составляют неотъемлемую часть языка русского народа, о чем свидетельствуют народные представления, стоящие за понятиями, обозначаемыми этими словами, большое количество производных, многие из которых употребляются в народных говорах, то есть являются диалектизмами, пословицы, поговорки, приметы, в состав которых входят церковнославянизмы.

Литература

1. Даль В. О русском словаре // Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. М.: Рус. яз., 1989. С.XXXVIII–XLVIII.
2. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 1: А – З. М.: Рус. яз., 1989. 699 с.
3. Даль В. Толковый словарь живого великорусского языка: Т. 1-4. Т. 4: Р – V. М.: Рус. яз., 1991. 683 с.
4. Дубровина К.Н. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов. М.: Флинта: Наука, 2010. 808 с.
5. Лихачев Д.С. Русская культура в современном мире // Лихачев Д.С. Избранные труды по русской и мировой культуре. СПб.: СПбГУП, 2006. С 191-207.
6. Мокиенко В.М., Лилич Г.А., Трофимкина О.И. Толковый словарь библейских выражений и слов: ок. 2000 единиц. М.: АСТ: Астрель, 2010. 639 с.
7. Никитин О.В. К.Н. Дубровина. Энциклопедический словарь библейских фразеологизмов // Русская речь. 2011. №6. С. 112-115.
8. Словарь русского языка: В 4 т. / Под ред. А.П. Евгеньевой. 2-е изд., испр. и доп. Т. 1. А – Й. М.: Рус. яз., 1981. 698 с.
9. Толковый словарь русского языка: В 3 т. Т. 1. А – М / Под ред. проф. Д.Н. Ушакова. М.: Вече, Мир книги. 704 с.

Заридзе Г.В.,
протоиерей, д-р теологии
Россия, Межрегиональная просветительская общественная организация «Объединение православных ученых»

Zaridze G.V.,
Archpriest, Doctor of Theology
Russia, chairman of the Interregional Public Educational Organization
"Association of Orthodox Christian Scholars"

СОХРАНЕНИЕ ТРАДИЦИЙ И КУЛЬТУРНЫХ ИННОВАЦИЙ КАК ПУТЬ ВОССТАНОВЛЕНИЯ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОЙ ИДЕНТИЧНОСТИ НАШЕГО НАРОДА

PRESERVING TRADITIONS AND CULTURAL INNOVATIONS AS A METHOD OF RECOVERY OF SPIRITUAL AND MORAL IDENTITY OF OUR PEOPLE

Аннотация

Автор данной статьи рассматривает понятия «национальная идентичность, духовно-нравственная идентичность» с точки зрения традиционных национальных ценностей, стержнем которых является православная духовность русского народа. Также оценивается роль рассматриваемых форм идентичности в становлении и развитии современного общества.

Abstract

The author of this article is examining the concept of national identity, spiritual and moral identity from the standpoint of traditional national values, the core of which is Orthodox Christian spirituality of Russian people. Also the role of considered forms of identity in formation and development of modern society is estimated.

Ключевые слова: национальная идентичность; духовно-нравственная идентичность; традиции; православная духовность.

Key words: national identity; spiritual and moral identity; traditions; Orthodox Christian spirituality.

«Без высшей идеи не может существовать ни человек, ни нация», – говорил великий русский писатель Ф.М. Достоевский. В России основой формирования духовно-нравственных принципов в сознании народа являлись принципы христианского вероисповедания. Они и были фундаментом для функционирования общества, взаимодействия между людьми и государством, осознания человеком себя как личности и своего места в мире, формирования национальной идентичности.

«В российской академической традиции слово идентичность иногда заменяется на самосознание (См.: [8]), однако едва ли эти два понятия являются полностью синонимичными. Термином идентичность обозначают чувство человека, выражающее его сопринадлежность к какой-либо группе, тождественность с ее членами. Тогда национальная идентичность – это чувство сопринадлежности человека к определенному государству или нации, разделяемое с группой людей независимо от гражданства индивида. Другая терминологическая сложность, неизбежно возникающая при рассуждении о России, касается соотношения слов русский и российский. Мы исходим из того, что эти термины не должны противопоставляться, а должны друг друга дополнять... В разговоре о нациестроительстве, государстве, политике предпочтительнее слово российский, поскольку исторически Россия – многонациональная страна. В разговоре о культуре, языке и традициях предпочтительнее слово русский – именно русская культура является системообразующей для всех населяющих Россию народов» [6, с.8-9].

В основы национальной идентичности входят установившееся особенности национальной культуры, духовно-нравственные ценности и традиции, религия. Как отмечал в 1918 году выдающийся российский ученый и политик, академик Российской академии наук П.Б. Струве, «нация конструируется и создается национальным сознанием».

Изначально на Руси духовно-просветительскими центрами являлись монастыри, где велась летопись исторических событий, велась духовная, образовательная и просветительская деятельность. Петр I провел реформы, в результате которых Церковь лишилась возможности влиять на образовательный процесс в Российском государстве. Была создана бюрократическая система образования, и школы перешли в подчинение государственным ведомствам, в задачу

которых входила подготовка специалистов для потребностей государства. Создаваемая система светского прагматического образования была результатом перехода на систему обучения, принятую в странах Запада. Новая для России форма образования не учитывала ни национальные особенности, ни традиционные ценности народов России. Происходила глобальная перестройка как в обучении, так и во взаимоотношениях между людьми, между различными слоями общества и народами, проживающими в то время в нашей стране. Доминирующее влияние европейской культуры привело к подражанию европейской системе жизни, и население стало терять свою национальную российскую идентичность. Как пишет З.В. Смирнова, «реформы Петра I создали три проблемы:

1) пренебрежительное отношение к своему наследию, к своим корням и традициям; 2) преувеличение роли Европы в становлении российской экономики; 3) создание в России культурной элиты, «и образованием, и идеями, связанной с европейской цивилизацией» [7, с.83].

Результатом реформ XVIII в. стало то, что православие перестало быть доминирующей основой образования и роль Церкви, как посредника между государством и обществом утратила свое значение. Когда Церковь фактически ушла в сторону от процесса обучения и воспитания, люди перестали быть православно просвещенными, православно воспитанными. Наша русская культура стала деформироваться под влиянием идей европейского Просвещения. Сформировалась идея нового типа отношения к жизни – рационализм, который проникает и в образование, и в науку, и в образ жизни и становится фактором разрушения духовных основ национальной идентичности нашего народа.

Таким образом происходил процесс потери национальных основ обучения и воспитания, что привело в дальнейшем к вольнодумству, потери патриотичности, преданности Родине и императору и, в итоге, к революционному перевороту 1917 года.

Сергей Караганов, д.и.н., почетный председатель Президиума СВОП, выступая на Ассамблее Совета по внешней и оборонной политике, сказал: «Конечно, главная проблема современной российской идентичности или ее отсутствия – трагическая российская история XX века, когда над народом был совершен безбожный эксперимент, а большинство ему не воспротивилось. Когда уничтожались вера, совесть, честь, человеческое достоинство, чувство сопричастности с великой историей и его носители –

священнослужители, аристократия, интеллигенция, трудовое крестьянство. По сути, все лучшее и лучшие» [3].

В результате кровавого переворота были уничтожены миллионы людей и, теперь уже не только духовные, но и морально-нравственные традиционные национальные нормы российского общества.

В эпоху Советского государства многие традиционные для нашего народа нормы были восстановлены. Это и любовь к Родине, патриотизм, дружелюбие, взаимовыручка, но события 90-х годов XX в. фактически поставили нашу страну в зависимость от западных стран с соответствующей подменой понятий нравственности и морали.

Мы и сейчас видим, как педагоги и некоторые государственные деятели пытаются найти на Западе некие откровения в философии, общественной жизни, государственном устройстве, экономике. Но с позиции общечеловеческого развития становится понятно, что Европа деградирует, что те «ценности», которые она пытается агрессивно пропагандировать (ЛГБТ, педофилия, гомосексуализм, инцест, эвтаназия и др.) в противовес традиционным национальным ценностям, могут являться только разрушителями нормальной человеческой жизни и ведут к закату человеческой цивилизации на Земле – это тенденции, которые должны разрушить само существование людей на этой планете.

Кроме того, мы видим, что развернута большая деятельность по дискредитации нашего народа, основанная на чувстве меркантилизма, политической ревности и огромного желания забрать, разделить и использовать наши территории. Выдвигается теория несправедливого обладания огромными природными ресурсами одним государством – Россией. Целью выступлений многих зарубежных лидеров является искажение интеллектуального, духовного, нравственного облика нашего народа, негативная интерпретация, искажение или явное забвение исторических фактов, нивелирование вклада российских деятелей науки и культуры в развитие мировой цивилизации.

Подменяются и стираются традиционные для российского народа понятия совести, чести, достоинства. Размышления о смерти, о своей душе, о своем духовном развитие считаются в современном мире ненужными, у человека не должно быть высшей цели и смысла жизни. Человек должен стремиться только к удовлетворению своих потребностей, обслуживанию своих страстей и похотей. Т.е. материальные и физиологические потребности должны порабощать сознание человека и не давать ему выйти из подчинения следованию их удовлетворения. Поэтому понятия честности, справедливости, дружелюбия, сострадания теряются, меняется базисное нравственное

основание. С потерей религиозного сознания и религиозного воспитания меняется духовная основа человека, вместо нее предлагается суррогат общечеловеческих современных ценностей. Это колоссальная проблема. И если мы сейчас не сумеем уврачевать эту проблему, не поможем разобраться нашим ближним, родственникам, детям, воспитанникам воспринять те традиционные духовные ценности российского народа, то наше государство будет деформировано. Президент России В.В. Путин отмечает, что это колоссальная необходимость, духовный принцип, это то основание, на котором должно строиться существование нашей страны.

Кроме того, необходимо бережное сохранение исторической памяти нашего народа, потеря которой может стать одним из факторов кризиса идентичности российского народа, когда происходит отказ от национальных символов, идеалов, миссии национального государства. Нам сейчас пытаются навязать понятия о вине нашего народа, который якобы оккупировал многие страны после Великой Отечественной войны, забывая о реальной роли Советского Союза в разгроме фашизма. Пытаются вместо чувства национальной гордости привить комплекс вины за принадлежность к российскому народу. К сожалению, в современных учебных заведениях есть случаи, когда День Победы запрещают публично праздновать, считая его теперь «только домашним праздником», «мемом», а флаг и гимн России – «поддержкой войны» и т.п.

Другим фактором разрушения национальной идентичности народа является глобализация, которая подразумевает воспитание «граждан мира» в интересах транснациональных корпораций. Эти люди, подвергающие сомнению такие основополагающие для любой нации ценности, как патриотизм, Родина, гражданство, национальный суверенитет и т.д. – ценности, которые и являются основой единства народа.

Как пишет доктор социологических наук, профессор кафедры социологии международных отношений социологического факультета МГУ имени М.В. Ломоносова В.В. Кочетков, «глобализация лишает человека привычных, устойчивых ориентиров. Стирается грань между близким и далеким, важным и не важным. Современные средства массовой информации и мобильной связи облегчают доступ к информации. Легкость, с которой мы оперируем информацией, превращает ее в мусор. Массовыми становятся миграции. Тот факт, что количество контактов в современном мире растет, а идентичность невозможно поддерживать без участия других людей, дало основание Бергеру и Лукману утверждать, что в постиндустриальном обществе

будет преобладать «извне ориентированная» личность. Достижимость надежной идентичности и возможность ее возникновения вообще станут проблематичными, а «отказ от идентичности» является единственно правильным поведением человека. Как писал И. Гофман, люди ведут себя, как актеры: «Я такой, каким вы меня хотите видеть» [4, с.151].

В этом случае для человека нравственно все, что приносит материальное вознаграждение в любой точке мира, с духовными ценностями своего народа его уже ничто не связывает.

Отношение к семейным традиционным ценностям (любовь, терпение, послушание, смирение, жертвенность) было заложено к духовной культуре нашего народа на основе библейских заповедей. Рождение детей в браке воспринималось как благословение Божие этого союза, и ребенок воспитывался в христианских традициях и вере.

В наше время семьи с детьми в европейских странах подвергают жесткому контролю со стороны ювенальной юстиции. Те, кто решается родить ребенка, оказываются связанными нитями паутины различных законов, которые не дают правильно воспитывать детей, не разрешают применять традиционные методы воспитания, обязывают потакать прихотям и капризам ребенка, предоставляя ему возможность «свободного» развития. Вырастает поколение детей, которое плохо относится к родителям, эти дети асоциальны. Это позиционируется в подростково-молодежной среде как норма, одобряемое поведение. Кроме того, европейское образование, которое зашло в тупик, еще и не дает им развиться интеллектуально так, как дети развивались раньше. Ювенальная юстиция является мощным фактором деградации института семьи путем подрыва традиционных основ семейных взаимоотношений на основе авторитета старшего поколения и послушания детей, что разрушает возможность преемственности поколений и сохранение национального сознания в соответствии с традициями и верой предыдущих поколений.

Несмотря на то что с VIII по XX век шло активное разрушение духовного самосознания народа, в нашей стране сохраняется преемственность воспитания. Сохраняется преемственность тех нравственных основ, которые утрачиваются в процессе секуляризации общества и стремления к доминированию западного образа жизни над традиционными устоями жизни российского общества, основанными на позициях православного мировоззрения.

Плоды духовного воспитания – благотворительность, милосердие и сострадание, честь, совесть, долг, справедливость, любовь к Родине,

мужество, жертвенность – были и остаются традиционными для нашего народа ценностями.

В наше время можно заметить возрождение благотворительности, когда люди откликаются на чужие проблемы, страдания и из бескорыстного чувства сострадания и милосердия помогают в лечении больным людям, людям, попавшим в трудные жизненные ситуации, людей, которые не имеют социального устройства. Многие люди считают необходимым совершать добрые дела Христа ради, дела, которые можно назвать морально-нравственно обусловленными. В Священном Писании сказано: «Благотворящий бедному дает взаймы Господу, и Он воздаст ему за благодеяния его» (Притч. 19,17). «Ничто столько не уподобляет человека Богу, как благотворение» (авва Евагрий) [1, с.149]. Творить, делать человеку благо – это делать то, что хотел бы Бог. По мнению священников Марфо-Мариинской обители, «благотворительность по своей сути – это понятие нравственное, потому что она показывает связь с причиной твоего бытия, т.е. с Богом. Нравственность есть у человека, но ее нет у животных. Благотворительность исходит из духовности человека, … его отношения к Богу. … Благотворительность может быть и внешней, чисто языческой: из тщеславия, из желания показать себя…» [2, с.137]. Все зависит от духовности человека.

Благотворительность, как социальное явление общества, была связана как с пожертвованиями простых людей, так и членов императорских семей и различных благотворительных обществ.

В начале XX в. благотворительность в России переживала пик своего развития. На каждые 100 тысяч жителей Европейской части России приходилось 6 благотворительных учреждений. По данным на 1900 г., 82% благотворительных заведений были созданы и состояли под патронатом частных лиц, затем следовали сословные заведения (8%), городские (7%), земские (2%). Всего в 1902 г. в Российской империи было зарегистрировано 11040 благотворительных учреждений (в 1897 г. – 3,5 тысячи), 19108 приходских попечительских советов. Через эти учреждения получали помощь 2,5 млн человек [5, с.52]. К 1900 г. только в Москве производилось больше пожертвований, чем в Париже, Берлине и Вене вместе взятых [10, с.260].

В 1910 г. состоялся первый всероссийский Съезд русских деятелей по общественному и частному призрению, который констатировал, что 75% средств на благотворительные цели формировались из частных добровольных пожертвований и лишь 25% поступали от государства. По самым приблизительным подсчетам, в

стране ежегодно раздавалось в виде милостыни не менее 27 миллионов рублей. После революции 1917 г. изменилось отношение к благотворительности на государственном уровне. Все средства общественных и частных благотворительных организаций были в короткие сроки национализированы, их имущество передано государству, а сами организации упразднены специальными декретами. В Большой советской энциклопедии благотворительность трактовалась как «явление, свойственное лишь классовому обществу», тогда как «социальному строю СССР чуждо понятие благотворительности» [9, с.133].

Наша задача – возродить в душах молодого поколения нравственные чувства милосердия и сострадания, тогда вернется потребность бескорыстно творить добро своему ближнему, что всегда являлось базовой ценностью и духовной традицией христианского мира.

Потому для сохранения духовно-нравственной идентичности российского народа, нашего национального самосознания необходимо, чтобы в вузах начали преподавать предмет «Основы духовно-нравственной культуры», а культурные инновации наполнить духовно-нравственным содержанием. Необходимо восстановить духовную связь людей с историей нашего государства, с его традиционными духовно-нравственными ценностями, достижениями в области науки, культуры, искусства, духовного просвещения, чтобы каждый гражданин нашей страны понимал роль и значение народа России в формировании мировой системы ценностей. Именно это может и должно послужить восстановлению национального самосознания российского народа, определению путей развития страны на основе традиционных национальных ценностей, стержнем которых является православная духовность русского народа.

Литература

1. Великие мысли, кратко реченные: более 4000 изречений святых отцов и учителей Церкви (для желающих усовершенствоваться и удалиться от греха). СПб.: «Общество святителя Василия Великого», 2006. 576 с.
2. Власова А.В. Благотворительность Русской Православной Церкви в исследовательской практике дореволюционного периода // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. №4 (19). История. Вып. 29. С.134-139.

3. Караганов С.А. Зачем нужна национальная идентичность // РИА Новости. 01.03.2020 // [Электронный ресурс] URL: https://ria.ru/20130819/957213227.html (дата последнего обращения 25.04.2022).
4. Кочетков В.В. Национальная и этническая идентичность в современном мире // Вестник Московского университета. Сер. 18. Социология и политология. 2012. № 2. С. 144-161.
5. Максимов Е.Д. Очерк исторического развития и современного положения общественного призрения в России // Общественное и частное призрение в России. СПб., 1907. 68 с.
6. Национальная идентичность и будущее России. Доклад Международного дискуссионного клуба «Валдай». М., 2014. 71 с. // [Электронный ресурс] URL: http://vid1.rian.ru/ig/valdai/doklad_identichnost_RUS_ISBN.pdf (Дата последнего обращения 20.03.2022).
7. Смирнова З.В. Русская мысль первой половины XIX в. и проблема исторической трагедии // Вопросы философии. 1995. № 9. С.95-105. Цит. по: Панина Л.Ю. Государственная образовательная политика в период Петровских реформ // Берегиня 777 Сова. 2022. №1(52). С. 83.
8. Тишков В.А. Российский народ: история и смысл национального самосознания. СПб.: Наука, 2013. 655 с.
9. Фирсов М.Н. История социальной работы в России: уч.. пос. для студ. высш. учеб. заведений. М.: Гуманит. изд. центр ВЛАДОС, 2001. 256 с.
10. Шарапов С., Улыбышева М. Бедность и богатство. Православная этика предпринимательства. М.: Ковчег, 2011. 320 с.

Разбейко Н.В.,
ст. преподаватель
Донецкая Народная Республика, ГОУ ВПО «Донецкая академия управления и государственной службы при Главе Донецкой Народной Республики»

Razbeyko N.V.,
Senior Lecturer,
Donetsk People's Republic, Donetsk Academy of engagement and Public Administration under the Head of Donetsk People's Republic

ДУХОВНО-НРАВСТВЕННЫЕ ЦЕННОСТИ В КОНТЕКСТЕ НАЦИОНАЛЬНОЙ БЕЗОПАСНОСТИ

SPIRITUAL AND MORAL VALUES IN THE CONTEXT OF NATIONAL SECURITY

Аннотация

Проанализирован Проект Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 30 декабря 2021 г. [5]. Предложено разработать Федеральный закон «О традиционных российских духовно-нравственных ценностях», где рекомендуется предусмотреть ответственность для государственных органов за отказ от поддержки таких ценностей или препятствование их осуществлению.

Abstract

The project of the Foundations of the preservation of traditional spiritual and moral values is analyzed. It is proposed to develop a federal law "On traditional Russian spiritual and moral values", which provides for responsibility for refusing to support such values or obstructing them.

Ключевые слова: духовно-нравственные ценности; национальная безопасность; стратегия; проект Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей.

Keywords: spiritual and moral values, national security, strategy, On the approval of the Fundamentals of State Policy for the Preservation and Strengthening of Traditional Russian Spiritual and Moral Values (project).

Традиционные духовно-нравственные ценности всегда служили ориентиром для человечества, поэтому они зафиксированы и описаны во многих религиях. При изучении зарубежной прессы [6, 7] и нормативно-правовых актов ЕС [8] приходится констатировать не только снижение ценности самой нравственности в целом ряде обществ, но и закрепление на государственном уровне в 21 стране ЕС таких юридических норм, которые вступают в очевидное противоречие с христианскими заповедями.

Между тем разрушение духовно-нравственного фундамента общества применительно к России является угрозой национальной безопасности в понимании пункта 5 статьи 5 Стратегии национальной безопасности (далее по тексту – Стратегия) [4]. Так, в Стратегии указано, что угроза национальной безопасности – совокупность условий и факторов, создающих прямую или косвенную возможность причинения ущерба национальным интересам Российской Федерации. Кроме христиан, в России проживают мусульмане, религией которых, например, запрещены однополые браки. Если Россия будет поддерживать нетрадиционные ценности, то возможны конфликты на религиозной почве с участием мусульман, которые выступают против однополых браков. Именно по этой причине создается угроза национальной безопасности страны.

В нашу задачу входит исследование традиционных духовно-нравственных ценностей как способа поддержания национальной безопасности. Объект нашего исследования – общественные отношения в сфере национальной безопасности по поводу использования духовно-нравственных ценностей. Предметом исследования являются традиционные духовно-нравственные ценности. Будем исходить из гипотезы, что традиционные духовно-нравственные ценности способны обеспечить национальную безопасность России.

В перечень национальных интересов РФ включено укрепление традиционных российских духовно-нравственных ценностей (статья 25, пункт 7 Стратегии). В.Н. Гуляихин, О.Е. Андрющенко, П.П. Фантров, Е.В. Галкина исследовали вопросы оценки общественных факторов, оказывающих воздействие на формирование ценностного компонента политического сознания молодежи [1]. Указанными авторами выявлен реальный набор традиционных ценностей молодежи, который в качестве поведенческой установки оказывает воздействие на ее политическое поведение. Данный набор составляют такие ценности, как крепкая семья, патриотизм, сильное государство, любовь к ближнему, стойкость духа и веры. Учитывая

непростую демографическую ситуацию в России, авторы считают негативным тот факт, что старшая группа молодежи, являющаяся главным репродуктивным ресурсом, не относит семейные ценности к приоритетным. Но в целом выявленные стереотипы социального мышления являются позитивным фактором сохранения политической стабильности и вполне укладываются в идеологический контекст Стратегии национальной безопасности РФ [1].

Т.С. Комашинская показала, что наивысшей точкой в списке традиционных ценностей нашего народа является приоритет духовного над материальным. Размывание же традиционных духовно-нравственных ценностей исследователь признает одной из угроз национальной безопасности России [2].

О.Р. Сигнаевская исследовала новое понимание национальной безопасности страны в русле проблем современного образования и установила взаимосвязь между духовно-нравственными ценностями образования и успешностью построения гражданского общества [3].

Опубликован Проект Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» [5].

В проекте рассмотрены негативные сценарии реализации государственной политики в сфере традиционных ценностей, которые представлены на рисунке 1.

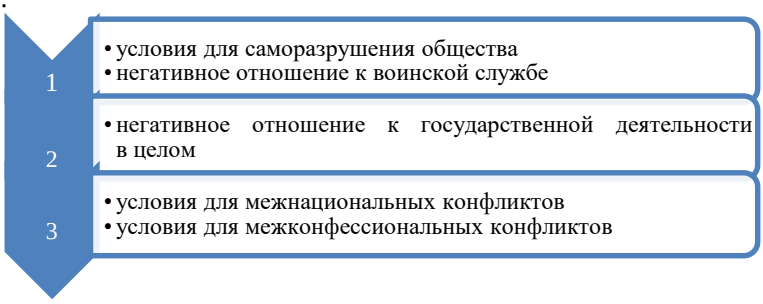

Рисунок 1 – Негативные сценарии реализации государственной политики в сфере традиционных ценностей

Очевидно, что такие негативные сценарии требуют разработки мер противодействия. Например, среди целей государственной политики в духовно-нравственной сфере указано не только сохранение системы традиционных ценностей, но и передача их молодому поколению. Кроме этого, целями государственной политики в сфере традиционных ценностей являются противодействие распространению

деструктивной идеологии; обеспечение морального лидерства России в международных отношениях как хранителя традиционных общечеловеческих ценностей.

Одной из задач государственной политики в этой сфере названо в проекте воспитание в духе традиционных ценностей. Представляется необходимым дополнить, что задача усвоения таких ценностей должна возлагаться не только на воспитание, но и на образование, что необходимо закрепить в окончательном тексте.

В проекте представлены основные традиционные ценности российского общества, которые приводятся на рисунке 2.

Рисунок 2 – Основные традиционные ценности

Однако предложенный проект незаслуженно подвергся критике со стороны ряда руководителей театров и артистов, а также некоторых ученых. Триггером для скандала стал пункт, в котором говорится о том, что «государственная поддержка мероприятий в культурно-

образовательной сфере нуждается в дополнительном контроле на предмет максимального соответствия целям государственной политики в сфере традиционных ценностей» [9].

В целом считаю необходимым поддержать предложенный Министерством культуры России проект «Основ сохранения традиционных духовно-нравственных ценностей». Также нельзя не поддержать подход, согласно которому в проекте «Основ…» закрепляется ответственность государственных органов за финансирование мероприятий, которые противоречат целям государственной политики. Речь, конечно же, идет только о средствах, выделяемых из федерального и регионального бюджета. При этом остается возможность для финансирования различного рода творческих экспериментов за счет частных средств.

Кроме того, необходимо предусмотреть ответственность государственных театров, других государственных учреждений культуры за реализацию проектов, которые противоречат целям государственной политики. Все государственные учреждения, предприятия и организации должны содействовать формированию и закреплению традиционных ценностей и при этом не могут участвовать в мероприятиях, противоречащих целям государственной политики.

Более того, содержание «Основ…» должно быть взято за основу при разработке других нормативно-правовых документов, таких как Федеральный закон «О традиционных российских духовно-нравственных ценностях», в котором необходимо предусмотреть для должностных лиц ответственность в виде штрафов за отказ от поддержки таких ценностей или воспрепятствованию им.

Таким образом, необходима единая государственная политика по формированию и укреплению системы традиционных духовно-нравственных ценностей народов России.

Литература

1. Стереотипы политического мышления молодежи в контексте реализации стратегии национальной безопасности РФ: опыт регионального исследования / В.Н. Гуляихин, О.Е. Андрющенко, П.П. Фантров, Е.В. Галкина // Вестник Волгоградского государственного университета. Серия 4: История. Регионоведение. Международные отношения. 2018. Т. 23. № 2. С. 186-194.

2. Комашинская Т.С. О роли традиционных ценностей в формировании информационного общества // Мир науки. 2018. Т.6. – № 2. С. 28.
3. Сигнаевская О. Р. Национальная безопасность и гражданское общество в контексте духовно-нравственных ценностей образования // Философия образования. 2008. № 4(25). С. 60-66.
4.Указ Президента РФ от 2 июля 2021 г. N 400 «О Стратегии национальной безопасности Российской Федерации» // Собрание законодательства Российской Федерации от 5 июля 2021 г. N 27 (часть II) ст. 5351.
5. Минкультуры России. Проект Указа Президента РФ «Об утверждении Основ государственной политики по сохранению и укреплению традиционных российских духовно-нравственных ценностей» от 30 декабря 2021 г., ID проекта 01/03/12-21/00123967 [Электронный ресурс] URL: https://regulation.gov.ru/projects#npa=123967 (Дата последнего обращения 01.05.2022).
6. Где разрешены однополые браки в Европе? [Электронный ресурс] URL: https://heaclub.ru/pochemu-v-rossii-zapreshheny-odnopolye-braki-musulmanskie-strany-i-odnopolye-braki-strany-gde-razresheny-odnopolye-braki-2019-2020-godu-spisok-stran#:~:text=Однополые%20браки%20разрешены%20на%20официальном,детей%2C%20получение%20наследства%20и%20налогообложение (Дата последнего обращения 01.05.2022).
7. Однополые браки теперь легальны, как только первые пары вступают в брак. Новости Би-би-си. 29 марта 2014 года. [Электронный ресурс] URL: https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.bb11f93a-6313f88d-15f783dd-74722d776562/https/www.bbc.com/news/uk-26793127 (Дата последнего обращения 01.05.2022).
8. Zakon o životnom partnerstvu osoba istog spola NN 92/14, 98/19 na snazi od 01.01.2020. [Электронный ресурс] URL:https://translated.turbopages.org/proxy_u/en-ru.ru.bb11f93a-6313f88d-15f783dd-74722d776562/https/www.zakon.hr/z/732/Zakon-o-životnom-partnerstvu-osoba-istog-spola (Дата последнего обращения 01.05.2022).
9. Культура национальной безопасности. Почему проект указа о защите духовных ценностей вызвал скандал [Электронный ресурс] URL: https://rtvi.com/stories/kultura-natsionalnoy-bezopasnosti-pochemu-proekt-ukaza-o-zashchite-dukhovnykh-tsennostey-vyzval-skan/ (Дата последнего обращения 01.05.2022).

Черных О.Н.,
педагог-психолог, канд. тех. наук
Россия, МБДОУ «Детский сад общеразвивающего вида № 125»
Терских А.П.,
канд. фарм. наук
Россия, ФГБОУ ВО «Воронежский государственный
медицинский университет им. Н.Н. Бурденко»

O.N. Chernykh,
Teacher-psychologist, Candidate of Technical Sciences
Russia, Kindergarten of general development type № 125
A.P. Terskih,
PhD in Pharmaceutical,
Russia, Voronezh State Medical University named after
N.N. Burdenko

РАЗГОВОР С ДЕТЬМИ ОБ ИСТОРИИ ПИСЬМЕННОСТИ

A CONVERSATION WITH CHILDREN ABOUT THE HISTORY OF WRITING

Аннотация

В статье раскрыты подходы к формированию нравственных ценностей у детей с помощью рассказа о святых равноапостольных Мефодии и Кирилле и празднике славянской культуры и письменности.

Abstract

The article reveals approaches to the formation of moral values in children with the help of a story about the holy equal-to-the-Apostles Methodius and Cyril and the holiday of Slavic culture and writing.

Ключевые слова: православие; нравственность; культура.
Keywords: orthodoxy; morality; culture.

Детский возраст является самым сенситивным периодом для формирования нравственных ценностей. Именно в этом возрасте необходимо формировать у детей доброжелательные взаимоотношения со сверстниками и взрослыми, прививать любовь и

гордость к Родине, преданность Отечеству, уважение к истории и культуре своего Государства [1]. С этой целью в нашей стране была возрождена традиция проведения праздника славянской культуры и письменности, который отмечается ежегодно 24 мая, став общенародным национальным, т.к. в этот день государство, религия и наука объединяются и вспоминают о первых учителях Кирилле и Мефодии.

Святые равноапостольные Кирилл и Мефодий родились много веков назад в городе Солуни. Они были родом из очень известной знатной семьи. Мефодий был старшим братом, Кирилл младшим. Но эти имена они получили при постриге в монашество. А до монашества Кирилл был Константином, Мефодий — Михаилом.

Святой Мефодий до того, как принял священнический сан и монашеский постриг, был военным начальником, был на очень хорошем счету, видя его ответственность и честность во всех поступках, ему даже доверили управлять землями в одной из провинций Византии, где жили славяне. По прошествии десяти лет Михаил решил всё оставить и посвятить себя на служение Богу, отправившись на гору Малый Олимп.

А святой Кирилл с детства был слаб здоровьем, очень любил учиться, много читал, получил прекрасное образование, очень много знал. Был, наверное, одним из самых ученых людей своего времени, своей эпохи, за что его часто называли Константин Философ. Он прошел обучение у лучших учителей в грамматике, астрономии, геометрии, философии, музыке и т.д. Константин изучил более шести языков, в числе которых и славянский, его он знал в совершенстве. Тяга к наукам была так велика, что юноша отказался от выгодной женитьбы, и стал библиотекарем при храме[2]. Диспуты и соборы, организованные византийским царем и патриархом, не проходили без молодого ученого, где Константин говорил на равных с почтенными мудрецами.

Вскоре Константин решил уехать в монастырь к старшему брату Мефодию на Малый Олимп, для того, чтобы молиться и изучать труды святых отцов. Вскоре император отправил братьев в великую Моравию для того, чтобы они просветили славян. Славяне в то время заселяли не только территорию России, но и Болгарию, и Прибалтику, и многие-многие другие страны, города, селения. Перед поездкой Константин узнал, что жители Моравии не имеют буквы на своем языке, и испугался, что они могут неправильно его понять при проповедании, тогда может пойти ересь — неправильное церковное учение. И он решил создать письменный славянский язык, для чего

снова отправился на Малый Олимп к Мефодию. Задача была непростой, но перед своей работой Константин сорок дней молился и постился, и смог придумать буквы, взяв за основу славянские говоры, с учетом всех особенностей произношения слов. Так была создана глаголица — азбука, понятная и жителям других частей славянского мира. Теперь Константину предстояло перевести на новую письменность Священное Писание, богослужебные тексты, то есть Библию и многие другие богослужебные книги, без которых дело распространения христианства на славянской земле было бы очень затруднительно. Завершив труды, святые братья отправились в путь.

Приехав в Моравию, Мефодий и Константин пошли в школы, где местных детей обучали латинскому языку и готовили для будущего священства. Братья показали ученикам новую, славянскую азбуку и переведённые на славянский язык книги. Больше трёх лет провели Константин и Мефодий в Моравии [2].

Так же, как и старший брат, Константин посвятил свою жизнь служению Богу. Но монашеский постриг он принял за пятьдесят дней до своей смерти, когда ему было всего сорок лет. Своему старшему брату, верному товарищу и защитнику Константин Фиолософ завещал: «Мы с тобой как два вола: от тяжёлой ноши один упал, другой должен продолжать путь». Кирилла похоронили в Риме рядом с мощами в храме святого Климента. С этого момента Кирилла начали почитать как святого. А Мефодию предстояло продолжать их вместе начатое дело [2]. Многое еще предстояло сделать Мефодию и много пройти испытаний. По дороге в Паннонию, в которую он был отправлен римским епископом Адрианом II для своих апостольских трудов, Мефодий попал в плен. Там по навету злых людей его обвинили в захвате чужих церковных земель, за что он был арестован, осужден и отправлен в ссылку в Швабию почти на три года, где претерпел и голод, и лишения. Но несмотря на выпавшие на его долю испытания, Мефодий не оставлял служение Богу до самой своей кончины в 885 году. Его похоронили в столице Великой Моравии Велеграде. Перед смертью Мефодий назначил себе преемника Горазда Охридского — славянина, архиепископа. Горазд Охридский не только сохранил наследие Кирилла и Мефодия, но и вместе с другими учениками святых братьев принял участие в создании на основе глаголицы алфавита, которым мы пользуемся сегодня,— кириллицы [2].

А создана была кириллица потому, что в то время «языком межнационального общения» был греческий, как английский в наши дни. Поэтому буквы, напоминавшие в начертании греческие, быстрее и легче воспринимались всеми людьми, хотя и буквы и все звуки в неё

перешли из алфавита Кирилла и Мефодия — первой славянской азбуки — глаголицы. Названа, она была, скорей всего, по 4 букве алфавита — «глагол», которая означало «слово», отсюда «глаголати» — говорить. Вот так с помощью букв глаголицы священные книги заговорили со славянами на их родном языке [2]. А всего в начале была создана 41 буква (позже их количество сократилось до 30).

Все алфавиты, созданные после Рождества Христова, неразрывно связаны с принятием народами христианства. И готы, и эфиопы, и славяне получили свои алфавиты и собственные литературные языки только после крещения. Святые братья понимали, что Христово учение обращено ко всем народам, а неграмотным людям проповедовать сложно. Благодаря Кириллу и Мефодию славяне получили не только Евангелие и богослужение на родном языке, но и возможность читать византийские книги.

Благодаря такому труду святых братьев, все мы обрели свой язык, своё письмо, что с недавних пор и отмечаем как государственный праздник — День славянской письменности и культуры.

А зачем же людям нужны книги? Чтобы стать образованными, потому что это очень важно в жизни каждого человека. Слово «образование» происходит от слова «образ». А чей же образ? Конечно, Образ Божий — человек был создан по нему. Поэтому главная задача образования — сохранить или воссоздать этот образ, а главная задача человека — помнить, чей он образ. Ведь когда образ Божий в человеке искажается или теряется, то человек становится безобразным. Поэтому не стоит удивляться тому, что многие образованные люди решаются на бесчестные поступки по отношению к родителям, близким, друзьям, знакомым и незнакомым, на воровство, возмущение, убийство, самоубийство и прочие страшные преступления [3].

Очень важно, чтобы мы имели не только книжные знания, которые, безусловно, необходимы в жизни, сколько нашли отражения качеств, по которым мы можем походить на Бога. Все мы знаем, что Бог наш Господь Иисус Христос хочет от нас любви: любви к людям, к окружающему миру, учит прощать, любить даже плохого человека, помогать людям независимо от того, как они относятся к нам. Учит нас не мстить, пресекать зло, если оно возникает. В отношении себя лично мы должны немного потерпеть, постараться простить чужие ошибки, понять человека, потому что мы и сами порой кого-то обижаем и совершаем нехорошие поступки и тоже нуждаемся в прощении. И если мы будем стараться так поступать, то в этом мы будем уподобляться Богу, и это будет правильный образ.

Образ схожести с Богом будет проявляться еще и в нашем воспитании. Очень многое дает именно воспитание. Можно быть блестяще образованным человеком, очень много знать, но при этом обладать очень плохими человеческими качествами, то есть быть злым, завистливым, грубым, жестоким и мстительным. И эти качества не украсят человека.

Очень важно, чтобы мы старались не лениться учиться, потому что все знания, которые мы получаем в течение всей жизни, обязательно нам пригодятся. Изучение русского языка и литературы обогащает нас, делает грамотными и культурными людьми. Произведения детской художественной литературы раскрывают внутренний мир героев, заставляют нас сопереживать, волноваться, подражать им. Художественные произведения пробуждают у человека нравственные чувства, среди которых доброжелательность, отвержение несправедливости, гуманность. В процессе чтения произведений художественной литературы развиваются воображение, мечты, эмоционально-познавательная деятельность, любовь к искусству, появляются размышления над поступками и поведением героев, происходящими событиями. Страницы книг передают нам эмоции, чувства и действия персонажей [1].

Если со школьных лет не научиться грамотно писать и разговаривать, то со временем будет очень непросто это наверстать. Именно образование и воспитание формируют культуру человека и его нравственность.

Вот так благодаря святым Кириллу и Мефодию была создана славянская письменность, а у нас появились небесные покровители в обучении. К святым Кириллу и Мефодию обращаются за помощью в обучении и овладении различными науками, ну и, конечно, о получении хороших отметок.

Литература

1. Головко А.Ф. Формирование нравственных ценностей у дошкольников средствами художественной литературы // «Несторовские чтения. Психолого-педагогические аспекты духовно-нравственного развития современной молодежи». Материалы II– Международных научно-образовательных чтений, посвященных дню памяти преподобного Нестора Летописца (17 ноября 2016 г.). Центр Нестора Летописца, 2016. С. 146-152.
2. Кирилл и Мефодий: удивительные приключения просветителей славян [Электронный ресурс] URL: https://foma.ru/kirill-i-mefodij-

udivitelnye-priklyucheniya-prosvetitelej-slavyan.html (Дата последнего обращения 12.05.2022).
3. Терских А.П., Натарова Е.С. Современный русский язык: «кризис» вместо «суда» // V Сильвестровские педагогические чтения. Духовность и нравственность в образовательном пространстве: традиционные ценности как стратегические национальные приоритеты. Материалы педагогических чтений / Отв. ред. О.Р. Каюмов. Омск: Амфора, 2016. С. 124-127.

Бурлакова Е.В.,
доцент, канд. психол. наук
Качалова С.М.,
доцент, канд. пед. наук
Россия, ФГБОУ ВО «Липецкий государственный технический университет»

Burlakova E.V.,
Associate Professor, Phd in Psychology
Kachalova S.M.,
Associate Professor, Phd in Pedagogy
Lipetsk State Technical University

РАЗВИТИЕ ПРОЕКТНОГО МЫШЛЕНИЯ НА ЗАНЯТИЯХ ПО ДИСЦИПЛИНЕ «РУССКИЙ ЯЗЫК И КУЛЬТУРА РЕЧИ»

DEVELOPMENT OF PROJECT THINKING IN THE CLASSROOM ON THE DISCIPLINE «RUSSIAN LANGUAGE AND CULTURE OF SPEECH»

Аннотация

В статье рассматривается проблема преподавания дисциплины «Русский язык» в высшем учебном заведении. На сегодняшний момент особую актуальность представляет способность студентов самостоятельно решать поставленные проблемы. Поэтому многие педагоги высшей школы развивают проектное мышление обучающихся.

Abstract

The article deals with the problem of teaching the discipline "Russian language" in a higher educational institution. At the moment, the ability of students to independently solve the problems posed is of particular relevance. Therefore, many teachers of higher education develop the design thinking of students.

Ключевые слова: русский язык; проектное мышление; студент; высшее учебное заведение.

Keywords: Russian language; design thinking; student; higher educational institution.

Согласно федеральному образовательному стандарту в вузовскую программу включена дисциплина «Русский язык и культура речи». Она способствует изучению теоретических вопросов, касающихся особенностей функционирования русского языка, становления норм современного русского языка. В процессе изучения дисциплины формируются навыки анализа того или иного лингвистического явления. Кроме того, одной из целей изучения данного предмета в высшем учебном заведении является развитие проектного мышления студентов, формирование навыков исследовательской работы. Большой акцент ставится на самостоятельной работе по приобретению знаний.

Обратимся к рассмотрению понятия «проектное мышление». Во-первых, проектное мышление предполагает проблемно-ориентированный характер, что связано с решением определённой поставленной проблемы и требует от проектанта способности формулировать и анализировать её. Во-вторых, проблемное мышление является инновационным типом мышления. Оно требует от студента чёткого представления о последовательности и перспективе развития действий. То есть студенту необходимо прогнозировать события, просчитывать их ход. В данном случае можно говорить о развитии у обучающихся творческих навыков, креативности. Поэтому проектное мышление можно назвать умением выявить проблему и просчитать оптимальные пути её решения.

На сегодняшний момент проектная деятельность в техническом вузе осуществляется на уровне взаимодействия социокультурной и технологической среды. При такой форме взаимодействия проектное мышление можно представить как системное мышление (организованное сложным образом), как способность формировать стратегию развития активной деятельности. Данный тип мышления позволяет комплексно подходить к решению поставленных проблем.

Итак, как мы работаем со студентами на занятиях по дисциплине «Русский язык»? Первоначально мы учим студентов разделять проект на циклы. Такое деление, как нам представляется, необходимо, для того чтобы контролировать и фиксировать промежуточные результаты, распределяя время наиболее эффективно. Каждый цикл при этом представляет собой законченный этап работы.

Рассмотрим основные этапы цикла. Первый – это выявление проблемы. Цель любого проекта – решение конкретной проблемы. Поэтому её необходимо вычленить и чётко для себя сформулировать. От этого зависит последующее решение проблемы. На данном этапе студенты прогнозируют свой проект и строят модель. Следующий этап – подготовительная работа. Исходя из поставленной проблемы определяется конкретная цель, выявляются критерии, позволяющие утверждать, что цель достигнута. На третьем этапе устанавливаются сроки, создается алгоритм действий, просчитываются возможные риски. Основной частью является четвёртый этап, представляющий реализацию проекта. Здесь необходимо учитывать, что обстоятельства могут повлиять на стратегию [3, с.104]. В этом случае её придется корректировать. Каждый этап необходимо контролировать на соответствие плану. Поэтому на пятом этапе учитывается обратная связь и при необходимости вносятся коррективы. Шестой этап – фиксация результатов, когда студенты сопоставляют цели с тем, что удалось реализовать. Именно поэтому нужны критерии достижения.

Важнейшим навыком современного специалиста в любых отраслях деятельности является умение действовать самостоятельно, то есть инициативно добывать новые знания, самостоятельно вырабатывать новые навыки, самостоятельно осуществлять программу саморазвития [1, с.26]. Необходимыми также являются навыки самостоятельно выдвигать гипотезы, подтверждать их или относиться критически, делать выводы из полученных данных.

Навыки могут отрабатываться не только на занятиях, связанных со специализацией студента, но и на занятиях по предметам общего цикла, в частности, на занятиях по дисциплинам «Русский язык и культура речи», «Русский язык в деловой коммуникации», «Коммуникативные компетенции делового человека» и других. На каждом занятии перед студентами необходимо ставить проблемные вопросы, чтобы они самостоятельно совершали небольшие открытия, связанные с освоением коммуникативной составляющей профессиограммы специалиста [2, с.87]. В связи с этим полезно давать студентам задания на создание мини-проектов, выполняя которые они будут развивать свою речевую культуру. Это могут быть проекты, связанные с происхождением различных топонимов, с происхождением слов и выражений, с историей изменения лингвистических норм, с изучением различий делового этикета в разных странах, особенностей восприятия лингвистических и паралингвистических явлений представителями разных народов и культур и другие.

В начале внедрения проектной деятельности преподаватель помогает студентам определить цель и задачи исследования, предлагает изучить определенные научные источники и отобрать необходимый для проекта материал [5, с.44]. На данном этапе важно определиться с теми результатами, которые нужно получить в ходе проектной деятельности студентов. После этого важно установить критерии оценки результатов проекта, продумать, каким способом эти результаты интереснее и выгоднее можно представить [4, с.692]. После этого начинается собственно работа над созданием проекта. На этом этапе студенты углубленно изучают отобранный материал, проводят опросы и анкетирования, обобщают имеющуюся информацию, сопоставляя ее с ранее полученными знаниями и представлениями, выделяют положительные и отрицательные особенности проанализированных явлений и делают обобщение. При этом результат работы студенты могут представить в форме дебатов, квестов, научных конференций. При этом студенты развивают способности к формально-логическому мышлению, знакомятся с основами научного исследования, получая представление о таких явлениях, как объект, предмет, методы исследования, гипотеза, научная и практическая значимость исследования [7, с.38]. В ходе работы развивается и способность студентов осуществлять мыслительные операции, такие как конкретизация и абстрагирование, синтез, сравнительная оценка и анализ [6, с.863]. При этом важно, что обучающиеся получают навыки классификации понятий, учатся формулировать разные виды суждений и умозаключений, обобщать полученную информацию, находить и реализовывать оптимальный вариант из возможного веера решений.

Именно такой проблемный подход очень важен в современном образовательном процессе, поскольку от современного специалиста требуется умение всесторонне анализировать проблему, выделить в ней главное и второстепенное, переструктурировать возникшую проблему в связи с задачами производственного характера [8, с.355]. Также очень важно обучить будущих специалистов составлять алгоритм решения проблемной ситуации, обучить действовать в связи с составленным алгоритмом для реализации проекта, научить анализировать и оценивать результаты своих действий в ходе проектной работы. Именно таким образом, благодаря последовательному использованию элементов проектной деятельности в ходе изучения содержания разных учебных дисциплин и формируется столь необходимое современному специалисту проектное мышление.

Литература

1. Бурков В.Я., Новиков Д.А. Как управлять проектами. М.: СИНТЕГ-ГЕО, 2007. 126 с.
2. Бурлакова Е.В., Качалова С.М. Цифровизация в коммуникативном пространстве современного высшего учебного заведения // Совершенствование методики преподавания в техническом вузе. Сборник научных трудов по материалам Всероссийской научно-методической конференции / Отв. редактор О.Р. Дорняк. Воронеж, 2021. С. 86-91.
3. Бурлакова Е.В., Качалова С.М. Использование электронных образовательных технологий в практике работы преподавателей вуза // Человек. Общество. Наука. 2021. Т.2. № 2. С. 104-111.
4. Егурнова А.А. Эмоционально благоприятная атмосфера на занятиях как способ амплификации познавательной активности // Педагогический журнал. 2020. Т.10. № 1А. С. 691-697.
5. Казин Ф.А., Луценко А.Е., Макарченко М.А., Зленко А.Н. Опыт управления изменениями в социально-гуманитарном блоке технического вуза (на примере университета ИТМО) // Университетское управление: практика и анализ. 2015. № 4 (98). С. 43-55.
6. Коростелева А.А., Крючкова Е.А., Жарковская Т.Г., Басик Н.Ю., Романова М.Ю. Межпредметная интеграция как способ актуализации содержания современного образования // Образовательное пространство в информационную эпоху – 2019. Сборник научных трудов. Материалы Международной научно-практической конференции / Под редакцией С.В. Ивановой. М.: ФГБНУ «Институт стратегии развития образования РАО», 2019. С. 860-875.
7. Котов Л.Ю. Возможности технологии проектного обучения в развитии творческого потенциала учащихся // Повышение квалификации и переподготовка работников образования: теория и практика: сборник статей по материалам научно-практических конференций сотрудников ВГИПК РО, 2001-2002 гг. Волгоград: Изд-во ВГИПК РО, 2007. 128 с.
8. Рожков А.А., Шалыгина А.П. Особенности развития социокультурной направленности личности в образовательных организациях // Профессиональное образование сотрудников органов внутренних дел. Педагогика и психология служебной деятельности: состояние и перспективы. Сборник научных трудов II Международной конференции. 2018. С. 354-357.

Кольовска Е.Г.,
канд. пед. наук
Барбосова А.Ю.,
студент
Россия, ГОУ ВО «Московский государственный областной университет»

Kolovska E.G.,
PhD in Pedagogy
Barbosova A.Yu.,
Student
Russia, Moscow Region State University

СОВРЕМЕННЫЕ КОРОТКОМЕТРАЖНЫЕ ФИЛЬМЫ НА УРОКЕ РКИ

MODERN SHORT FILMS AT THE LESSON OF RUSSIAN AS A FOREIGN LANGUAGE

Аннотация

Статья посвящена вопросам, связанным с использованием аутентичных аудиовизуальных материалов при обучении инофонов русскому языку. Рассматриваются критерии отбора таких материалов, обосновывается целесообразность включения в их число современных российских короткометражных фильмов. Даются примеры заданий и упражнений для работы с одним из таких фильмов на занятиях с иностранными учащимися разных уровней владения русским языком.

Abstract

The article is devoted to issues related to the use of authentic audiovisual materials in teaching foreign speakers the Russian language. The criteria for the selection of such materials are considered, the expediency of including modern Russian short films in their number is substantiated. Examples of tasks and exercises are given for working with one of these films in classes with foreign students of different levels of Russian language proficiency.

Ключевые слова: русский язык как иностранный; аутентичные аудиовизуальные материалы; короткометражный художественный фильм; коммуникативная компетенция; задания и упражнения.

Keywords: Russian as a foreign language; authentic audiovisual materials; short feature film; communicative competence; tasks and exercises.

Использование аутентичных аудиовизуальных материалов в учебном процессе давно получило методическое обоснование и широко практикуется в преподавании РКИ. Эти материалы «изначально не имеют адресата среди изучающих русский язык», однако «несмотря на сложность в предъявлении и восприятии таких материалов, они весьма популярны и среди преподавателей русского языка как иностранного, и среди иностранных студентов» [4, с. 247]. Справедливо считается, что они, разнообразя уроки, в то же время обеспечивают рост познавательной активности обучаемых, повышают их коммуникативную компетенцию, дают стимул к дальнейшему изучению языка.

При соответствующей методической обработке аутентичные аудиовизуальные материалы становятся эффективным средством обучения. Особое место среди них занимают художественные ленты, отличительная особенность которых не только в том, что они воздействуют сразу на два канала, зрительный и слуховой (это характеризует и другие как аутентичные, так и специально разработанные с учебной целью видеоматериалы), их неоспоримым преимуществом является сила впечатления и эмоционального воздействия, в результате чего у обучаемого формируется личное отношение к увиденному.

Однако в арсенале методистов и преподавателей РКИ, как правило, в основном представлены короткие мультипликационные и полнометражные художественные фильмы, по сравнению с которыми такой пласт аутентичных материалов, как короткометражные художественные фильмы, занимает гораздо меньший объем. В то же время эти последние обладают рядом несомненных достоинств как источник лингводидактического материала.

Продолжительность короткометражных фильмов составляет в среднем от 10 до 30 минут. Таким образом, работа с фильмом, включающая все необходимые этапы, может быть осуществлена в течение одного занятия. Безусловно, это же можно сказать и о мультфильмах, однако далеко не все они могут быть интересны по своему содержанию взрослым учащимся, поскольку в большинстве

рассчитаны именно на детскую аудиторию. Более перспективными в плане работы со взрослой иноязычной аудиторией являются анимационные картины, предназначенные, что называется, для семейного просмотра, но они зачастую выходят за рамки «короткого метра» (см., например, [3]).

Сюжет короткометражного художественного фильма емкий и «беспримесный», не имеет ответвлений, и инофонам легче следить за его развитием. Количество действующих лиц тоже невелико, и можно успеть составить мнение о каждом. В то же время такое ограниченное художественное пространство не является помехой для серьезной проблематики, которая представлена в короткометражном фильме как бы в сконцентрированном виде.

Так, авторы пособия «Коротко о главном» следующим образом характеризуют рекомендуемые ими для работы в иноязычной аудитории короткометражные ленты: «Каждый фильм представляет собой взгляд на современную жизнь и взаимоотношения людей, является попыткой отразить и осмыслить актуальные проблемы и вечные темы» [1, с.4]. Безусловно, как и в случае с полнометражным кино, тематика и проблематика выбираемых для просмотра лент призвана «обеспечивать возможность такого послепросмотрового обсуждения, в котором иностранные учащиеся принимали бы участие охотно и с интересом» [2, с.16]. С одной стороны, фильмы должны способствовать знакомству учащихся с русской культурой, характерными чертами жизни и быта россиян; с другой стороны, поднимаемые проблемы должны иметь общечеловеческий характер, находить отклик у учащихся, быть им знакомыми по их собственному жизненному опыту. В этом случае гораздо успешнее проходит и дальнейшая работа по развитию навыков учащихся в продуктивных видах речевой деятельности.

Как и все аутентичные аудиовизуальные материалы, короткометражные фильмы насыщены актуальной лексикой, демонстрируют узуальные возможности ее употребления. В то же время, выбирая фильм, преподавателю следует предъявлять определенные требования к его лексическому наполнению – и не только с точки зрения соответствия уровню владения языком его учащихся. «Не секрет, что большим успехом у преподавателей пользуются фильмы, создававшиеся в годы расцвета советского кинематографа, когда игра актеров была вполне профессиональна, а язык, которым они изъяснялись, соответствовал норме» [3, с.110]. Речь персонажей выбираемого для просмотра в учебной аудитории произведения киноискусства не должна быть «обременена столь

популярной сегодня в искусстве обсценной лексикой» [2, с.16], какие бы острые современные проблемы в нем ни ставились.

Одним из таких фильмов, отвечающих рассмотренным выше критериям, является, с нашей точки зрения, короткометражная лента «Любовь» (режиссер Иван Соснин, 2019 г.; продолжительность – 15 минут) – третья новелла из создававшегося разными съемочными группами цикла «Главбух. История одной фирмы». Эта новелла – романтичная история о зарождении глубокого чувства между двумя одинокими людьми, познакомившимися в сети. Переписка бухгалтера Любы (актриса Ирина Пегова) и работающего на севере метеоролога Федора (актер Андрей Благословенский), начавшаяся с целью выяснения недоразумения (из-за неправильно указанного номера банковской карты Федору не поступает зарплата), перерастает в душевную потребность для каждого из них. Когда Федор во время разбушевавшегося циклона перестает выходить на связь, Люба, волнуясь о нем, под предлогом выдачи зарплаты сама едет на метеорологическую станцию.

Перед просмотром любого аутентичного материала студентам, как правило, предлагаются задания, направленные на снятие лексических трудностей, а также подготавливающие их к восприятию содержания картины. Задача отбора требующей семантизации лексики и выбора способов семантизации обычно решается преподавателем исходя из общей языковой подготовки аудитории и целей урока. Так, в данном случае подготовку к просмотру можно начать с разговора о профессиях героев (*Знаете ли вы, кто такой бухгалтер, кто такой метеоролог, где они работают?*), семантизировать незнакомую лексику при помощи синонимичных слов и выражений, антонимов, толкования (с учетом значения в данном контексте), например:

съездить на юг – поехать в отпуск на море;

держать *кого?* в курсе *(чего?)* – передавать *кому-либо* информацию (*о чём-либо*);

вести поиск *кого / чего?* (офиц.) – искать *кого / что?*

подбросить *кого? куда?* (разг.) – довезти;

не выходить на связь – не отвечать на письма, звонки;

(с)копить / (ис)тратить *что? на что?* (деньги на отпуск);

пострадать (СВ) – 1) сломаться, испортиться (о предметах); 2) испытать неприятности, несчастье, потерять здоровье (о людях), *кто?* пострадавший

и т.п.

При необходимости используется контекст, например: *Я всегда долго коплю деньги, а трачу их очень быстро; Из-за сильного ветра пострадало несколько деревьев; В автокатастрофе пострадавших нет* и под.

В ряде случаев подспорьем для семантизации является словообразовательный анализ:

купальник ← купальный костюм – женская одежда для плавания;

зарплата ← заработная плата – плата за работу;

подтверждение ← подтверждать;

поломка ← поломать (сломать).

Непосредственно перед просмотром учащимся может быть дана следующая установка: *Посмотрите фильм. Скажите, подходит ли ему его название?* (или в несколько иной формулировке: *Как вы думаете, почему он так называется?*). В данном случае ответ прозрачен и подкрепляется говорящим именем героини.

При демонстрации полнометражной ленты часто проводится более углубленная работа над отдельными эпизодами, в случае же с короткометражными фильмами этот этап, как правило, оказывается излишним, хотя и здесь все зависит от общего уровня группы и конкретных целей преподавателя. После просмотра фильма и проверки понимания его содержания выполняются упражнения, которые способствуют закреплению языковых навыков, задания, направленные на развитие устной и письменной речи, творческие работы, помогающие расширению кругозора иностранных студентов.

Вопросы для проверки понимания содержания ленты «Любовь» (где живут и работают герои, как они познакомились и где впервые встретились, что случилось на метеорологической станции и т.д.) могут быть предъявлены и в форме теста. Представим фрагмент подобного теста.

Почему Фёдор два месяца не получал зарплату?

А. Там, где он работает, нет магазинов.

Б. Ему бесплатно выделяют продукты.

В. Он неправильно указал номер своей банковской карты.

Что было на видео, которое Фёдор отправил Любе?

А. Закат.

Б. Селфи Фёдора.

В. Животные.

Почему Люба поехала на метеорологическую станцию?

А. Её отправили туда в командировку.

Б. Она беспокоилась о Фёдоре.

В. Чтобы передать Фёдору зарплату.

Почему Фёдор перестал писать Любе?

А. Он обиделся на Любу.

Б. Он отморозил пальцы.

В. У него пропал интернет.

Почему Фёдор сказал, что не поедет на юг?

А. Он должен лечиться в больнице.

Б. Он не любит ездить на море один.

В. Он не хочет ехать на море без Любы.

и под.

Популярное задание восстановить хронологию отображенных в киноленте событий по скриншотам является особенно уместным при работе с короткометражным фильмом: как правило, при небольшом количестве требуемых скриншотов оказываются охваченными все узловые моменты сюжета.

Далее, с целью совершенствования языковых навыков студентов, им может быть предложено рассказать, опираясь на скриншоты, о действиях и поступках Любы, используя бесприставочные и приставочные глаголы движения (в частности, *идти, ехать, бежать, везти* и др.). Как известно, лексико-грамматическая группа глаголов движения представляет особую трудность для инофонов на любом уровне владения языком, а в пересказе сюжета фильма «Любовь» эти глаголы играют ключевую роль.

Внешность героев фильма, их характер и интересы являются еще одной темой для обсуждения, которая способствует также активизации лексических навыков студентов.

С целью совершенствования речевых умений учащихся можно рекомендовать следующее задание:

Работа в парах!

а) Восстановите по памяти переписку между Фёдором и Любой.

б) Проверьте себя, посмотрев ещё раз эпизоды фильма, где показана переписка героев. Какие ещё фразы, которые не звучат в фильме, они пишут друг другу?

В заключение можно провести со студентами дискуссию на актуальную сегодня тему «Знакомство в интернете: за и против» или «Общение в социальных сетях: плюсы и минусы» (по мере обсуждения можно заполнить на доске соответствующую таблицу). Приводя аргументы и примеры, участники дискуссии будут опираться не только на содержание просмотренного фильма, но и на свой собственный опыт, выражать собственное мнение.

В качестве письменного домашнего задания может быть предложено следующее:

Как, по-вашему, будут развиваться отношения Фёдора и Любы? От лица их коллеги напишите письмо подруге или другу. Расскажите историю знакомства Фёдора и Любы и опишите, что случилось с ними в дальнейшем.

Рассмотренный выше вариант работы с короткометражным фильмом «Любовь» ориентирован прежде всего на учащихся первого сертификационного уровня. Представим еще один вариант использования этого киноматериала – с целью подготовки к сдаче теста второго сертификационного уровня.

Вторая часть субтеста «Аудирование» (задания 11–15) данного теста выполняется после просмотра видеозаписи диалога, время звучания которого не превышает двух минут. «Проверяется способность тестируемого воспринимать основную смысловую информацию (на уровне общего и детального понимания), а также понимать основные намерения говорящих и эксплицитно выраженный характер их социально-поведенческих отношений» [5, с.70]. Приведем небольшой, но эмоционально насыщенный диалог, который происходит между героиней Ирины Пеговой, ожидающей Федора в его доме на метеорологической станции, и вошедшим туда мужчиной, а также возможные тестовые задания.

Люба: Есть кто-нибудь? Кто дома есть? Здрасьте!

Мужчина: Здравствуйте…

Люба: Я вас иначе себе представляла… Я зарплату вам привезла.

Мужчина: Так вы к Феде, что ли?

Люба: Да.

Мужчина: Его снегом привалило. Я тут помогаю.

Люба: В смысле?

Мужчина: Ну, полез на вышку связи, сорвался. Мы его едва откопали. Да у него нормально всё, нормально! Он сейчас в больнице местной, отогревается.

Люба: А где больница?

Мужчина: Да больница прямо здесь, через пригорок. Я вас довезу на… на снегоходе.

Задания 11–15. Посмотрите фрагмент фильма и выберите вариант ответа к каждому из заданий.

11. Женщина и мужчина … .

А. давно знакомы друг с другом

Б. недавно познакомились

В. впервые видят друг друга

12. Увидев мужчину, женщина … .

А. обрадовалась

Б. была разочарована
В. успокоилась
13. Женщина привезла … .
А. деньги
Б. письма
В. подарок
14. Мужчина …. .
А. продаёт этот дом
Б. живёт в этом доме
В. присматривает за домом
15. Женщина приехала к мужчине, … .
А. с которым встретилась в этом доме
Б. который лечится в больнице
В. который работает в больнице

Этот же эпизод можно эффективно использовать при подготовке к другому субтесту – «Говорение». Согласно типовому тесту второго сертификационного уровня, одно из заданий данного субтеста также выполняется после просмотра видеосюжета, длящегося около двух минут:

Задание 13. Расскажите об увиденном друзьям. Опишите ситуацию и действующих лиц и выскажите предположение, почему, по вашему мнению, возникла такая ситуация [5, с.31].

Использование видеосюжетов, в том числе отрывков из художественных фильмов и спектаклей, предусмотрено для контроля речевых умений аудирования и говорения также и в типовых тестах третьего и четвертого сертификационных уровней. Короткометражные ленты являются полноценным источником материала для подготовки к выполнению подобных заданий, а также для составления закрытых вариантов тестов.

Таким образом, короткометражные художественные фильмы в качестве дополнительного лингводидактического материала не только не уступают «полному метру», но и имеют свои преимущества. Их небольшая продолжительность, «однолинейный» динамичный сюжет, малое число действующих лиц способствуют сохранению интереса учащихся на протяжении всего просмотра, сокращают время на подготовку преподавателем и выполнение учащимися предпросмотровых лексических заданий, позволяют успешно выполнить всю запланированную работу в ограниченное рамками учебного занятия время. Однако отметим, что для фильмов любого метража главным остается определение «художественный», и при выборе произведения современного киноискусства для использования

его с учебными целями преподавателю следует прежде всего ориентироваться на этот критерий.

Литература

1. Арапова О.Г. Коротко о главном. Смотрим короткометражные фильмы: пособие для студентов, изучающих русский язык как иностранный. М.: Русский язык. Курсы, 2017. 116 с.
2. Бочкарева А.А., Кольовска Е.Г. К вопросу об использовании видеофильмов в обучении русскому языку как иностранному // Русский язык как иностранный: методика молодых. Сборник научных трудов молодых исследователей. М.: МГОУ, 2020. С. 13–21.
3. Кольовска Е.Г., Кульгавчук М.В. «Я понятно объясняю?..» Об использовании полнометражных мультипликационных фильмов на уроках РКИ // Вестник ЦМО МГУ. Филология. Культурология. Педагогика. Методика. 2009. № 3. С. 110–114.
4. Методика обучения русскому языку как иностранному: учебное пособие для вузов / И.П. Лысакова, Г.М. Васильева, С.А. Вишнякова и др.; под ред. проф. И.П. Лысаковой. М.: Русский язык. Курсы, 2016. 320 с.
5. Типовые тесты по русскому языку как иностранному. Второй сертификационный уровень. Общее владение / Аверьянова Г.Н. и др. М. СПб.: Златоуст, 1999. 112 с.

СОДЕРЖАНИЕ

ИСТОРИКО-КУЛЬТУРНЫЕ АСПЕКТЫ ДЕЯТЕЛЬНОСТИ КИРИЛЛА И МЕФОДИЯ	
Вакулова Т.В. Цивилизационное значение деятельности Кирилла и Мефодия	3
Миронович А.В. Миссия равноапостольных Кирилла и Мефодия в Польских землях до начала XI века	8
Черных А.В. Хазарская миссия Кирилла и Мефодия	41
ЛИТЕРАТУРОВЕДЕНИЕ И КУЛЬТУРОЛОГИЯ	
Антонов В.А. «Бедные люди» Ф.М. Достоевского и бедные люди В.О. Пелевина: pro et contra	55
Арбузова В.Ю., Шурупова О.С. Библейская традиция в эпистолярном тексте	63
Кондратьев А.С. «Бесы» Ф.М. Достоевского и «Кровавый пуф» В.В. Крестовского: диалоги о судьбе России в контексте «большого времени»	69
Меринов К.А. «Бедные люди» Ф.М. Достоевского**:** духовный смысл и художественное воплощение становления человека	76
Шурупова О.С. Становление православных категорий закона и благодати в русской культуре и литературе (на примере повести А.С. Пушкина «Барышня-крестьянка»)	82
ЯЗЫКОЗНАНИЕ	
Ануфриева Г.В. Славянская азбука как отражение национальной языковой картины мира	87
Афанасьева Е.А., Усачева О.Ю. Концепт РОДИНА в современном русском молодежном патриотическом дискурсе: на материале «наивной поэзии»	94
Гончарова Т.В., Чудинова О.С. Провинциальный (Липецкий) текст как источник изучения лексики православия	114

Качалова С. М. О заимствовании слов в русском языке	124
Попова Е.А., Щепкина П.В. Церковнославянская лексика в «Толковом словаре живого великорусского языка» В.И. Даля как отражение кирилло-мефодиевской православной традиции	131
ВОПРОСЫ ДУХОВНО-НРАВСТВЕННОГО ВОСПИТАНИЯ	
Заридзе Г.В. Сохранение традиций и культурных инноваций как путь восстановления духовно-нравственной идентичности нашего народа	140
Разбейко Н.В. Духовно-нравственные ценности в контексте национальной безопасности	149
Черных О.Н., Терских А.П. Разговор с детьми об истории письменности	155
МЕТОДИКА ПРЕПОДАВАНИЯ РУССКОГО ЯЗЫКА	
Бурлакова Е.В., Качалова С.М. Развитие проектного мышления на занятиях по дисциплине «Русский язык и культура речи»	161
Кольовска Е.Г., Барбосова А.Ю. Современные короткометражные фильмы на уроке РКИ	166

Научное издание

КИРИЛЛО-МЕФОДИЕВСКИЕ ЧТЕНИЯ: ТРАДИЦИИ И СОВРЕМЕННОСТЬ

Сборник научных статей по материалам
III межвузовской научно-практической конференции
с международным участием
(Липецк, 24 мая 2022 г.)

Технический редактор
Л. А. Дьякова

Издание публикуется в авторской редакции
и авторском наборе

Подписано в печать 26.09.2022. Формат 60×84/16
Усл. печ. л. 10,23. Тираж 100 экз. Заказ 172.

ООО Издательско-полиграфический центр «Научная книга»
394018, г. Воронеж, ул. Никитинская, 38, оф. 308
Тел.: +7 (473) 200-81-02, 229-77-33
http://www.n-kniga.ru. E-mail: zakaz@n-kniga.ru

Отпечатано в типографии ООО ИПЦ «Научная книга»
394026, г. Воронеж, Московский пр-т, 11/5
Тел.: +7 (473) 229-32-87
http://www.n-kniga.ru. E-mail: nautyp@yandex.ru